

Д. Н. Логофетъ.

ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

ИЗЪ ПОГРАНИЧНОЙ ЖИЗНИ.

ТОМЪ II.

Издание Н. Л. Вирснера.

ТАШКЕНТЪ.

Типографія Штаба Туркестанскаго военного Округа

1903.

ОЧЕРКИ

ИЗЪ

СРЕДНЕ-АЗИАТСКОЙ

ПОГРАНИЧНОЙ ЖИЗНИ.

(Посвящаются М. А. Фольбауму).

І. Ожидаютъ.

Длинной грядой обнаженных скалистых утесовъ грязно-краснаго цвѣта высится хребетъ Капетъ-Дагъ среди необъятныхъ песчаныхъ равнинъ Закаспійской области. Начинаясь около самыхъ береговъ моря, отроги его, извиваясь, тянутся на громадномъ пространствѣ по побережью Каспійскаго моря. Темныя гряды каменныхъ громадъ вырисовываются на пустынномъ берегу, лишенномъ всякой растительности. Непривѣтливъ общій видъ побережья. Однообразно плещутся волны о прибрежныя скалы, нарушая своимъ ритмическимъ плескомъ общее безмолвіе. Необозримыя песчаныя равнины разстилаются за горами. Порою вѣтеръ, проносясь надъ моремъ и вспѣнивъ его гладкую поверхность, съ глухимъ ревомъ пролетаетъ черезъ горныя ущелья и, вырвавшись на свободу необъятной равнины, поднимаетъ облака песку. На небѣ ни тучки. Громад-

нымъ куполомъ прозрачно-голубого цвѣта кажет-
ся оно путнику. Освѣщая все нестерпимымъ яр-
кимъ свѣтомъ, льетъ свои огненные лучи южное
солнце, придавая всему желтоватый колоритъ.
За горнымъ хребтомъ мѣстность кажется еще
пустыннѣе. Безотрадность картины, открываю-
щейся глазу, угнетаетъ путника, случайно попав-
шаго на вершину хребта, съ котораго видна не-
объятная страшная пустыня. Мелкая сѣровато-
зеленая колючка лишь кое гдѣ виднѣется въ лож-
бинкахъ и вмѣстѣ съ чахлыми кустами сабсау-
ла является представительницею растительности
въ этой странѣ, страдающей постояннымъ недуг-
омъ—недостаткомъ воды. Песчаные барханы ка-
жутся издали волнующимся моремъ, а на са-
момъ горизонтѣ, мѣняя постоянно мѣста, появля-
ются озера, окруженные деревьями—это миражъ.
Чѣмъ дальше внутрь края, тѣмъ безотраднѣе ста-
новится мѣстность, тѣмъ сильнѣе охватываетъ
каждаго видящаго пустыню въ первый разъ, осо-
бое щемящее чувство, граничащее съ ужасомъ.
Горный хребетъ кажется мертвымъ, вырисовываясь
постоянно передъ глазами. Громадныя его скалы,
почти лишенные растительности, угрюмо сдвину-
лись по всей русско-персидской границѣ. У под-
ножья хребта въ нѣкоторыхъ мѣстахъ виднѣются
текинскіе аулы. Въ безпорядкѣ разбросанныя глино-
битныя сагли чередуются съ войлочными кибитками
тегинцевъ. Уныло бродятъ около ауловъ верблюды,

пощипывая колючку. Громадныя собаки, какъ
будто изнемогая отъ палящаго зноя, лѣни-
вымъ лаемъ провожаютъ проходящихъ. Вдали, на
склонахъ горъ, въ ущельяхъ и горныхъ впади-
нахъ зелеными пятнами на желтоватомъ фонѣ
горъ выдѣляется растительность. Стада овецъ
подъ наблюдениемъ чабановъ-тургменъ смѣло под-
нимаются на почти отвѣсныя крутизны, розыски-
вая себѣ кормъ. Порою среди безбрежной степи
вырисовываются развалины древнихъ разрушен-
ныхъ городовъ, а на высокихъ холмахъ одиноко
стоятъ мазары,—мѣста успокоенія благочестивыхъ
людей, святостью своей жизни заслужившихъ по-
становку надъ могилой ихъ памятниковъ-мечетей.
Степь кажется мертвою и лишь въ вышинѣ слы-
шится порою елекотаніе горныхъ орловъ, да вни-
зу, между камней и мелкой сожженной солнцемъ
травой, жизнь кипитъ ключемъ. Блѣдно-розовыя
и желтыя ящерицы мелькаютъ среди травы, пре-
слѣдуя мошекъ; желтовато-черныя фаланги уст-
раиваютъ какія то своеобразныя игры, да одино-
кій, чуждающійся общества, скорпионъ порою вы-
ползаетъ на свѣтъ Божій, меланхолично постуки-
вая своимъ хвостомъ. Днемъ все кромѣ нихъ
прячется отъ жгучихъ лучей южнаго солнца и
только изрѣдка на горизонтѣ вырисовывается
медленно идущій караванъ. Позвякивая громад-
ными бубенцами, привѣшенными къ длиннымъ
шеямъ верблюдовъ и раскачиваясь изъ стороны

въ сторону, длинной вереницей выступают они по пескамъ пустыни. Впереди, на небольшомъ ишакаѣ, храня солидную важность, ѣдетъ самъ караванъ-баши, мурлыкая себѣ подъ носъ унылую пѣсню, дикіе, гортанные звуки которой далеко разносятся по окрестностямъ. Ночью степная картина измѣняется. Ярko блестятъ мириады звѣздъ на темномъ фонѣ неба, освѣщая своимъ мерцающимъ свѣтомъ окрестности. Тишина ничѣмъ не нарушается и безмѣрное безмолвіе царитъ въ степяхъ. Лишь далеко въ горахъ громкое мяуканіе барса чередуется съ завываніемъ гіенъ и лаемъ шакаловъ. Освѣщенная мягкимъ луннымъ свѣтомъ песчаная равнина, кажется еще необозримѣе. Вершины горъ, искрясь при свѣтѣ луны, еще рѣзче выдѣляются на желтоватомъ фонѣ пустыни. Жизнь какъ будто окончательно замираетъ въ этихъ необъятныхъ дикихъ пространствахъ и случайно попавшій въ нихъ ночью, путникъ невольно испытываетъ нѣкоторую подавленность и благоговѣніе, охватывающее каждаго входящаго въ большую церковь. Пустыня, являющаяся частью необъятнаго храма Всевышняго, совершенно подавляетъ своимъ величіемъ, заставляя человѣка сосредоточиться, заглянувъ глубже внутрь себя и хоть на время ставши ближе къ природѣ, сдѣлаться лучше и воспримчивѣе.

Порою откуда-то издалека доносятся едва слышные неясные звуки — эти звуки несутся изъ

пограничнаго кордона, пріютившагося у входа въ ущелье. Небольшой домикъ, казарма, какъ будто пугливо прижался къ выступу скалы горнаго хребта. Въ немъ десятка два солдатъ пограничной стражи подъ командою унтеръ-офицера днемъ и ночью несутъ Государеву службу, охраняя границу земли Русской.

Тяжела и безотраднa жизнь на кордонѣ. Со всѣхъ сторонъ разстилаются необозримыя песчаныя равнины. Вся растительность заключается въ нѣсколькихъ арчевыхъ деревьяхъ, одиноко растущихъ на склонахъ горъ. Лишь ранней весной появляется кое гдѣ трава, покрывающая своимъ зеленымъ ковромъ окрестности, но не надолго; южное солнце быстро сжигаетъ траву, заботливо придавая всему ровный желтоватый колоритъ. Изъ расщелины скалы тонкою струйкою спадаетъ вода въ небольшой водоемъ, ревниво охраняемый всѣми людьми поста. Вода — жизнь въ пустынѣ и драгоценная влага осторожно расходуется подъ наблюдениемъ начальника поста. Безостановочно круглый годъ несутся постомъ трудная служба по охранѣ границы. Ежедневно высылаются конные разъѣзды до сосѣднихъ постовъ и внутрь края въ пески. Взявъ съ собою запасъ фуража и продовольствія, направляются разъѣзды по опредѣленному пути, держа направленіе на колодцы, находящіеся среди песковъ, зная, что никто не можетъ пройти мимо нихъ, такъ какъ безъ

воды даже опытные туземцы-туркмены не рискуют пробираться по безводнымъ песчавымъ пространствамъ. Уныло мурлыкая себѣ подъ носъ какой-то однообразный мотивъ, пристроился на камнѣ противъ кордона дежурный, сосредоточенно-внимательнымъ взглядомъ порою осматривающій разстилающуюся передъ нимъ равнину. Въ сторонѣ, рядомъ съ кордономъ у входа въ юрту расположились на землѣ нѣсколько джигитовъ поста, лѣниво перебрасывающихся отрывочными фразами. Внутри казармы, изнемогая отъ палящаго зноя, на полу растянулись люди, отдыхая передъ выѣздомъ на службу.

Начальникъ поста унтеръ-офицеръ Чумаченко вотъ уже нѣсколько дней какъ ведетъ какіе-то переговоры съ Юнуской-джигитомъ, тайно бесѣдуя съ нимъ около родника или же уходя далеко отъ кордона въ горное ущелье. Всѣ люди поста терпѣливо ожидаютъ окончанія этихъ переговоровъ, догадываясь, что дѣло касается свѣдѣнія о предполагаемомъ водвореніи контрабанды.

„Такъ сказываешь послѣ завтра перейдутъ безпремѣнно“, спрашиваетъ Чумаченко, что-то ображая. „Значитъ, черезъ два дня на ислимскихъ колодцахъ въ ночь будутъ, — рѣшаетъ онъ, глубокомысленно разсматривая свою изуродованную пендинкою руку. „Надо командиру отряда доложить на счетъ всего этого. Какой приказъ

будетъ, такъ и сдѣлаемъ, а ты голлобый пока ни гу-гу“, добавилъ онъ, хлопнувъ джигита въ видѣ ласки по головѣ. „Да никакъ они сами ѣдутъ, — добавилъ онъ, всматриваясь въ даль, гдѣ въ пескахъ по направленію къ кордону двигалось темное облако пыли.

„Бѣги поднимай людей, чтобы томаши послѣ съ ними не было“, — отдалъ онъ приказаніе джигиту, направляясь къ казармѣ.

Скоро на дворѣ и въ казармѣ поднялась усиленная уборка. Люди сметали со всего слои пыли, густо покрывавшіе всѣ вещи; выбивали одежду, чистили лошадей, оружіе и аммуницію. Часа черезъ полтора уже дежурный могъ разсмѣтрѣть нѣсколько всадниковъ, быстро подвигавшихся къ кордону. На отличномъ рыжемъ конѣ тегинской породы, въ сопровожденіи двухъ солдатъ и джигита, подъѣзжалъ командиръ Караташскаго отряда ротмистръ Одичавшій. Сдвинувъ на затылокъ фуражку и отирая крупныя капли пота, онъ остановился около крыльца кордона, быстрымъ внимательнымъ взглядомъ окинувъ выстроившихся нижнихъ чиновъ поста и джигитовъ. „Ваше высокородіе, на Чаекскомъ посту происшествій никакихъ не случилось, — отчеканивая каждое слово, отрапортовалъ Чумаченко, подойдя молодцеватымъ и увѣреннымъ шагомъ къ своему командиру. Ротмистръ Одичавшій, осадивъ коня, легкимъ прыжкомъ спрыгнулъ на

землю и подошелъ къ выстроеннымъ людямъ. „Выводить хорошенько лошадей“, отдалъ онъ приказаніе сопровождавшимъ его джигитамъ. Подоровавшись съ людьми и разспросивъ каждого о всѣхъ дѣлахъ служебнаго и домашняго обихода, ротмистръ попутно взглянулъ на развѣшенное для провѣтриванія обмундированіе, а затѣмъ, приказавъ вывести лошадей на выводку, тщательно осмотрѣлъ каждую, давъ нѣсколько указаній о порядкѣ ихъ довольствія и чистки. Чумаченко ловилъ эти приказанія на лету, запоминая старательно каждое слово, сказанное командиромъ. „Вечеромъ пѣший строй, завтра сдѣлаемъ ѣзду, да кстати можно и мобилизацію пробную устроить, ну а послѣ завтра пройдемъ два упражненія стрѣльбы“, — закончилъ Одичавшій свои приказанія.

„Да кстати давай-ка, пока есть время, артельщика съ книжкой, тоже нужно провѣрить, — вспоминалъ онъ по-очереди отдѣлы хозяйства и зная, что работы будетъ въ теченіи трехъ дней, которые онъ проведетъ на посту, по горло, рѣшилъ пока немного отдохнуть. Въ казармѣ давнѣе уже шумѣлъ самоваръ, поставленный услужливыми руками и нѣсколько минутъ спустя ротмистръ съ особымъ удовольствіемъ пилъ горячій чай, вытирая обильно струившіяся капли пота и ругая въ душѣ на чемъ свѣтъ стоитъ палящій зной южнаго солнца. Чумаченко почтительно стоя

у двери, по-очереди доглядывалъ все, что произошло на посту въ теченіи десяти дней, прошедшихъ со времени послѣдняго пріѣзда командира на постъ.

„Такъ что, ваше высокоблагородіе, Юнуска сказывалъ, текины послѣ завтра ночью изъ Персіи перебросятся. Сказывалъ, что больно большой караванъ ихъ пойдетъ, близко ста верблюдовъ и конвой при нихъ достаточный, — наконецъ доложилъ онъ послѣднее по порядку, но первое по важности событіе постовой жизни... Одичавшій быстро поставилъ стаканъ съ чаемъ на столъ и внимательно посмотрѣлъ на начальника поста.

„Чего же ты, разумная голова, это къ концу то приберегъ, а не доложилъ съ самаго начала, — недовольнымъ тономъ спросилъ онъ поднимаясь, — пошли Юнуску сюда... да и самъ приходи“. Черезъ нѣсколько минутъ въ сѣняхъ послышался шумъ и въ отворенную дверь, громко стуча сапогами на высокихъ каблукахъ, вошла рослая фигура вольнонаемнаго джигита Юнуса-Оглы-Сафара. Одѣтый въ пестрый халатъ и громадную мѣховую папаху, онъ по своему костюму отличался отъ неслужащихъ текинцевъ лишь зелеными гарусными жгутами на плечахъ. Юнусъ давно уже служилъ джигитомъ и поэтому говорилъ сносно по-русски, исполняя даже обязанности переводчика во всѣхъ случаяхъ, когда необ-

ходимо было вести переговоры съ мѣстными жителями, не понимавшими ни полслова по-русски.

„Такъ послѣзавтра пойдутъ, Юнусъ?— обратился ротмистръ къ почтительно стоявшему у двери джигиту.

„Послѣзавтра, Бояръ, когда луна надъ землею станетъ, Тюря-Ходжа со своимъ караваномъ возвратится изъ Персін. Много товару онъ везетъ. Чай, адрасъ, теріакъ... Мало-мало сто верблюдовъ, пятьдесятъ джигитовъ съ нимъ, Бояръ... Старый Ходжа самъ съ ними идетъ и весь товаръ въ Хиву везетъ“...

„Такъ что вашесродіе окромя Ислими до колодцевъ дороги больше нѣтъ. На колодцахъ дня черезъ три они въ ночь будутъ“,— вставлялъ свои соображенія внимательно вслушивавшейся въ докладъ джигита Чумаченко. Одичавшій на минуту задумался, что-то соображая.

„А какъ они влѣво перекинутся, такъ черезъ ауль Дашъ-Верды прорваться могутъ“,— вслухъ высказалъ онъ свои мысли.— „Вотъ что въ такомъ случаѣ, пошли-ка двухъ джигитовъ съ записками, одну командиру Оглумскаго отряда поручику Вѣтрову, а другую нашему вахмистру на постъ Нефесъ. Да чтобы сейчасъ же коней выкормить, фуража, хлѣба да запасъ воды взять. Передъ вечеромъ сегодня поидемъ. Дежурнаго, да еще одного человѣка ему на смѣну оставить на посту“,— отдалъ онъ прика-

заніе, принимаясь писать записку сосѣднему командиру отряда.

На дворѣ поднялась суета. Люди торопливо насыпали въ саквы ячмень, увязывали въ снопы ерунджи въ сѣтки и наливали въ кожаные турсуки запасъ воды. Очередные же джигиты галопомъ уже направлялись на сосѣдніе посты, по-нукая своихъ лихихъ скакуновъ...

Южная ночь разомъ почти безъ сумерокъ покрыла землю и подъ ея покровомъ небольшая команда нижнихъ чиновъ и джигитовъ безшумно выѣхала въ степь, направляясь на сѣверъ. Ротмистръ ѣхалъ впереди, внимательно всматриваясь въ темноту. Рядомъ съ Чумаченко видѣлась характерная голова Юнуса въ громадной папахѣ. Сзади команды, раскачиваясь изъ стороны въ сторону, выступали два верблюда, нагруженные водою и запасами. Люди въ полголоса перебрасывались отрывочными фразами. Сдѣлавъ въ теченіи сутокъ около восьмидесяти верстъ по направленію Ислимскихъ колодцевъ и пройдя ихъ, Одичавшій остановился среди песчаныхъ барахановъ и выслалъ наблюдательный секретъ. Люди сѣшлись, отпустили подпруги у сѣделъ и задавъ кормъ лошадямъ, расположились какъ кому удобнѣе. Вѣтеръ, поднявшійся къ вечеру, быстро замелъ слѣды, оставленные прошедшимъ отрядомъ. Пустыня снова замерла; лишь среди ночи тишина была нарушена подѣхавшимъ по-

воды даже опытные туземцы-туркмены не рискуют пробираться по безводнымъ песчанымъ пространствамъ. Уныло мурлыкая себѣ подъ носъ какой-то однообразный мотивъ, пристроился на камнѣ противъ кордона дежурный, сосредоточенно-внимательнымъ взглядомъ порою осматривающій разстилающуюся передъ нимъ равнину. Въ сторонѣ, рядомъ съ кордономъ у входа въ юрту расположились на землѣ нѣсколько джигитовъ поста, лѣнливо перебрасывающихся отрывочными фразами. Внутри казармы, изнемогая отъ палящаго зноя, на полу растянулись люди, отдыхая передъ выѣздомъ на службу.

Начальникъ поста унтеръ-офицеръ Чумаченко вотъ уже нѣсколько дней какъ ведетъ какіе-то переговоры съ Юнуской-джигитомъ, тайно бесѣдуя съ нимъ около родника или же уходя далеко отъ кордона въ горное ущелье. Всѣ люди поста терпѣливо ожидаютъ окончанія этихъ переговоровъ, догадываясь, что дѣло касается свѣдѣнія о предполагаемомъ водвореніи контрабанды.

„Такъ сказываешь послѣ завтра перейдутъ безпремѣнно“, спрашиваетъ Чумаченко, что-то соображая. „Значить, черезъ два дня на ислимискихъ колодцахъ въ ночь будутъ, — рѣшаетъ онъ, глубокомысленно рассматривая свою изуродованную пендинкою руку. „Надо командиру отряда доложить на счетъ всего этого. Какой приказъ

будеть, такъ и сдѣлаемъ, а ты гололобий пока ни гу-гу“, добавилъ онъ, хлопнувъ джигита въ видѣ ласки по головѣ. „Да никакъ они сами ѣдутъ, — добавилъ онъ, всматриваясь въ даль, гдѣ въ пескахъ по направленію къ кордону двигалось темное облако пыли.

„Бѣги поднимай людей, чтобы томаши послѣ съ ними не было“, — отдалъ онъ приказаніе джигиту, направляясь къ казармѣ.

Скоро на дворѣ и въ казармѣ поднялась усиленная уборка. Люди сметали со всего слои пыли, густо покрывавшіе всѣ вещи; выбивали одежду, чистили лошадей, оружіе и аммуницію. Часа черезъ полтора уже дежурный могъ рассмотреть нѣсколько всадниковъ, быстро подвигавшихся къ кордону. На отличномъ рыжемъ конѣ текинской породы, въ сопровожденіи двухъ солдатъ и джигита, подъѣзжалъ командиръ Караташскаго отряда ротмистръ Одичавшій. Сдвинувъ на затылокъ фуражку и отирая крупная капля пота, онъ остановился около крыльца кордона, быстрымъ внимательнымъ взглядомъ окинувъ выстроившихся нижнихъ чиновъ поста и джигитовъ. „Ваше высокородіе, на Чаекскомъ посту происшествій никакихъ не случилось, — отчеканивая каждое слово, отрапортовалъ Чумаченко, подойдя молодцеватымъ и увѣреннымъ шагомъ къ своему командиру. Ротмистръ Одичавшій, осадивъ коня, легкимъ прыжкомъ спрыгнулъ на

землю и подошелъ къ выстроеннымъ людямъ. „Выводить хорошенько лошадей“, отдалъ онъ приказаніе сопровождавшимъ его джигитамъ. По-здоровавшись съ людьми и разспросивъ каждаго о всѣхъ дѣлахъ служебнаго и домашняго обихода, ротмистръ попутно взглянулъ на развѣшенное для провѣтриванія обмундированіе, а затѣмъ, приказавъ вывести лошадей на выводку, тщательно осмотрѣлъ каждую, давъ нѣсколько указаній о порядкѣ ихъ довольствія и чистки. Чумаченко ловилъ эти приказанія на лету, запоминая старательно каждое слово, сказанное командиромъ. „Вечеромъ пѣший строй, завтра сдѣлаемъ ѣзду, да кстати можно и мобилизацію пробную устроить, ну а послѣ завтра пройдемъ два упражненія стрѣльбы“, — закончилъ Одичавшій свои приказанія.

„Да кстати давай-ка, пока есть время, артельщика съ книжкой, тоже нужно провѣрить, — вспоминалъ онъ по-очереди отдѣлы хозяйства и зная, что работы будетъ въ теченіи трехъ дней, которые онъ проведетъ на посту, по горло, рѣшилъ пока немного отдохнуть. Въ казармѣ давнѣе уже шумѣлъ самоваръ, поставленный услужливыми руками и нѣсколько минутъ спустя ротмистръ съ особымъ удовольствіемъ пилъ горячій чай, вытирая обильно струившіяся капли пота и ругая въ душѣ на чьемъ свѣтъ стоитъ палящій зной южнаго солнца. Чумаченко почтительно стоя

у двери, по-очереди докладывалъ все, что произошло на посту въ теченіи десяти дней, прошедшихъ со времени послѣдняго пріѣзда командира на постъ.

„Такъ что, ваше высокоблагородіе, Юнуска сказывалъ, текины послѣ завтра ночью изъ Персіи перебросятся. Сказывалъ, что больно большой караванъ ихъ пойдетъ, близко ста верблюдовъ и конвой при нихъ достаточный, — наконецъ доложилъ онъ послѣднее по порядку, но первое по важности событіе постовой жизни... Одичавшій быстро поставилъ стаканъ съ чаемъ на столъ и внимательно посмотрѣлъ на начальника поста.

„Чего же ты, разумная голова, это къ концу то поберегъ, а не доложилъ съ самаго начала, — недовольнымъ тономъ спросилъ онъ поднимаясь, — пошли Юнуску сюда... да и самъ приходи“. Черезъ нѣсколько минутъ въ сѣняхъ послышался шумъ и въ отворенную дверь, громко стуча сапогами на высокихъ каблукахъ, вошла рослая фигура вольнонаемнаго джигита Юнуса-Оглы-Сафара. Одѣтый въ пестрый халатъ и громадную мѣховую папаху, онъ по своему костюму отличался отъ неслужащихъ текинцевъ лишь зелеными гарусными жгутами на плечахъ. Юнусъ давно уже служилъ джигитомъ и поэтому говорилъ сносно по-русски, исполняя даже обязанности переводчика во всѣхъ случаяхъ, когда необ-

ходимо было вести переговоры съ мѣстными жителями, не понимавшими ни полслова по-русски.

„Такъ послѣзавтра пойдутъ, Юнусъ?— обратился ротмистръ къ почтительно стоявшему у двери джигиту.

„Послѣзавтра, Бояръ, когда луна надъ землею станетъ, Тюрю-Ходжа со своимъ караваномъ возвратится изъ Персіи. Много товару онъ везетъ. Чай, адрасъ, теріякъ... Мало-мало сто верблюдовъ, пятьдесятъ джигитовъ съ нимъ, Бояръ... Старый Ходжа самъ съ ними идетъ и весь товаръ въ Хиву везетъ“...

„Такъ что вашесродіе огромя Ислими до колодцевъ дороги больше нѣтъ. На колодцахъ дня черезъ три они въ ночь будутъ“,—вставилъ свои соображенія внимательно вслушивавшійся въ докладъ джигита Чумаченко. Одичавшій на минуту задумался, что-то соображая.

„А какъ они влѣво перекинутся, такъ черезъ ауль Дашъ-Верды прорваться могутъ“,—вслухъ высказалъ онъ свои мысли.—„Вотъ что въ такомъ случаѣ, пошли-ка двухъ джигитовъ съ записками, одну командиру Оглумскаго отряда поручику Вѣтрову, а другую нашему вахмистру на постъ Нефесъ. Да чтобы сейчасъ же коней выкормить, фуража, хлѣба да запасъ воды взять. Передъ вечеромъ сегодня пойдёмъ. Дежурнаго, да еще одного человѣка ему на смѣну оставить на посту“,—отдалъ онъ прика-

заніе, принимаясь писать записку сосѣднему командиру отряда.

На дворѣ поднялась суета. Люди торопливо насыпали въ саквы ямень, увязывали въ снопы ерунджи въ сѣтки и наливали въ кожаные турсуки запасъ воды. Очередные же джигиты галопомъ уже направлялись на сосѣдніе посты, понукая своихъ лихихъ скакуновъ...

Южная ночь разомъ почти безъ сумерокъ покрыла землю и подъ ея покровомъ небольшая команда нижнихъ чиновъ и джигитовъ безшумно выѣхала въ степь, направляясь на сѣверъ. Ротмистръ ѣхалъ впереди, внимательно всматриваясь въ темноту. Рядомъ съ Чумаченко видѣлась характерная голова Юнуса въ громадной папѣхъ. Сзади команды, расканиваясь изъ стороны въ сторону, выступали два верблюда, нагруженные водою и запасами. Люди въ полголоса перебрасывались отрывочными фразами. Сдѣлавъ въ теченіи сутокъ около восьмидесяти верстъ по направлению Ислимскихъ колодцевъ и пройдя ихъ, Одичавшій остановился среди песчаныхъ барахановъ и выслалъ наблюдательный секретъ. Люди спѣшились, отпустили подпруги у сѣделъ и задавъ бормъ лошадямъ, расположились какъ кому удобнѣе. Вѣтеръ, поднявшійся къ вечеру, быстро замель слѣды, оставленные прошедшимъ отрядомъ. Пустыня снова замерла; лишь среди ночи тишина была нарушена подѣхавшимъ по-

ручicomъ Вѣтровымъ, искавшимъ долго со своими людьми ротмистра, чтобы окончательно условиться о предполагаемомъ планѣ задержанія контрабанды..

II. Прорвались.

Вдали виднѣется окруженный рѣдкими тополями персидскій городъ Мешхедъ. Высокіе минареты и громадныя мечети придаютъ ему живописный видъ. Пыльныя улицы тянутся къ центру города—базару. Ряды глинобитныхъ лавокъ безъ оконъ, съ одними лишь дверями, выстроены по обѣимъ сторонамъ базарной улицы. Тяжелый запахъ горѣлаго кунжутнаго масла носится надъ всѣмъ базаромъ. Пестрая толпа особенно многочисленна около чайханъ, гдѣ на разостланныхъ коврахъ и кошмахъ масса народа ѣстъ горячій жирный пловъ и занимается чаепитіемъ. Передъ дверьми, тутъ же, жарятся на угляхъ шашлыки. Большіе котлы съ пловомъ кипятъ надъ огнемъ, распространяя вокругъ запахъ горѣлаго мяса. Чѣмъ ближе къ центру базара, тѣмъ улицы дѣлаются многлюднѣе. Люди, ишаки и верблюды сбуютъ всюду. Погонщики торопливо подгоняютъ навьюченныхъ животныхъ. Водоносы съ турсуками холодной воды за спиною сѣшнымъ ша-

томъ проходятъ, предлагая воду. Распространяя удушливый запахъ особыхъ травъ изъ желѣзнаго котелка съ горящими углями, порою проходятъ дервишъ, окуривая всѣхъ правовѣрныхъ и читая при этомъ заклинанія противъ злаго духа. Женщины съ закрытыми густымъ покрываломъ лицами, какъ тѣни пробираются мимо. Надъ всей этой уличной суетой носится пыль. Громадные тюки товаровъ лежатъ во всѣхъ лавкахъ, ожидая покупателей. Изъ воротъ главнаго караванъ-сарая показываются громадные караваны тяжело нагруженныхъ верблюдовъ, направляясь по дорогѣ изъ города... За городомъ желтая песчаная равнина за Капетъ-Дагомъ на персидской сторонѣ до города Мешхеда разстилается также безконечно, какъ и на русской сторонѣ. Тѣ же рѣдкіе аулы, гдѣ есть вода, и пустыня тамъ, гдѣ воды нѣтъ.

Къ заходу солнца на другой день, когда пограничный отрядъ выѣхалъ съ поста, гдѣ-то далеко, далеко на краю горизонта, виднѣлись облака пыли, поднимаемые караваномъ, направлявшимся къ русской границѣ. Одинъ за другимъ, позвягивая бубенцами, длиннымъ рядомъ выступаютъ верблюды. Красныя шерстяныя уздечки красиво выдѣляются на ихъ темной шерсти. Пестрые паласы, которыми покрыты тюки, служатъ въ то же время сидѣніемъ для поронщиковъ; удобно устроившись на вьюкахъ, раскинулись

они какъ кому удобнѣе. Съ боку каравана, на торячихъ коняхъ туркменской породы, бучками ѣдутъ нѣсколько десятковъ вооруженныхъ всадниковъ. Одѣтые въ темно-красныя халаты, въ громадныхъ черныхъ и бѣлыхъ папахъ, они вырисовываются красивыми группами на желтомъ фонѣ пустыни. Сосредоточенно важно, храня глубокое молчаніе и лишь порою перебрасываясь отрывочными фразами, двигаются текинцы, сдерживая ходъ своихъ коней. Впереди каравана, внимательно осматривая мѣстность, ѣдетъ самъ Тюря-Ходжа—владѣлецъ каравана. Солнце жжетъ нестерпимо и лишь ватные халаты вмѣстѣ съ косматой папашою предохраняютъ путниковъ отъ его палящихъ лучей. Лошади всѣ покрыты попонами.

Скоро жара стала понемногу уменьшаться, приближался закатъ, а вмѣстѣ съ нимъ и ночная прохлада...

„Магома, — тихо позвалъ Ходжа ѣхавшаго рядомъ съ нимъ молодого текинца. — „Смотри, уже столбы урусовъ видны. Поѣзжай впередъ и смотри хорошенько, не разъѣзжаютъ ли гдѣ урусы, которые сколо Бала-Ишемскаго ущелья живутъ. Они только затѣмъ здѣсь и живутъ, чтобы мѣшать торговлѣ правовѣрныхъ, пусть Аллахъ покараетъ ихъ за это.“

Магома, внимательно выслушавъ приказаніе, пустилъ своего коня съ мѣста галопомъ и скоро лишь двигавшіеся столбы пыли указывали,

что всадникъ стремится возможно скорѣе выполнить возложенное на него порученіе. Ходжа-Тюря, отдавъ приказаніе, снова погрузился въ глубокую задумчивость. Мысли его вращались все время оболю одного и того-же предмета. Съ самаго выѣзда изъ Мешхеда демонъ сомѣнія мучилъ его душу. Онъ невольно волновался, боясь за благополучный исходъ своей поѣздки. Хотя не первый разъ переходитъ онъ границу, а все же порою невольно дурныя мысли приходятъ въ голову.

„Пусть Аллахъ закроетъ уши гяуровъ и пригупитъ ихъ зрѣніе, пусть дорога наша будетъ спокойна, какъ спокоенъ путь въ предѣлахъ рая“, — шепталъ онъ, поднимая глаза къ небу. Помнилъ старый Ходжа время, когда караваны шли изъ Мешхеда въ Хиву совершенно свободно. Много въ то время онъ прибыли имѣлъ. А потомъ пришли урусы, взяли весь край и стѣснили правобѣрныхъ: нужно ѣхать въ Персію — возьми у начальника билетъ, да не опоздай, когда возвращаешься обратно; везешь изъ Персіи товаръ, заплати деньги за это. А деньги теперь всюду и за все нужно платить. Тяжело стало... Хотя, правду сказать, и товаръ съ тѣхъ поръ подорожалъ, поэтому Хивинскіе кушцы платятъ за него гораздо дороже, чѣмъ прежде. А все же большая выгода отъ торговли только тогда, когда не заплатишь за товаръ пошлины на границѣ... Только

это очень трудно... Пока еще не было на границѣ зеленыхъ сарбазовъ, что вездѣ караулятъ пробѣгающихъ, такъ тогда еще ничего было, а теперь уже не то... Очень хорошіе имъ Аллахъ далъ зрѣніе и слухъ... Хорошо они служатъ Падишаху... Пробовалъ Ходжа имъ денегъ давать — не берутъ... Хорошіе они сарбазы, вѣроятно Падишахъ ими очень доволенъ... И справиться съ ними трудно, все народъ не трусливый — только и надежда, что и наши молодцы за себя постоятъ... И онъ окинулъ пытливымъ взглядомъ своихъ путниковъ, ѣхавшихъ толпою сзади... Но во всемъ воля Аллаха.

„Твои глаза быстрѣ моихъ, обратился онъ къ молодому тебину, взглядишь хорошенько, не Магома ли ѣдетъ къ намъ на встрѣчу“. Собравъ коня, какъ стрѣла, пущенная изъ лука, выскочилъ изъ толпы посланный и выѣхавъ на песчаный бугоръ, разомъ остановилъ его... Конь на мгновеніе вмѣстѣ съ всадникомъ изобразилъ собою чудный монументъ. Приложивъ руку къ глазамъ и внимательно всмотрѣвшись въ даль, тебинецъ повернулъ коня и черезъ нѣсколько минутъ возвратился къ каравану, почтительно доложивъ, что пыль, поднимаемая копытами коня Магомы, скоро будетъ разстилаться около каравана...

Получивъ отъ Магомы всѣ нужныя свѣдѣнія, Ходжа подалъ знакъ и караванъ остановилъ

ся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ русской границы... Въ глухую лишь полночь онъ двинулся далѣе... По крутымъ, почти не доступнымъ горнымъ тропинкамъ спустился караванъ съ горъ, а когда солнце поднялось надъ горизонтомъ, старый Ходжа былъ уже далеко внутри края, держа направленіе прямо на сѣверъ... Аллахъ на этотъ разъ покровительствовалъ дѣламъ правовѣрнаго. Линія урусовъ осталась далеко назади. Ходжа уже считалъ тѣ барыши, которые достанутся ему отъ Хивинскихъ купцовъ. Караванъ между тѣмъ умѣрилъ свой ходъ... Колодцы Бала-Ишемъ были уже недалеко, а на нихъ старый Ходжа думалъ сдѣлать отдыхъ.

Расположившись около колодцевъ и развьючивъ верблюдовъ, текинцы невдалекѣ отъ разведеннаго ими костра, около котораго кипѣло нѣсколько чайниковъ, присѣли на разостланныхъ кошмахъ. Самъ Ходжа прилегъ на лучшемъ мѣстѣ; облокотившись на подушку, подложенную услужливыми руками, онъ хмуро посматривалъ на окружающихъ. Рядомъ съ нимъ помѣстились болѣе пожилые. Всѣ молчали. Старикъ былъ сильно не въ духѣ. Предчувствіе какой то бѣды не давало ему покоя. Совершенно невольно ему вспоминался неудачный случай перехода границы каравана, принадлежавшаго одному изъ его родственниковъ; въ прошломъ году, какъ разъ въ это время, кажется, это случилось и какъ бы желая

себя провѣрить, онъ обратился къ сѣдобородому туркмену, сидѣвшему ближе другихъ:

„Не въ этомъ ли мѣсяцѣ годъ тому назадъ урусы убили нѣсколько нашихъ, которые шли съ караваномъ Искандеръ-Хана, ты не помнишь ли мулла Мансуръ? Кажется, и ты тогда былъ съ ними“ ...

Мулла-Мансуръ, опустивъ глаза въ землю, не сразу отвѣтилъ... „Да, Ходжа“, наконецъ заговорилъ онъ, — былъ и я съ ними и своими старыми глазами видѣлъ, какъ было убито шесть человѣкъ нашихъ... Не хочется даже вспоминать этотъ день, въ который судьба была къ намъ такъ неблагоприятна. Вышли мы, какъ и всегда, и все время шли смѣло. Насъ было болѣе пятидесяти человѣкъ, все джигиты, молодецъ къ молодцу. Всѣ мы вѣрили другъ другу, потому что знали другъ друга... Но видно мы чѣмъ нибудь прогнѣвили Аллаха—змѣя измѣны свила свое гнѣздо у кого то въ сердцѣ и онъ продалъ своихъ невѣрнымъ... Знаешь-ли Ходжа, ни я, ни кто изъ нашихъ до сихъ поръ не знаемъ, кто былъ этотъ измѣнникъ, да и правду сказать, какъ узнаешь... Мы только догадываемся... Помнишь ли Ходжа, ту сказку про летучую мышъ? мнѣ ее когда то рассказывали, когда я былъ еще мальчикомъ“, — задалъ онъ вопросъ старику...

„Сказку, какую сказку? Не помню ее, Мулла-Мансуръ. Подъ старость память у меня не та-

кая какъ прежде, забывать я сталъ многое... Долго вѣдь на свѣтѣ живу... Если расскажешь, такъ и я, и вся молодежь наша ее послушаемъ"... Кружокъ, собиравшійся около разговаривавшихъ, сдвинулся тѣснѣе. На лицахъ всѣхъ было выраженіе вниманія... Мулла-Мансуръ погладилъ рукою свою сѣдую бороду и на минуту задумался, припоминая.

„Давно это было, очень давно,—какъ говорятъ, въ то время, когда еще славный Темурленкъ всей этой страной правилъ и никто не зналъ, какія летучія мыши бываютъ, потому что ихъ еще не было въ нашихъ мѣстахъ,—въ одномъ большомъ хлѣбохранилищѣ жило цѣлое царство обыкновенныхъ мышей... Падишахъ мышинаго царства насчитывалъ много тысячъ подданныхъ, которые были разсѣяны на многихъ поляхъ и во многихъ хлѣбохранилищахъ, но всѣ признавали его власть... Хорошо все шло въ его царствѣ, войнъ ни какихъ не было и мыши лишь ѣли, пили и веселились... Многие годы прожилъ падишахъ счастливо, управляя своимъ народомъ... Но только въ одинъ день, который былъ отмѣченъ въ книгахъ судьбы, въ царство явился какой-то пришелецъ. Хотя и былъ онъ, повидимому, мышиною породы, но только многимъ своей внѣшностью отличался отъ другихъ мышей. Старыя мыши даже говорили, что онъ не мышиною породы, а если и мышиною, то выродокъ; но кто

же повѣритъ старымъ мышамъ. Вѣдь правду сказать, и у насъ молодежь не любитъ насъ стариковъ слушать... Ротъ у пришельца былъ до ушей, уши огромныя, да и когти у него были какіе то особенные... Некрасивъ онъ былъ, что и говорить... Всѣмъ онъ не понравился, но только не надолго. Какъ то очень скоро потомъ онъ сумѣлъ услужить и подружиться съ приближенными падишаха. И что-бы вы думали? не прошло нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ онъ уже первымъ человѣкомъ во всемъ царствѣ былъ. Самъ падишахъ его своимъ совѣтникомъ сдѣлалъ и ни одного дѣла безъ него не рѣшалъ. Примѣру послѣдовали и всѣ остальные. Всѣмъ онъ даже нравиться сталъ. Каждому, кто къ нему обращался, онъ совѣты давалъ, старшимъ всегда почестъ оказывалъ и сдѣлалось скоро такъ, что въ царствѣ каждый его за друга и брата считать началъ. Долго жилъ онъ между мышами и всегда хорошо было. Но вотъ Аллахъ послалъ мышиному падишаху большое испытаніе, котораго никогда еще не было. Налетѣли алламань-птицы и началась у нихъ съ мышиннымъ царствомъ большая война. Много крови мышиною и птичьею въ ту войну пролилось... Опустѣли потомъ сильно мышинныя аулы и говорятъ, мыши о той войнѣ до сихъ поръ со страхомъ вспоминаютъ. Много большихъ сраженій произошло, но только взяли потомъ птицы по волѣ судьбы верхъ и одержали побѣду надъ

мышинымъ падишахомъ. Во все время войны пришелецъ сражался всегда вмѣстѣ съ другими, но только скоро стали ходить слухи, что многіе замѣтили что то особенно странное въ его поступкахъ. Тогда по приказанію падишаха за нимъ былъ установленъ надзоръ, и что бы вы думали. Страшно всѣ были удивлены, когда однажды въ самый разгаръ сраженія птицы одержали верхъ и кинулись преслѣдовать мышей, пришелецъ также, распустивъ крылья и вмѣшавшись въ толпу пернатыхъ, сталъ нападать на пріютившихъ его. Потомъ уже многіе видѣли какъ онъ, когда одерживали побѣду мыши, складывалъ свои крылья и бѣгалъ между ними какъ ни въ чемъ не бывало, а когда птицы брали верхъ, то онъ леталъ почти также хорошо, какъ и они... По окончаніи войны поступки его, подтвержденные многими свидѣтелями, были обнаружены и тогда по волѣ падишаха пришельца изгнали съ позоромъ изъ мышинаго царства. Представьте себѣ что это была летучая мышь... Старые люди, которые рассказывали мнѣ эту сказку, говорили, что онъ потомъ поселился въ нашихъ мѣстахъ и что наши люди отъ него позаимствовали лживость и лицемеріе. Летучая мышь это олицетвореніе лицемерія. Ея примѣру подражаютъ часто люди... И у насъ было въ этомъ родѣ, когда мы двинулись въ прошломъ году съ караваномъ. Кто-то служилъ и своимъ и урусамъ, также какъ тотъ пришелецъ

въ мышиномъ царствѣ. Если бы не дали знать сарбазамъ, что мы остановимся за этими колодцами, никогда бы они не узнали объ этомъ. Храбро защищались наши молодцы, но только сами знаете и у урусовъ есть смѣлые люди... Я даже не успѣлъ обсудить, что намъ дѣлать, какъ, несмотря на наши выстрѣлы, налетѣли они на насъ вихремъ и изрубили нѣсколько человѣкъ. Отстрѣливались мы потомъ и отходили шагъ за шагомъ въ глубь пустыни вмѣстѣ съ караваномъ, думая, что ночь дастъ намъ возможность уйти отъ нихъ... Но только не удалось намъ это... Какъ дикіе звѣри кидались они на насъ и когда убили самого Искандеръ-Хана, никто уже не могъ его замѣнить. Бросили мы верблюдовъ и положились на быстроту ногъ нашихъ коней. Унесли они насъ отъ бѣды и доставили благополучно въ безопасное мѣсто... А только потомъ я всегда думалъ, что измѣнникомъ былъ никто другой, какъ Ахметъ, который теперь у сарбазовъ джигитомъ на посту служить...

„Аллахъ да поможетъ намъ на этотъ разъ“, задумчиво сказалъ Ходжа, оглядывая испытывающимъ взглядомъ всѣхъ собравшихся... Но тревога его была напрасна, со всѣхъ сторонъ на него смотрѣли глаза людей близкихъ и надежныхъ, за которыхъ онъ всегда бы поручился и которымъ вѣрилъ... Успокоенный онъ всталъ и направился осматривать верблюдовъ.

Послѣ нѣсколькихъ часовъ отдыха караванъ двинулся далѣе, оставалось сдѣлать еще лишь нѣсколько десятковъ верстъ, гдѣ ждали въ назначенномъ мѣстѣ хивинскіе купцы, которые по уговору должны были принять товаръ. Мѣшокъ круглыхъ блестящихъ золотыхъ монетъ уже рисовался въ воображеніи Ходжи... Онъ уже началъ по мѣрѣ приближенія прославлять Аллаха за его милость, давшую ему возможность удачно окончить предпріятіе... Но радость его была преждевременна...

III. Задержали.

Южная ночь давно уже наступила. Озаряя своимъ мерцающимъ блескомъ землю, ярко сіяли звѣзды, выдѣляясь на темномъ фонѣ небеснаго свода. Вся степь приняла какія то особенныя очертанія. Еще пустыннѣе казались всѣ окрестности. Грѣмидныя развалины когда то богатаго города, расположенныя на холмѣ, выдѣлялись среди равнины. Освѣщенные блѣднымъ свѣтомъ луны, высокіе минареты мечетей казались еще выше. Летучія мыши цѣлыми стаями сновали среди построекъ. Давнымъ давно, во время царствованія Тимура, былъ построенъ этотъ городъ на дорогѣ между Мешхедомъ и Хивою. Большая торговля процвѣтала въ немъ и тысячи, нагруженныхъ товарами, верблюдовъ ежедневно входили за его крѣпкія стѣны. Люди и время разрушили городъ, вѣтры пустыни усердно изъ года въ годъ заносили пескомъ оставшіяся постройки... Жизнь кругомъ замерла и лишь старые колодцы остались цѣлыми, поддерживаемые руками благочестивыхъ людей. Хоть рѣдко, но все же служили

колодцы людямъ, доставляя случайно захвачшему каравану драгоценную влагу.

На дворѣ старой мечети за высокими полуразрушенными стѣнами расположилась небольшая конная команда пограничной стражи. Привязавъ лошадей къ старымъ, высѣченнымъ изъ камня столбамъ, люди устроились тутъ же на землѣ. Въ концѣ двора на разостланныхъ буркахъ лежалъ самъ командиръ отряда ротмистръ Одичавшій, а рядомъ съ нимъ, пекуривая громадную папиросу, сидѣлъ поручикъ Вѣтровъ. Офицеры лѣниво перебрасывались словами, видимо переговаривъ обо всемъ и страшно скучая.

„Такъ какъ же, Леонидъ Николаевичъ, вы думаете, что наше сидѣніе на этотъ разъ увѣнчается успѣхомъ, — обратился Вѣтровъ къ ротмистру“.

„Обязательно, — сразу оживляясь заговорилъ Одичавшій. — Юнуска въ этомъ отношеніи такая шельма, что даромъ ничего не скажетъ, а тутъ еще примите во вниманіе съ Ходжей у него старые счеты. Вѣдь они не одинъ годъ вмѣстѣ разбойничали, да коритабанду возили. Тутъ батежка мечь, а не чтонибудь другое. Выходить, что разъ онъ говоритъ такъ увѣренно, значитъ, онъ уже это дѣло со всѣхъ сторонъ обнюхалъ. Посмотрите-ка на него; прямо по лицу видно, что человекъ ликуетъ, вполне увѣренный въ полномъ успѣхѣ своихъ предположеній

и въ томъ, что онъ отомститъ своему врагу сторицею. Въ сущности, правду сказать, у насъ всѣ вѣдь свѣдѣнія на родовой, на семейной враждѣ и держатся. Деньгами да подкупами въ этомъ краю много не сдѣлаешь... Деньги каждый возьметъ — сами знаете азіатовъ, наговорить турусы на колесахъ, а только свѣдѣнія настоящаго никогда не сообщитъ. Такъ для очистки выскажетъ вамъ нѣсколько цѣнныхъ данныхъ въ перемѣшку съ ихъ обыкновеннымъ враньемъ. Только по этимъ даннымъ задержанія не сдѣлаешь, хоть ежедневно ѣзди по степямъ. А кромѣ того, сами знаете, при нашихъ разстояніяхъ всюду сразу не попадемъ и людей при этомъ маловато, а участки, которые охраняются нашими постами, огромные. Люди же наши къ здѣшнимъ мѣстамъ мало привыкли, туземнаго языка не знаютъ и поэтому частенько ходятъ на помочахъ у вольнонаемныхъ джигитовъ“.

„Вы вѣдь давно здѣсь, Леонидъ Николаевичъ, — перебилъ его, давно къ чему-то прислушивавшійся поручикъ“.

„Старожилъ, шестой годъ на этой границѣ несу службу. Изъ первыхъ, которые сюда съ запада перешли, — добавилъ онъ, поглядывая на Вѣтрова. — Да что вы это, Николай Ивановичъ, все передвигаетесь, неужели же все еще не привыкли къ различнымъ нашимъ сожителямъ, какъ я ихъ всегда называю, вѣдь какъ не говорите, живемъ боже о боже съ ними всегда вмѣстѣ...

Есть изъ нихъ нахалы, вродѣ этого самаго скорпіона, отъ котораго вы такъ отодвигаетесь, но это рѣдко, все больше они отъ человѣка бѣгутъ... Да и при томъ такой не опасенъ, посмотрите, вѣдь онъ совершенно желтый, а страшны только черные... Только поболить; немного опухнетъ послѣ укуса, ну а затѣмъ все пройдетъ безъ всякихъ послѣдствій. Магома, выбрось-ка этого подлеца, да кстати вотъ тамъ за камнемъ змѣя схоронилась, такъ ты и ее пугни. Чего она оттуда выглядываетъ, — съ нѣкоторою ноткой недовольства въ голосѣ, добавилъ Одичавшій. — Вѣдь все это звѣрье кажется только страшнымъ... Не скажу, чтобы я его любилъ или привыкъ къ нему. Кое какъ переношу, потому что всякаго гада на моемъ посту непочатый уголь; куда не пойдешь на него непременно наткнешься. Въ прошломъ году такъ представьте, зашелъ я въ кордонъ да, разговаривая съ вахмистромъ, присѣлъ на одну изъ солдатскихъ коекъ. Смотрю какъ будто бы подушка сама собою поднимается и шевелится, какъ будто ее кто подталкиваетъ... Привсталъ я съ кровати, да и приказываю вахмистру: посмотри, Омельченко, не крыса ли подъ подушку забралась. Тотъ поднялъ ее сразу, а подъ ней змѣя лежитъ въ кольцо свернувшись, толстая такая. Убили тутъ ее такъ безъ малаго два аршина въ ней длины оказалось... Что, то вродѣ гремучей змѣи... Ну а скорпіоновъ,

такъ тѣхъ каждый вечеръ деньщикъ по всѣмъ комнатамъ собираетъ да на дворъ выбрасываетъ. Очень ужъ ихъ моя жена боится, ну, а я, ничего, привыкъ... Неприятно лишь, что они вездѣ лезутъ, разъ одинъ ко мнѣ въ рукавъ сюртука забрался. Я не замѣтилъ надѣвая, а онъ меня такъ куснулъ, что я недѣли три съ опухшей шеей ходилъ. Съ тѣхъ поръ наученъ, если одѣваюсь, все на изнанку выворачиваю, а сапоги вытряхиваю, чтобы что не забралось... Фаланги, такъ тѣ ничего, если ихъ не трогать, такъ она сама не укуситъ, ну, а если придавите такъ какъ-нибудь нечаянно, такъ тогда плохо. Укусить жестоко, ну а все же лучше скорпіона, тотъ ползетъ и все время удары наноситъ...

„Посмотрите-ка, вашъ Тедженъ хвостъ поджалъ, да уши насторожилъ — вдругъ перебилъ его на полусловѣ поручикъ, — навѣрное барса почуялъ. Вотъ это звѣрокъ, съ которымъ я никакой охоты не имѣю встрѣчаться и вблизи его разсматривать.

Звѣрь страшный, коли ему въ лапы попадешь, хотя все зависитъ отъ выдержки“, медленно протянулъ Одичавшій, всматриваясь въ темноту. — „Вотъ у насъ недавно случай былъ, напалъ барсъ на часового. Молодчина солдатъ оказался, не струсилъ и уложилъ его преотлично штыкомъ... Главное смѣлѣе, недаромъ же говорятъ, смѣлость города беретъ... Въ Калаинскомъ отрядѣ около Агъ-Сая такъ

много барсовъ, какъ нигдѣ, такъ тамъ были случаи, когда нижніе чины ихъ отлично съ постовыми собаками брали, да при этомъ въ одиночку ходили. Когда я служилъ на Дарьѣ и жилъ на Пянджскомъ посту, такъ тамъ мы много бѣдовали. Зданіе поста только что было выстроено, но еще не совсѣмъ окончено: дверей и оконъ не было, а вмѣсто нихъ кошмы да ковры были повѣшены. Мѣсто—глушь безпросвѣтная. Хуже здѣшняго. Тигровъ пропасть. Прямо не знали что противъ нихъ предпринять. И приходили бестіи чуть не каждую ночь освѣдомиться, какъ мы живемъ и что дѣлаемъ. Походить около поста, посмотреть да и обратно къ себѣ въ камыши. Разъ какъ-то долго я писалъ ночью: слышу вдругъ собака моя вскочила въ комнату, да прямо подъ кровать заби- лась. Сразу тутъ понялъ кто это къ намъ въ гости пожаловалъ. Сижу, какъ будто къ скамейкѣ приросъ, а на дворѣ слышу его шаги около самага окна прошелъ и остановился, даже кошма закачалась. Чувствую, что меня отдѣляетъ отъ него только кусокъ этой кошмы и вѣрите ли, все на свѣтѣ сдѣлалось безразличнымъ; апатія какая то напала. Ну, а какъ онъ отошелъ отъ огня, такъ потомъ меня цѣлый часъ лихорадка била... Вѣдь я на войнѣ былъ, а такого страха никогда не испытывалъ... Но хуже всего это поѣздки по отряду. Все камышами приходится ѣздить. Съ обѣихъ сторонъ камыши, а что въ нихъ, не

видно. Жутко на душѣ какъ ѣдешь. И случаевъ много бывало. Высочить изъ камышей, схватить всегда задняго и поминай потомъ какъ звали...

Однако, что же это моего джигита нѣтъ, долго онъ замѣшкался. Послалъ я его стороною высмотрѣть... Хотя что и говорить, имъ колодцевъ не миновать ни какимъ образомъ: здѣсь прямо какъ мыши въ мышеловку попадутся... Главное помните, Николлай Ивановичъ, что на этихъ азіатовъ нужно хорошимъ натискомъ дѣйствовать... Два три залпа, а затѣмъ въ шашки, и все тогда отлично“.

Луна, между тѣмъ, поднявшись надъ горизонтомъ, ярко освѣтила окрестности. Серебристый ея свѣтъ мягко освѣщаль развалины мечетей, придавая имъ видъ чего-то фантастичнаго. Среди развалинъ, скрываясь въ тѣни стѣнъ, сновали шайки шакаловъ, робко высматривая себѣ добычу... Въ темнотѣ ихъ глаза свѣтили фосфорическимъ блескомъ. Испуганныя совы съ пронзительными криками кружились около построекъ и вмѣстѣ съ визгомъ летучихъ мышей наводили тоску... Люди, утомленные дневнымъ зноемъ, раскинулись на землѣ и большинство изъ нихъ, не думая ни о какихъ гадахъ, безпечно спали, укрывшись бурками.

„Ваше - висо-родіе, конный какой-то бѣжить“, вдругъ выросла передъ командиромъ фигура старшаго вахистра. Ротмистръ моментально вскочилъ на ноги.

„Гдѣ конный? Съ какой стороны? Нашъ или текинъ?“—задалъ онъ рядъ вопросовъ вахмистру...

„Такъ точно Ваше-сродіе предположительно, что текинъ, а только вродѣ какъ бы изъ нашихъ джигитовъ... Хедко бѣжить. Далеко видать, версть за семь, а то и десять до него будетъ“.— Всѣ люди видимо заволновались. Послышался гулъ сдержаннаго говора.

„Тише вы черти, чего разшумѣлись“ въ полголоса, крайне недовольный шумомъ, крикнулъ Одичавшій.

„Вѣроятно, какую нибудь новость везеть... Досадно, если ничего не выйдетъ изъ нашего сидѣнія“,—обратился онъ къ перучику, всматривавшемуся въ даль... На освѣщенной яркимъ свѣтомъ мѣсяца песчаной степи видна была каждая самая незначительная складка мѣстности. Вдали вырисовывались темные массивы горнаго хребта... Невдалекѣ виднѣлся сплуэтъ всадника. Громадная тѣнь его занимала огромное пространство, да и самый всадникъ казался вдвое больше обыкновеннаго...

„Ишь ты, вотъ кажись рукой подать, — произнесъ молодой солдатикъ, пристально всматриваясь къ всаднику, — а Юнуска сказываетъ близко, десятокъ версть будетъ... Чудно“.

Послѣ часового ожиданія всадникъ, наконецъ, приблизился на такое разстояніе, что въ немъ

ясно можно было признать джигита изъ числа состоящихъ на службѣ въ отрядѣ.

„Ахметъ ѣдетъ, бояръ“, опредѣлили одинъ изъ джигитовъ. Черезъ нѣсколько минутъ передъ ротмистромъ остановился высокій плечистый текинецъ съ кривою шашкою текинскаго образъ за поясомъ и винтовкою Бердана за плечами. Высокая мохнатая папахъ покрывала его голову и лишь оружіе, да зеленые жгуты на плечахъ указывали, что онъ состоитъ на службѣ въ пограничной стражѣ. Приложивъ руку къ папахѣ, онъ почтительно стоялъ передъ ротмистромъ, ожидая вопроса.

„Что привезъ, Ахметъ“,—задалъ Одичавшій вопросъ джигиту.

„Бумагу притащилъ, Бояръ“, отвѣтилъ тотъ, шаря у себя за пазухой и вынимая конвертъ.

„Николай Ивановичъ, идите скорѣе сюда, новость какая-то“,—торопливо разрывая конвертъ и разрывая письма, крикнулъ Одичавшій.—„Пишетъ Скорятинъ. Кажется, что придется измѣнить нашъ планъ, пробормоталъ онъ, пробѣгая глазами письмо. Такъ и есть.“

„Партія, которую вы ждете на болотцахъ, свернула на Казганъ-Кала, направляйтесь ей на перерѣзъ... Иду по ихъ слѣдамъ въ одномъ отъ нихъ переходѣ. Если можно, то прихватите фуража на мою долю“...

„Вотъ такъ штука... Значить чуть чуть мы

не сыграли въ ничью... Вахмистръ... Сейчасъ двинемся, напоить у колодцевъ лошадей, налить во всѣ посудыны воду, да въ большіе турсуки, что на верблюдахъ, налить также свѣжей воды... Вѣдь это послѣдняя вода въ этомъ направленіи, дальше уже колодцевъ не встрѣтимъ... Покажи-ка сколько ячменя у насъ осталось,—добавилъ ротмистръ, направляясь къ группѣ нижнихъ чиновъ, которые въючили двухъ верблюдовъ.—Достаточно кажется дня на три,—остановился онъ на минуту, соображая наличное количество ячменя и лошадей.—Вѣдь придется верстѣ двѣсти сдѣлать по этимъ пескамъ, такъ надо ухо держать востро... Лучше сразу уменьшить дачу фуража и воды... Вѣрнѣе дѣло будетъ, когда запасъ есть. Осмотрѣть сѣдловку и выводить лошадей,—крикнулъ скоро ротмистръ, направляясь къ своей лошади, которую держалъ джигитъ... Поручикъ торопливо осматривалъ сѣдловку, отдавая въ полголоса приказанія. Одинъ за другимъ изъ за стѣнъ старинныхъ построекъ стали появляться нижніе чины и джигиты, ведя въ поводу лошадей и направляясь къ небольшой площадкѣ около колодца. Отдохнувшіе кони играли, стараясь вырваться изъ рукъ, но сейчасъ же, успокоенные видомъ выстроившихся сотоварищей, степенно подходили къ фронту и занимали свои мѣста. Давъ людямъ нужныя указанія, Одичавшій выслалъ впередъ разъѣзды и черезъ полчаса его

небольшая команда уже шла на рысяхъ, поднимая густыя облака пыли, долго стоявшія въ воздухѣ. Сзади отряда, колыхаясь изъ стороны въ сторону, бѣжали два навьюченные верблюда, подгоняемые сидѣвшими на нихъ солдатами.

Необозримое, безбрежное море песку казалось не имѣло конца... Песчаные бараханы, какъ будто морскія волны, поднимались впереди, затрудняя движеніе... Лошади шли бодро. Востокъ понемногу сталъ уже алѣть и пурпуровые лучи восходящаго солнца позолотили горныя вершины... Въ воздухѣ чувствовалась дневная теплота. Сообразуясь съ временемъ и кое какими примѣтами, можно было предсказать, что отрядъ сдѣлалъ около пятидесяти верстѣ.

„Не пора-ли привалъ сдѣлать, Николай Ивановичъ, какъ вы думаете,—обратился ротмистръ къ задумавшемуся Вѣтрову. Хотя въ то же время правду сказать, я все поджидаю вѣстей отъ нашихъ разъѣздовъ... Вотъ перейдемъ тѣ холмы, что передъ нами, тамъ и станемъ“... Пройдя въ нѣсколько минутъ небольшое разстояніе до гряды холмовъ, Одичавшій прищипорилъ лошадь и галопомъ выѣхалъ на возвышенность. Та-же уныло желтая равнина разстилалась передъ его глазами и лишь нѣсколько темныхъ точекъ виднѣлись на горизонтѣ.

„Только нашихъ видно, въ полголоса досадливо проворчалъ ротмистръ, узнавая свои разъ-

ѣзды и затѣмъ, повернувшись назадъ на сѣдлѣ, крикнулъ громко: „командуйте слѣзать, поручикъ“. Лошади весело заржали, предвгущая отдыхъ. Говоръ людей, неизбежная перебранка и черезъ нѣсколько минутъ пустыня ожива, давъ временный пріютъ нѣсколькимъ десяткамъ живыхъ существъ. Лошадямъ промочили рты и протерли ноздри водою. Люди расположились въ повалку и скоро громкій храпъ на всѣ лады показалъ, что всѣ они уже спятъ крѣпкимъ сномъ съ тѣми же самыми сновидѣніями, которыя они видятъ на своихъ постеляхъ. Офицеры, протрясаясь основательно на сѣдлахъ, скоро также послѣдовали общему примѣру, и если бы не бодрствующій часовой, то бивагъ казался бы совершенно мертвымъ. Среди дня былъ сваренъ обѣдъ изъ уменьшенной до минимума порціи риса; лошади также получили свою дачу ячменя и воды и снова подъ палящими солнечными лучами бивагъ заснулъ до наступленія ночи; но лишь только темнота покрыла землю, какъ отрядъ на полныхъ рысяхъ двинулся на сѣверъ по направленію Хивинскихъ владѣній. Трое сутокъ шелъ ротмистръ, не встрѣчая нигдѣ никакихъ признаковъ слѣдовъ каравана и лишь на четвертый день къ вечеру передовой разъѣздъ далъ знать, что впереди виднѣется какой то большой караванъ, быстро двигающійся по направленію Хивы. Люди и кони отряда уже притомились порядочно, фуражъ и вода были

уже на исхѣдѣ, вслѣдствіе чего дневныя порціи воды были уменьшены до полутора стакановъ на человѣка и шести стакановъ на каждую лошадь. Провіантъ весь вышелъ и людямъ уже второй день варили кашу изъ ячменя, взятаго для лошадей. Отпечатокъ сильнаго утомленія видѣнь былъ въ движеніяхъ коней, а люди выглядывали совершенно больными. Жары стояли сильныя, что вмѣстѣ съ недостаткомъ воды крайне изнурительно дѣйствовало на всѣхъ, особенно, если принять во вниманіе, что отрядъ въ четыре дня прошелъ около трехсотъ верстъ. Появленіе каравана на горизонтѣ разомъ всѣхъ подбодрило... Выславъ впередъ для усиленія перваго разъѣзда людей подъ командою поручика Вѣтрова, ротмистръ двинулся на рысяхъ за ними слѣдомъ, но пройдя верстъ пятнадцать, принужденъ былъ становиться, такъ какъ наступила ночь и идти по сильно пересѣченной мѣстности было очень затруднительно, тѣмъ болѣе, что силы непріятеля еще не были опредѣлены и кромѣ того Одичавшій не имѣлъ еще точныхъ свѣдѣній о томъ, гдѣ находится отрядъ Скорятина. Ночь прошла совершенно спокойно и лишь на разсвѣтѣ нарочный джигитъ привезъ сообщеніе, что Исламскій отрядъ находится тутъ же верстахъ въ десяти и что ротмистръ Скорятинъ предлагаетъ съ восходомъ солнца сдѣлать нападеніе на караванъ соединенными силами.

Лишь только наступило утро, какъ отряды двинулись впередъ и стали видны другъ другу, но караванъ очевидно еще раньше замѣтилъ преслѣдователей и ночью, спѣшно снявшись съ бивака, ушелъ въ пустыню дальше, оставивъ въ лощинѣ слѣды своего пребыванія въ видѣ различныхъ отбросовъ. Собравшись всѣ вмѣстѣ и на совѣтѣ обсудивъ планъ будущихъ дѣйствій, всѣ офицеры возвратились къ своимъ частямъ и пошли на рысяхъ вслѣдъ за караваномъ. Цѣлыя сутки прошли въ передвиженіи перемѣнными алюрами, во время которыхъ отряды, сдѣлавъ около девяноста верстъ, наконецъ нагнали неприятеля, подойдя на разстояніе трехъ верстъ къ каравану.

Теперь уже совершенно явственно видѣнь былъ его составъ. Больше двухъ сотъ навьюченныхъ верблюдовъ длинными рядами быстро двигались, направляясь къ Хивинскимъ предѣламъ. Вооруженный конвой въ сто слишкомъ всадниковъ окружалъ караванъ со всѣхъ сторонъ, оберегая его отъ случайнаго нападенія. Ярko на солнцѣ блестѣло оружіе контрабандистовъ и издали доносилось громыханіе колокольцевъ, навѣшенныхъ на верблюдовъ. Замѣтивъ приближеніе коннаго отряда, часть конвоя отдѣлилась и заняла гребень небольшой возвышенности. Ротмистръ, рѣшивъ сбить ихъ немедленно съ занятой ими позиціи, разсыпалъ цѣпь, которая подъ командою поручика

Вѣтрова двинулась на гребень. Всѣми людьми уже овладѣло особое нервное настроеніе. На гребнѣ все казалось вымершимъ, но лишь только цѣпь подошла саженъ на триста, какъ нѣсколько залповъ прогремѣли съ неприятельской стороны, разомъ нарушивъ тишину пустыни. Пули съ жалобнымъ воемъ пронесли надъ головами, не причинивъ никому вреда. Цѣпь открыла огонь и скоро нѣсколько неосторожно высунувшихся изъ за гребня контрабандистовъ выбыли изъ строя. Перестрѣлка продолжалась около часа, а затѣмъ неприятель подъ прикрытіемъ ночной темноты отступилъ за слѣдующій гребень... Вся ночь прошла въ ожиданіи отряда... Высланные наблюдательные развѣзды среди ночи донесли, что караванъ снимается съ бивака и одновременно съ этимъ вахмистръ доложилъ, что фуража и воды остается всего на два дня. Нужно было дѣйствовать рѣшительно. Лишь только заря позолотила окрестности, отрядъ уже былъ на коняхъ и быстро двинулся по слѣдамъ уходящаго каравана. На мѣстѣ вчерашняго боя валялось нѣсколько мертвыхъ тѣлъ. Часть людей подъ командою поручика была послана на перерѣзъ. Черезъ часъ караванъ снова былъ ввиду. Все въ немъ показывало, что туркмены держатся на готовѣ. Замѣтивъ приближеніе ненавистныхъ враговъ, караванъ свернулъ и остановился, занявъ лощину, а его конвой расположился по гребнямъ и съ дальней еще

дистанціи, не ожидая наступленія пограничниковъ, открылъ частую и беспорядочную стрѣльбу изъ винтовокъ. Перебѣгая черезъ открытыя мѣста и прячась за песчаными барханами, смѣло двинулась цѣпь, наступая на непріятеля. Контрабандисты осыпали ее градомъ пуль, но къ счастью онѣ приносили мало вреда. Взвизгивая надъ головами цѣпи, уносились пули далеко въ степь и зарывались въ землю. Цѣпь подходила все ближе и ближе. Уже можно было разсмотрѣть лица туркменовъ, начинался послѣдній актъ боя. По сигналу, поданному Одичавшимъ, цѣпь стремительно съ крикомъ „ура“ кинулась на непріятеля, не выдержавшаго удара и разомъ показавшаго тылъ. Конные взводы съ мѣста въ карьеръ понеслись въ атаку и врубались съ двухъ сторонъ въ беспорядочно отступавшую толпу контрабандистовъ, продолжавшихъ отстрѣливаться. Испуганные верблюды столпились въ одну кучу, испуганная жалобные крики. Пыль непроницаемымъ облакомъ окутала мѣсто стычки. Вокругъ виднѣлись черными точками убѣгавшіе туркмены... Самъ Ходжа давно уже лежалъ на землѣ съ прострѣленной головой. Широко раскинувъ руки, онъ какъ будто всматривался въ небесный сводъ, поднимавшійся надъ нимъ...

Черезъ полчаса рядъ мертвыхъ тѣлъ виднѣлся среди песчаныхъ бархановъ, а въ лощинѣ около разведенныхъ костровъ собрались побѣдители.

Лошади, получивъ хорошую дачу фуража, весело пофыркивая, пережевывали золотистый ячмень. Съ боку подъ охраною часовыхъ размѣстилась группа плѣнныхъ флегматически посматривавшихъ на своихъ недавнихъ враговъ. Кысметъ—судьба, такова воля Аллаха,—было написано на лицѣ каждаго изъ нихъ...

Одичавшій вмѣстѣ съ остальными офицерами осматривалъ задержанный караванъ, приводя въ извѣстность все найденное... У костровъ уже слышался веселый говоръ людей, дѣлившихся впечатлѣніями

Солнце снова жгло нестерпимо, яркими лучами освѣщая мѣсто стычки. Вѣтеръ, поднимая песокъ, какъ будто стремился замести слѣды происшествія. Послѣдній актъ драмы въ пустынь окончился. Степные орлы съ веселымъ клекотаніемъ парили въ воздухѣ, почуя добычу...

IV. На Каспійскомъ морѣ.

Освѣщенные яркими лучами южнаго солнца, вырисовываются горы Закаспійскаго побережья. Обнаженные, безъ признака какой либо растительности, горные хребты чередуются съ необъятными песчаными равнинами, начинающимися отъ самаго берега и уходящими далеко въ глубь материка. Общій желтоватый колоритъ всего побережья лишь съ большею рѣзкостью отдѣняетъ воды моря, которое въ тихую ясную погоду кажется громаднымъ зеркаломъ, оправленнымъ въ темновато желтую раму песковъ. Нестерпимымъ блескомъ искрятся и переливаются солнечные лучи на гладкой поверхности водяной равнины. Необозримое море кажется дремлющимъ, незамѣтно сливая на горизонтъ свою гладкую зеленовато-стекловидную поверхность съ нѣжною блѣдною лазурью яснаго неба. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ море принимаетъ цвѣтъ бирюзы. Чайки стаями кружатся въ воздухѣ, порою быстро спускаясь къ водѣ и, захвативъ неосторожно показавшуюся на поверхности ея рыбу, съ рѣзкимъ крикомъ поднимаются

снова надъ водою, направляясь къ берегу, гдѣ на отмеляхъ захваченная добыча дѣлается предметомъ продолжительнаго боя. Порою на горизонтѣ появляется темный силуэтъ большого парохода, идущаго на вѣхъ паряхъ и оставляющаго за собою темную полосу дыма. Тюлени, разбуженные шумомъ парходнаго винта, изъ воды поднимаются на гладкую поверхность моря и, съ любопытствомъ посматривая на пароходъ, долго плывутъ съ нимъ рядомъ, играя на волнахъ. На небѣ ни облачка. Огненными потоками льетъ свои лучи южное солнце, сжигая на побережьѣ всякую растительность. Мѣстами на берегу виднѣются туркменскіе аулы, состоящіе изъ нѣсколькихъ кибитокъ, одного стоящихъ на взморьѣ. Весь берегъ дикъ и пустыненъ. Песчанья отмели далеко врѣзываются въ море, придавая морской водѣ желтоватый оттѣнокъ. Порою надъ моремъ проносится вѣтеръ и, вслѣдивъ его гладкую поверхность, уносится въ пустыню, поднимая тамъ облака песку. Волны съ глухимъ плескомъ встаютъ одна другой выше, направляясь къ берегу. Стайки чаекъ, какъ будто обрадовавшись вѣтру, проносятся надъ водою, то поднимаясь и кружась въ воздухѣ, то стремительно падая въ воду. На отмеляхъ мелкая зыбь, переливаясь серебромъ на солнцѣ, рябитъ спокойную поверхность, но дальше зыбь дѣлается все больше и больше. Бѣлая пѣна прибоя какъ снѣговой рамой покрываетъ

ваает берега. Вѣтеръ крѣпнетъ. Все выше и выше поднимаются волны и бѣда тогда каждому судну, застигнутому непогодю. Бѣловатая пѣна собирается на гребняхъ волнъ, придавая особый оттенокъ цвѣту морской воды, которая кажется совершенно свинцово-сѣрою. Темныя тучи, подгоняемыя порывами разбушевавашагося вѣтра, низко несутся надъ моремъ и вся чудная картина, полная теплоты и свѣта, превращается въ картину страшнаго хаоса. Ревъ вѣтра дѣлается все сильнѣе и сильнѣе. Громадныя волны поднимаются съ какимъ то глухимъ стономъ и какъ будто съ ожесточеніемъ бросаются на прибрежныя скалы, разбиваясь о нихъ и сейчасъ же отступая назадъ, гдѣ встрѣтившись съ вновь набѣгающими волнами, образуютъ буруны... Грохотъ, шумъ волнъ и страшный стонъ буруновъ слышится за нѣсколько верстъ отъ берега. Ныряя на волнахъ, несутся далеко на самомъ краю горизонта парусныя шхуны, стремящіяся въ такую погоду уйти какъ можно дальше въ открытое море. Бѣлые паруса придаютъ имъ видъ огромныхъ птицъ, плывущихъ по морскимъ волнамъ. Суда, бывшія у береговъ, пугливо жмутся въ эту погоду около Чикишлярской пристани. Линія буруновъ проходитъ въ полуверстѣ отъ берега и пройти черезъ нихъ въ это время рискуютъ лишь въ случаяхъ особенней крайней необходимости. Деревянные помосты пристани далеко выдаются въ море, но вездѣ у берега глубина

самая незначительная и лишь мелкосидящія рыбацки суда стоятъ у самаго берега. Разбросанные по песчаному берегу дома укрѣпленія Чикишляръ, придаютъ издали видъ небольшого городка. У самаго моря отдѣльно отъ другихъ построекъ виднѣется кордонъ-казарма пограничной стражи, а противъ него какъ наплавокъ, ныряя на набѣгающихъ волнахъ, стоитъ на якоряхъ трехмачтовый тендеръ, принадлежащій этому кордону. Бѣлый корпусъ тендера, съ зеленою каймою по бортамъ и двухглавнымъ орломъ на кормѣ, далеко видѣнъ, рѣзко выдѣляясь среди другихъ парусныхъ судовъ. У казармы виднѣется высокая сигнальная мачта, а ближе къ зданію поставленъ столбъ, окрашенный въ государственныя цвѣта, съ вывѣскою, прибитою на немъ, на которой обозначено названіе поста и отряда. Всѣ окна казармы вслѣдствіе вѣтра заперты, но сквозь оконныя стекла виднѣется рядъ кроватей, покрытыхъ одноцвѣтными одѣялами, пирамида со стоящими въ ней винтовками и рядъ картинъ въ рамахъ на стѣнахъ, повѣшенныхъ въ перемѣшку съ различными таблицами и наставленіями. Изъ сѣней черезъ широко распахнувшуюся дверь видна внутренность кухни. За большимъ столомъ у самовара собрались всѣ люди поста, занимаясь чаепитіемъ. На концѣ стола, держа двумя руками блюдо съ чаемъ и потягивая горячій напитокъ съ нѣкоторою важностью во всѣхъ движе-

ніяхъ, расположился начальникъ поста ефрейторъ Гусевъ. Черноволосый, плечистый, съ большими темными глазами и немного насмѣшливымъ выраженіемъ лица, онъ производилъ впечатлѣніе человѣка съ твердымъ характеромъ и большимъ запасомъ силы воли. Гусевъ былъ недавно переведенъ въ Среднюю Азію съ Черноморскаго побережья и поэтому относился ко всѣмъ порядкамъ новой части, въ которую попалъ, съ нѣкоторою недовѣрчивостью, хотя въ тоже время признавалъ, что здѣсь служба не шуточная, которая во многомъ была опаснѣе и тяжелѣе его прежней службы. Сидя за чаемъ, онъ внимательно прислушивался къ разговору своихъ двухъ сосѣдей.

„И вышли, братецъ ты мой, тогда мы на рейдъ,—продолжалъ свой рассказъ ефрейторъ Герасименко,—шлюпка обыкновенная, одномачтовая,—парусное ученіе у насъ завѣдующіе учебною командою каждую недѣлю производили. Только тогда вышли мы, надо полагать, въ нехорошее время, хотя погода то была самая парусная... Вѣтерокъ эдакій маленькій, дуетъ себѣ ровно... И все это у насъ по хорошему шло... Ходили мы на веслахъ, ну а потомъ взяли за паруса... Только не успѣли мы паруса поставить, да раза два галсъ перемѣнить, какъ откуда ни возьмись налетѣлъ на насъ шкваль, да такой, что страсть; какъ подхватить, то только мы

портъ и видѣли... Вытащило насъ въ открытое море, да ужъ такъ трепало, что мое почтеніе, думали мы, что конецъ пришелъ, анъ вышло на другое... Почитай недѣлю таскало насъ по морю, ну а потомъ встрѣчный пароходъ подобралъ... Хорошо, что продукты были, а то бы Богу душу навѣрное бы отдали. Вотъ по этому самому и требуетъ начальство, чтобы на нашемъ тендерѣ всегда бы провіантъ и вода были“,—заключилъ рассказчикъ и, отирая крупныя капли пота, принялся усиленно дуть на блюдечко съ чаемъ.

„И ни съ кѣмъ ни чего не приключилось“, переспросилъ Гусевъ.

Ни съ кѣмъ, такъ почернѣли да исхудали всѣ, ну а въ остальномъ благополучно“...

„Эхъ,—вздыхнулъ одинъ изъ слушавшихъ,—какъ ни говори, хорошо въ хорошую погоду по морю плавать, ну а какъ дурная, такъ не приведи Богъ... Что страху то натерпишься“...

„Ну и бабы же вы, какъ я посмотрю,—насмѣшливымъ тономъ протянулъ Гусевъ.—Вамъ только бы ахать, да на печи лежать... По мнѣ такъ скучно безъ этого... Теперь мы, кажись, ужъ давненько по морю не ходили... Ну, кто свободный—на тендеръ. Осмотрѣть его нужно хорошенько,—уже съ ноткою строгости сказалъ онъ, поднимаясь и выходя изъ казармы... Нѣсколько человѣкъ одинъ за другимъ вышли за нимъ слѣдомъ.“

II.

Штабсъ-ротмистръ Минскій давно уже ходилъ изъ угла въ уголъ по комнатѣ въ самомъ грустномъ настроеніи. Цѣлый ворохъ казенныхъ пакетовъ, пригтовленныхъ къ отсылкѣ по назначенію, лежалъ на столѣ. Было у него еще кое какое дѣло, но приниматься за него не хотѣлось — непогода навѣяла много черныхъ мыслей, которыя угнетающимъ образомъ дѣйствовали на его душевное равновѣсіе... Все напоминало какъ то особенно рѣзко темныя стороны вседневнога существованія... Недостатокъ общества давалъ себя знать особенно сильно въ такія минуты... Людей его круга на берегу было очень мало, — все населеніе состояло изъ туркменъ, да десятковъ трехъ солдатъ. Одинъ, два раза въ мѣсяцъ останавливался на взморьѣ почтовый пароходъ, приносившій новости изъ міра, и затѣмъ снова долгая полоса скуки, которая лишь разнообразилась служебными занятіями. День шелъ за днемъ и своимъ томительнымъ однообразіемъ положительно приводилъ Минскаго въ полное уныніе. Въ такомъ настроеніи онъ, совершивъ объѣздъ своихъ постовъ, расположенныхъ по берегу, приказывалъ готовить тендеръ и, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, уходилъ далеко въ открытое море. Иногда нѣсколько дней лавировалъ тендеръ по морю, останавливая всѣ идущія изъ Персіи турк-

менскія суда и подвергая ихъ тщательному осмотру, во время котораго и находился порою контрабандный товаръ. Въ остальное время день заполнялся то манежною ѣздою, то рубкою, то словесностью.

Разъѣзды по постамъ съ занятіями по той же программѣ, сидѣніе въ секретяхъ, да веденіе огромной переписки наполняло жизнь штабсъ-ротмистра, оставляя много свободного времени, въ которое онъ не зналъ, что съ собою дѣлать. Жизнь большого города вспоминалась лишь въ минуту сквернаго настроенія. Обыкновенно же все это отходило на задній планъ, когда онъ весь погружался въ интересы пограничной службы, къ которой привыкъ и безъ которой сильно скучалъ.

Стукъ отворенной двери вывелъ его наконецъ изъ задумчивости и заставилъ оглянуться. Почтительно, бокомъ въ комнату вошелъ вѣстовой, татаринъ Ахметъ.

„Вахмистръ пришла“, доложилъ онъ останавливаясь у порога...

„Вахмистръ! Отлично... Зови его“.

Черезъ нѣсколько минутъ старшій вахмистръ Максимъ Бондаренко уже стоялъ передъ своимъ командиромъ и съ особою молодцеватостью рапортовалъ, что въ отрядѣ никакихъ происшествій не случилось. Минскій сразу оживившись, закидалъ его цѣлымъ рядомъ вопросовъ, глубоко интересуясь каждою мелочью повседневной жиз-

ни своего отряда. Подробно распросивъ о каждомъ солдатѣ и каждой лошади, онъ только что думалъ задать вопросъ, касающійся охраны границы, какъ Бондаренко, переминаясь съ ноги на ногу и немного понизивъ голосъ доложилъ:

„Позвольте доложить вашему высоко-родію, такъ что слухъ есть, что на Зеленомъ Бугрѣ въ аулѣ, текины верблюдовъ изъ горъ пригнали; сбазываютъ караванъ собираютъ, на Хиву идти.

„Самъ ты слышалъ“, — переспросилъ штабсъ-ротмистръ...

„Никакъ нѣтъ ваше-скородіе, а только видѣлъ я, какъ верблюдовъ ближе къ аулу перегоняли. Артельщикъ тоже ходилъ въ аулъ барановъ покупать, такъ слышалъ въ одной кибиткѣ бабы жалелись, что чай весь выходитъ. а тебинъ хозяинъ самъ имъ на это и говоритъ: „Ничего, скоро чай новый будетъ“. Потомъ запримѣтили артельщика, такъ разговаривать перестали. А еще вчера въ ночь близко Зеленаго Бугра туркменская шлюпка все маячила, а пристать не пристала, потому буруны очень большіе были. Я такъ полагаю, что это контрабандисты самые и есть. Теперь коли-бъ выйти въ море, такъ безпремѣнно ихъ гдѣ нибудь за островомъ можно найти, потому они въ такую свѣжую погоду все больше отстаиваться за прикрывіемъ любятъ. Станутъ на якорь и ждутъ, когда море успокоится“.

Минскій задумался, что-то соображая... Весь докладъ вахмистра какъ нельзя лучше совпадалъ съ полученными имъ раньше свѣдѣніями о предполагаемомъ водвореніи контрабанды... Значить скугѣ конецъ, дѣло есть, сказалъ онъ мысленно самъ себѣ.

Вотъ что, вахмистръ, прибави-ба, чтобы тендеръ готовили—команду наряди на него какъ всегда 10 человекъ, да еще на всякій случай возьмемъ человекъ пятнадцать... Лучше пусть больше людей будетъ... Часа черезъ два на палубѣ тендера замѣтно было движеніе. Несмотря на шумъ прибоя, слышались командныя слова, люди быстрой тачили и крѣпили якоря, а затѣмъ, дружно упираясь въ дно громадными веслами, отводили тендеръ отъ берега. Погода немного утихла, но ревъ буруновъ не уменьшался. Внимательно всматриваясь впередъ, недалеко отъ рулевого стоялъ Минскій, наблюдая за его дѣйствіями.. Волны съ глухимъ шумомъ разбивались о носъ тендера и быстро неслись къ берегу, откуда снова возвращались, сталкивались съ встрѣчными волнами, образуя въ полуверстѣ отъ берега страшную толчею... Съ громадными усиліями тендеръ, рискуя ежеминутно разбиться, прошелъ черезъ буруны и выйдя въ море, повернулъ по вѣтру... На минуту вѣтеръ заполоскалъ поднимаемыми парусами, а затѣмъ тендеръ, подгоняемый попутнымъ вѣтромъ, быстро понесся по вол-

намъ, ежеминутно ныряя и снова взбираясь на ихъ высокіе гребни. Въ носовой каютѣ въ повалку размѣстились люди прямо на полу, подославъ подъ себя шинели. Небольшая масляная лампочка скудно освѣщала стѣны каюты, бросая прихотливыя тѣни. На палубѣ остались лишь рулевой и вахтенные, наблюдавшіе за ходомъ судна и за горизонтомъ. Штабсъ-ротмистръ ушелъ въ свою каюту и, завернувшись въ бурку, при свѣтѣ фонаря принялся внимательно разсматривать карту моря... Въ солдатской каютѣ скоро начались разговоры... Не смотря на бѣдность впечатлѣній ежедневной жизни, люди постоянно находили темы для интересныхъ и долгихъ бесѣдъ...

„Такъ рассказываете, Максимъ Ивановичъ, обратился Гусевъ къ вахмистру, ближе Огурчинскаго острова мы ихъ не найдемъ... Я тоже такъ смекаю, потому они такой погоды не любятъ, къ берегу не подойдешь, а по морю болтаться опасно, да и наскочить на когонибудь можно. Значитъ способнѣе всего имъ гдѣ либо за островомъ или, за косою отстояться... Ну, а если ихъ мы найдемъ, такъ они намъ какъ куры въ щи попадутся.

Пожалуй, это погодите говорить, задумчиво отвѣтилъ Бондаренко. Разъ на разъ не приходится... Когда все благополучно, а когда и плохо все можетъ выйдти... Въ прошломъ году мы

также вышли на шлюпку въ море. Мотались тогда почти цѣлую недѣлю. Чуть только увидишь шлюпку на горизонтѣ, сейчасъ къ ней. Стой и къ досмотру... Больше сотни разныхъ судовъ осмотрѣли благополучно и ужъ назадъ возвращались, только видимъ идетъ шхуна трехмачтовая и прямо на насъ. Какъ подошли мы почти бортъ къ борту я и кричу: „Спускай паруса“ Смотримъ, а на шхунѣ никого не видать... Наши то и высыпали на палубу къ самымъ бортамъ... Подошли мы еще ближе, прицѣпились баграми и только что хотѣли переходить на шхуну, какъ у нихъ изъ подъ борта выскочило съ десятокъ туркменъ съ винтовками, да какъ ахнуть по насъ залпъ, такъ сразу шесть человекъ нашихъ на тотъ свѣтъ отправили, да двухъ еще перекалѣчили. Я и Герасимовъ только изъ всѣхъ цѣлы остались. Вся команда у насъ была какъ всегда десять человекъ, ну а послѣ этого случая командиръ приказалъ еще съ собою столько же брать коли по свѣдѣнію идемъ...

Вотъ и медали за храбрость никто не заслужилъ, вставилъ одинъ изъ слугителей...

Не заслужили, передразнилъ его съ сердцемъ вахмистръ... Думаешь, что легко ее такъ заслужить—коли перебьютъ много людей, такъ ее сейчасъ и дадутъ. Нѣтъ, братъ, ты храбрость прояви, да при этомъ контрабанду поймай и судно ихнее приведи, вотъ и получишь тогда ме-

даль-то“... На палубѣ прозвительно громко прозвучалъ свистокъ вахтеннаго и всѣ кинулись на верхъ... Перемяна галса и переносъ парусовъ отняли много времени. Вѣтеръ вырывалъ паруса изъ рукъ. Погода къ ночи разыгралась не на шутку. Луна, появлявшаяся порою изъ-за тучъ, освѣщала море, принявшее свинцовато-сѣрый цвѣтъ. Вода разбивалась о носъ тендера и брызги ея переливались при лунномъ свѣтѣ тысячами искръ. Громадныя волны съ шумомъ неслись одна за другою. Тендеръ, глухо скрипя снастями, то поднимался на волны, то быстро спускался съ ихъ гребня внизъ. Порою набѣгавшія волны перекатывались черезъ палубу. Вся команда давно уже была на готовѣ... Черезъ нѣсколько минутъ пришлось убрать паруса.. Вѣтеръ перешелъ въ бурю. Небо все покрылось тучами... Дождь съ градомъ и снѣгомъ забарабанилъ по палубѣ. Темнота вокругъ судна казалась непроницаемой... Идти при такихъ условіяхъ было положительно рискованно, и Минскій послѣ недолгаго раздумья приказалъ бросить якоря. Мѣста вокругъ хотя и были хорошо извѣстны рулевому, но точно опредѣлить свое положеніе при всей своей опытности не могъ даже рулевой Соколовъ, плававшій цѣлый десятокъ лѣтъ по морю и все время внимательно всматривавшійся теперь въ темноту. Выброшенные якоря крѣпко захватили за грунтъ и тендеръ закачался на волнахъ какъ громадный

поплавокъ, то поднимаясь, то опускаясь на набѣгающихъ волнахъ. Сигнальный фонарь, повѣшенный на мачтѣ, тускло освѣщала палубу, придавая судну какія-то особенныя очертанія.

Къ утру вѣтеръ немного стихъ, но волненіе увеличилось. Расходившіяся волны неслись къ берегу, какъ будто стремясь скорѣе до него добраться... Гдѣ то далеко слышался ревъ буруновъ... Чайки, бакланы и буревѣстники то стайками, то по одиночкѣ проносились надъ тендеромъ, издавая рѣзкіе пронзительные крики, наводившіе тоску... Снявшись съ якоря и поставивъ паруса, тендеръ снова понесся по волнамъ, держа курсъ на сѣверъ, гдѣ изъ-за густой непроницаемой завѣсы тумана порою вырисовывался берегъ Огурчинскаго острова. Вооружившись большимъ морскимъ биноклемъ, штабсъ-ротмистръ внимательно всматривался въ горизонтъ, но въ теченіи дня и всей слѣдующей ночи не было замѣчено ни одного судна... При входѣ въ проливъ между материкомъ и островомъ волненіе было особенно сильное. Сжатая между береговъ морскія волны достигали огромныхъ размѣровъ. Не найдя никого въ проливѣ, Минскій рѣшилъ обойти вокругъ острова, предполагая, что контрабандирское судно отстаивается гдѣ-либо за вѣтромъ, не имѣя возможности подойти къ берегу. Темныя снѣговатыя тучи низко нависли надъ моремъ. Туманъ, смѣшавшійся въ дали съ

облаками, казалось стоялъ стѣною, придавая всему какой-то мрачный колоритъ. Порою гдѣ-то далеко темныя тучи прорѣзывали яркіе блестящіе зигзаги молній. Штабсъ-ротмистръ, не смотря на моросившій мелкій дождь, закутавшись въ бурку, сидѣлъ около рубки, внимательно слѣдя за компасомъ... Тендеръ шелъ быстро съ попутнымъ вѣтромъ.

Кажись видно судно, ваше-скородіе, — тихо доложилъ рулевой, всматриваясь въ горизонтъ.

Задумавшійся Минскій моментально встрепенулся... Гдѣ съ какой стороны, — переспросилъ онъ, беря бинокль изъ рукъ рулевого... Осмотрѣвъ горизонтъ, онъ верстахъ въ десяти по вѣтру замѣтилъ лавировавшее парусное судно, державшее курсъ къ материку. „Правъ на него, тихо приказалъ Минскій рулевому. „Вахтенные, разбудить команду“... Черезъ нѣсколько минутъ люди съ винтовками въ рукахъ выстроились на палубѣ... Судно скоро было совсѣмъ близко... Полная тишина царствовала на немъ. Даже рулевого не было видно у руля... „Гей, на суднѣ. Стой, — громко крикнулъ штабсъ-ротмистръ... Но судно, не обращая вниманія на окликъ, продолжало идти впередъ... Тендеръ подошелъ почти вплотную, но съ судна въ это время раздалось нѣсколько выстрѣловъ и пули, какъ будто горсть разсыпанныхъ орѣховъ, защелкали по палубѣ тендера. „По судну залпами. Пальба взводомъ, — скоман-

довалъ штабсъ-ротмистръ, замѣтивъ за бортами контрабандистскаго судна нѣсколько человѣкъ, торопливо заряжавшихъ ружья... Быстро изготовились люди и по командѣ „пли“ осыпали свинцовымъ дождемъ непріятели... Одинъ за другимъ прогремѣли еще два залпа, но наконецъ тендеръ подошелъ бортъ къ борту къ непріятельскому судну. „Сдѣпись баграми“ приказалъ Минскій и минуту спустя онъ во главѣ половины людей уже перескакивалъ на палубу контрабандистскаго судна. Нѣсколько выстрѣловъ было сдѣлано почти въ упоръ атакующимъ, но борьба оказалась неравною и скоро спущенный парусъ указалъ, что непріятельское судно сдается.

.....

Обезоруживъ команду и подробно осмотрѣвъ все находившееся на суднѣ, штабсъ-ротмистръ пересадилъ на него часть своихъ людей и спустя полчаса тендеръ уже шелъ на всѣхъ парусахъ, ведя контрабандистское судно на буксирѣ и направляясь въ Чикишляръ.

V. На верховьях Аму-Дарьи.

Зима въ долинахъ Пянджа уже оканчивалась, но снѣгъ въ послѣднихъ числахъ января вдругъ началъ падать не переставая. Деревья, густо покрытыя его хлопьями, тихо колыхались, раскачиваемыя порывами вѣтра. Высокія горы подъ одноцвѣтнымъ бѣлымъ покровомъ казались еще выше, какъ будто соединяясь съ низко нависшими облаками. Весь окруженный густымъ кустарникомъ, около горъ, на небольшой полянѣ, пріютился пограничный кордонъ. Сквозь его замерзшія окна слабо пробивался наружу свѣтъ, сіяя и искрясь на узорахъ, прихотливо нарисованныхъ морозомъ на оконныхъ стеклахъ. Весело трещитъ и перебѣгая по сухимъ урюковымъ дровамъ длинными языками пламени, видѣлся огонь, топившейся въ кухнѣ печки, освѣщавшій почти все помещеніе. На полу у печки расположилось нѣсколько солдатъ, отдыхавшихъ послѣ утомительныхъ часовъ, проведенныхъ на службѣ. Покуривая самодѣльные цыгарки и сосредоточенно всматриваясь въ огонь, они лѣниво перебрасы-

вались порою замѣчаніями. Ближе къ свѣту, поджавъ подъ себя ноги и низко нагнувшись надъ оборванною газетою, сидѣлъ красивый плечистый солдатъ Гавриловъ, въ полголоса что то внимательно читая. Рядомъ съ нимъ, прислушиваясь къ голосу чтеца и помѣшивая кочергою горячія дрова, лежалъ на полу рядовой Москвинъ.

„Занятная исторія... Право слово занятная, да читай громче, Гавриловъ, чего подъ носъ себѣ бормочешь“, — порою перебивалъ онъ чтеца, видимо, глубоко интересуясь чтеніемъ. За стѣною въ сѣняхъ слышалась громкая перебранка... Чей-то начальническій голосъ, внушительно отчеканивая каждое слово, доносился до кухни...

„Опять господинъ вахмистръ сердится на Иванова, — въ полголоса проговорилъ одинъ изъ сидѣвшихъ, — должно быть снова проштрафился“...

„Знаемое дѣло, даромъ ругать не станутъ“, — убѣжденнымъ тономъ отвѣтилъ чтець, прерывая на минуту чтеніе... Шумъ широко распахнувшейся двери заставилъ всѣхъ оглянуться... Густые клубы бѣлаго холоднаго воздуха закружились въ помещеніи, закрывая собою темную фигуру, остановившуюся около порога... Морозный воздухъ сразу наполнилъ всю кухню.

„Кажись вахмистръ“, — шепнулъ Гавриловъ, поднимаясь и кладя газету на землю. Люди зашевелились, быстро вставая и оправляясь... Развязавъ надѣтый на голову башлыкъ и стра-

живая съ себя хлопья снѣга, вахмистръ Енотовъ медленно подошелъ къ огню, расправляя заоченѣвшія руки...

„Что же это братцы, опять у васъ около самаго кордона звѣрье бродить—сказывалъ я прошлый разъ, чтобы вы караулили, а вы больше спать горазды,—ворчливо заговорилъ онъ, усаживаясь на табуреткѣ, моментально пододвинутой услужливыми руками.—Сами же беречься должны, потому ужъ больно много всякихъ анафимъ тутъ развелось... Все для острастки когда и подстрѣлить слѣдуетъ... Нѣшто долго до грѣха... Какъ разъ кого либо волки, а то и тигры съѣдятъ“.

Какъ это возможно, Андрей Ивановичъ,—почтительно возразилъ одинъ изъ солдатъ, мы всегда на границѣ при оружїи, значитъ звѣря этого самаго бояться нечего“.

„Ну, бояться вѣрно что не слѣдуетъ, а съ опаскою всегда ходить слѣдуетъ. Вотъ небось слышали, какъ въ прошлую зиму солдатъ въ Нагорномъ отрядѣ сгинулъ... Ни за грошъ пропалъ. Вышелъ это онъ съ кордона съ одною шашкою—старшій его по дѣлу въ кишлакъ послалъ.. Мятель такая же, какъ и сегодня была, такъ и крутить... Хоть и недалеко до кишлака было, а только надо полагать сбился онъ съ дороги, да мимо кишлака и угодилъ, тамъ лѣсъ прежде былъ и какъ срубили его, такъ пеньки и остались... Какъ на него волки наскочили неизвѣстно, по-

тому никто этого не видалъ, а онъ самъ обо всемъ на томъ свѣтѣ отрапортуетъ, а только на другой день отъ него ноги въ сапогахъ да голсу наши.. Какъ есть всего изорвали подлые. Да тутъ же около одного пня и три волка убитыхъ валяются. А шашка то его въ пень выше обуха вогнана. Видимо онъ ихъ шашкою рубилъ, да промахнувшись. ею въ пень угораздилъ, а какъ загналъ шашку въ дерево крѣпко, такъ и вытащить ее оттуда не могъ. Вотъ тогда, надо полагать, они на него и насѣли... Хорошій солдатъ былъ, а понапрасну пропалъ. Послѣ того новобранцы страсть какъ боялись на службу выходить. Хорошо еще у насъ на кордонахъ собакъ держать—все знать дадутъ, да и не такъ робостно съ ними въ секретъ ходить“.

„Опять таки тигра, коли она повадится около кордона ходить, такъ съ ней бѣда“,—сказалъ кто-то изъ солдатъ...

„Тигра,—передразнилъ его вахмистръ,—да ты не только увидѣвши ее, а прямо таки коль услышишь ее, такъ со страху помрешь“.

„Никакъ нѣтъ, Андрей Ивановичъ, а только я слыхалъ, какъ она кричитъ,—заговорилъ Москвинъ...“

„Очень опасно она кричитъ, съ почтеніемъ и нѣкоторою ноткою робости въ голосѣ добавилъ онъ...

„Вишь ты, опять собаки заскулили чего-то, воютъ“, сказалъ вахмистръ. Со двора глухо

доносился отдаленный вой и яростный лай собак...

„Только они каждую ночь брешутъ, господинъ вахмистръ, — успокоительнымъ тономъ отвѣтилъ одинъ изъ присутствующихъ. — Иной разъ такой вой поднять, что спать нельзя“.

Вахмистръ давно уже прислушивался къ лаю и визгу собакъ... Его опытное ухо различало въ этомъ концертѣ тревожныя ноты, показывавшія, что собаки чуютъ сильнаго звѣря, съ которымъ схватиться рискованно...

„Кажись неладно что-то“, наконецъ сказалъ онъ, направляясь къ двери...

Люди одинъ за другимъ поднялись за нимъ слѣдомъ... На дворѣ бушевала вьюга. Липкій снѣгъ валилъ хлопьями. Лѣсъ шумѣлъ глухо и однообразно подъ порывами вѣтра. Громадные карагачи, задѣвая сучьями другъ за друга, съ трескомъ обивали ледяныя сосульки, густо ихъ покрывавшія. За конюшней продолжалъ слышаться яростный вой и лай собакъ, среди которыхъ порою раздавалось чье-то громкое взвизгиваніе. Кучка подбѣжавшихъ солдатъ, ежась отъ холода, пронизывавшаго насквозь, остановилась на крыльцѣ... Закутанная фигура дежурнаго съ винтовкою за спиною была вся запорошена снѣгомъ...

„Что тамъ такое, Ивченко, — спросилъ вахмистръ, пристально всматриваясь въ темноту“...

„Должно что лѣшій, господинъ вахмистръ,

а можетъ быть и звѣрь какой, потому очень большое, а разобрать никакъ нельзя что...

„Лѣшій, передразнилъ его Енотовъ, у тебя всегда либо черти, либо лѣшій... Дай-ка сюда винтовку, добавилъ онъ сердито, протягивая руку...

Ивченко поспѣшно снялъ винтовку съ плеча и вмѣстѣ съ патрономъ подалъ ее вахмистру.

Медленно переступая въ сугробахъ снѣга и держа винтовку на изготовку, вахмистръ направился за конюшню. Завернувъ за уголъ, гдѣ было затишье, зоркій глазъ его быстро различилъ собакъ, съ громкимъ лаемъ кружившихся около чего-то темнаго... Должно быть кабанъ, подумалъ онъ, взводя трубку на боевой взводъ. Внимательно всматриваясь въ темный предметъ, онъ прицѣлился и выстрѣлилъ почти на удачу. Рѣзкій звукъ выстрѣла на минуту прорѣзалъ шумъ бури и подхваченный вѣтромъ, быстро унесся въ сторону... Темная масса сдѣлалась какъ будто ниже... Зарядивъ снова винтовку на всякій случай, вахмистръ уже смѣло направился къ ней. Пройдя десятка три шаговъ, онъ остановился около разрытой картофельной ямы, подлѣ которой, уткнувшись мордою въ снѣгъ, лежалъ громадный кабанъ, вздрагивавшій конвульсивно ногами. Пуля попала удачно. Одинъ за другимъ подбѣгали люди, разсматривая убитаго звѣря. Всѣ разомъ оживились и, не замѣчая холода, долго стояли на дворѣ, дѣлясь своими впечатлѣніями...

„Однако пора и смѣну высылать, кажись время,— прервалъ ихъ разсужденія начальникъ поста Гришинъ... Только не знаю какъ теперь быть, остановился онъ въ смущеніи... Который часъ то и не знаю. Въ книгу нужно нарядъ записать, а часовъ то нѣтъ... Потому какъ вчера лисица съѣла нашего пѣтуха, такъ теперь время и пошло неизвѣстное... Прежде онъ кричалъ по ночамъ... Ну, а часы хоть и есть, да они вотъ уже полгода скоро будетъ, какъ остановились и ходить не хотятъ больше... Насильно ихъ не заставишь ходить-то... Отмѣчу такъ, на глазъ, рѣшилъ онъ, направляясь въ казарму... Да вотъ что братцы, теперь какъ снѣгами тропы все забилло, такъ табачку намъ уже давно не привозили, а у меня весь вышелъ... Да и у всѣхъ, надо полагать, тоже самое, грустнымъ тономъ добавилъ онъ, съ разочарованіемъ поглядывая на окружающихъ... Да продукты кажись все; потому самому, мы на манеръ монаховъ заживемъ.

„Тутъ только и спасаться, засмѣялся въ отвѣтъ ему Гавриленко, на сто верстъ вокругъ ни живой души—одно слово пустыня, не то что у насъ въ Россіи...

„Ишь ты что вспомнилъ... Тутъ братъ все забудь и кажеиный часъ будь готовъ смертную кончину принять, потому и въ пропасть можно сорваться, и тигра въ камышахъ съѣсть, и мало ли чего другого... Наши мѣста такія, что кро-

мѣ Бога объ нихъ никто не знаетъ... Сюда и изъ бухарцевъ не всякій дорогу найдетъ... Заслали въ такую сторонку, что если звѣря увидишь, такъ и то обрадуешься... Людей то, кромѣ нашихъ, за пять лѣтъ службы я никого не видалъ, раза два бухарскихъ чабановъ видѣть доводилось, а такъ сюда никто не заѣдетъ, ни Боже мой... Гдѣ то со стороны конюшни слышался лай шакаловъ... Люди, не обращая на нихъ никакого вниманія, направились въ казарму.

II.

Подъ угро буря утихла... Вѣтеръ переѣнился и подулъ съ юга... Снѣгъ, лежавшій вездѣ толстымъ рыхлымъ слоемъ, сталъ быстро таять и осѣдать... Къ половинѣ дня уже зачернѣли пригорки... Еще наканунѣ, однообразно бѣлая поверхность земли усѣяна была темными пятнами... Ручьи съ громкимъ шумомъ падали съ горъ, образуя цѣлыя рѣки, вливавшіяся въ быстрый Пянджъ... Вода все больше и больше прибывала, ломая образовавшійся у береговъ ледъ, къ вечеру рѣка вышла изъ своихъ береговъ и затопила прибрежные низкія мѣста... Часовые съ вышки видѣли разливъ рѣки. Вся дорога, по которой ходили разъѣзды, была покрыта водою, обрисовываясь мѣстами лишь рядомъ острововъ, выглядывавшихъ изъ воды... Осторожно пробираясь по открытой водою тропѣ, вдали виднѣлся, медлен-

но двигавшейся очередной разъезд. Рядовой Тяжеловъ, высланный съ сосѣдняго кордона съ пафетомъ, подгоняя свою усталую лошадь, внимательно осматривалъ разстилавшуюся передъ нимъ водяную равнину... Шагомъ подвигаясь впередъ, онъ наконецъ добрался до кордона. Отпустивъ подпруги у сѣдла и сдавъ лошадь дежурному, онъ быстро взошелъ по ступенькамъ крыльца въ росписную комнату, гдѣ присѣвъ къ столу, осторожно сталъ выводить каракулями въ книгѣ отмѣтку о времени своего пріѣзда на кордонъ. Непривычная работа его сильно утомила. Потъ лился съ него градомъ, когда наконецъ ему удалось написать въ книгѣ двѣ кривыя строчки. Облегченно вздохнувъ, онъ всталъ и направился въ кухню, откуда сквозь закрытыя двери слышался громкій разговоръ, прерываемый раскатами хохота. Поздоровавшись съ товарищами, онъ занялъ мѣсто у стола и плотно поѣвъ горячаго супа, поданнаго кашеваромъ, скрутилъ папирску изъ бумаги, зажмурившись при первой затыжкѣ отъ удовольствія...

„Ну что Тяжеловъ у васъ слышно, обратился къ нему одинъ изъ солдатъ.

„Да ничего себѣ живемъ, неохотно отвѣтилъ тотъ, хмуро посматривая на всѣхъ...

„А сильно братцы въ Пянджѣ вода поднялась, — въ этомъ году какъ то весна скоро подошла и замѣтить ее не успѣли...

„Одначе, братцы, страсть какъ я заморился, добавилъ Тяжеловъ, вставая и переходя къ кроватямъ, стоявшимъ среди казармы. Прилегши на одну изъ нихъ, онъ моментально заснулъ, убаюкиваемый тихимъ разговоромъ, доносившимся съ кухни. Вечеръ уже давно наступилъ, когда онъ проснулся. Темныя тучи низко нависли надъ землею, придавая окрестностямъ однообразно сѣрый колоритъ. Мелкій дождь дробно стучалъ въ окна. Собравшись ѣхать обратно, Тяжеловъ осѣдлалъ лошадь и, выведя ее изъ конюшни, быстро вскочилъ въ сѣдло. Крупною рысью двинулся онъ по дорогѣ; „дежурный“, что то закричалъ ему въ слѣдъ, но Тяжеловъ не слышалъ ничего за вѣтромъ и лишь, повернувшись въ его сторону, махнулъ рукою. Пройдя верстъ шесть на рысяхъ, онъ принужденъ былъ перевести коня на шагъ. Дорога дѣлалась все хуже и хуже... Шленая по грязи и осторожно переставляя ноги, медленно шель старый казенный конь, пугливо прядя ушами... Беззаботно что то напѣвая и не обращая вниманія на дождь, Тяжеловъ, всматриваясь въ темноту, увѣренно правилъ лошадыю. Ночь уже наступила. Порывы вѣтра сдѣлались сильнѣе. Темнота сгущалась все больше и больше. Ручьи воды, падая съ высокихъ обрывовъ, производили однообразный шумъ. Въ сторонѣ слышался плескъ бушевавшей рѣки. Темнота ночи казалась непроглядною. На дорогѣ уже вездѣ стаяла вода, за-

топившая всѣ окрестныя низменности. Скользя иногда по льду, лежавшемъ подъ водою и понукаемая шенкелями, лошадь подъ Тяжеловымъ порою вздрагивала, нервно волнуясь. Вода постепенно становилась все глубже... Небольшіе островки, не затопленной водою земли, виднѣлись лишь мѣстами, вырисовываясь темными пятнами. Раза два лошадь, неожиданно встрѣтивъ подъ водою яму, скрывалась въ нее и обунувши всадника, быстро выскакивала на мелкое мѣсто. Направляя коня уже на удачу Тяжеловъ давно пересталъ вѣтъ, тревожно озираясь по сторонамъ. Лошадь, выбившись изъ силъ, начала останавливаться и эти остановки дѣлались все продолжительнѣе... Наконецъ, пройдя еще нѣсколько десятковъ сажень, она остановилась и ни какія понуканія уже не могли заставить ее двинуться впередъ. Тяжеловъ, бывшій въ какомъ то угнетенномъ состояніи, боязливо оглянулся вокругъ и громко крикнулъ... Какъ то особенно дико прозвучалъ его голосъ, подхваченный порывами налетѣвшаго вѣтра. Лошадь, нервно дрожа и храпя, била ногами воду. Осторожно сойдя съ нее и ощупывая вокругъ глубину воды, вынутаю изъ ноженъ шашкою, Тяжеловъ со страхомъ замѣтилъ, что вода вокругъ была ему почти по поясъ. „Совсѣмъ пропалъ, подумалъ онъ, снимая винтовку съ плеча и заряжая ее. Гулко прогремѣлъ выстрѣлъ тревоги, на мгновеніе прорѣзавъ ночную

темноту. Испуганный конь шарахнулся въ сторону, вырвавъ поводъ изъ рукъ и сдѣлавъ нѣсколько прыжковъ по водѣ, исчезъ во мракѣ ночи. Тяжеловъ остался одинъ среди водяной равнины. Пронзительно, съ страшными завываніями, закричалъ онъ въ отчаяніи и, едва сознавая, что дѣлаетъ, произвелъ подъ рядъ еще нѣсколько выстрѣловъ... Гдѣ то далеко въ сторонѣ ему послышались отвѣтные выстрѣлы и криги людей. Обрадованно вздохнувъ, онъ тихо ощупывая дно прикладомъ винтовки, двинулся впередъ... Глубина воды все время была одинакова. Пройдя еще нѣсколько сажень, онъ почувствовалъ сильное теченіе воды съ лѣвой стороны. Собравшись въ широкій потокъ, вода быстро стремилась по небольшому арыку, пересѣвавшему дорогу. Зная, что всѣ старыя арыки въ этихъ мѣстахъ не глубоки и не принявъ во вниманіе силы теченія, онъ двинулся впередъ. Но сдѣлавъ лишь нѣсколько шаговъ, Тяжеловъ попалъ въ самую стремину, моментально его подхватившую. Бросивъ винтовку и судорожно размахивая руками, онъ на мгновеніе остановился, доставъ дно ногами, но новый напоръ воды отбросилъ его на середину потока и, перевернувъ нѣсколько разъ, вынесъ черезъ минуту въ русло Цянджа. Собравъ всѣ свои силы, Тяжеловъ вынырнулъ на поверхность, вскрикнулъ послѣдній разъ страшнымъ, душу раздирающимъ голосомъ и тихо пошелъ ко дну, увлекаемый

быстрымъ теченіемъ... Рѣка, тихо журча, понесла дальше мертвое тѣло, разбивая его о камни и какъ будто опасаясь, что у нея отнимутъ ее добычу, ревниво скрыла утопленника въ своихъ пучинахъ...

III.

На небольшомъ островкѣ, отдѣленномъ отъ берега неглубокимъ протокомъ, среди густыхъ камышей расположился секретъ, высланный для наблюденія за бродомъ на Пянджѣ, черезъ который порою авганцы перегоняли въ Авганистанъ украденный въ бухарскихъ владѣніяхъ скотъ и ввозили въ Бухару контрабанднымъ образомъ карагулевыя шкурки. Люди, укрывшись бурками, залегли въ ложбинкѣ, ежась отъ холода. Въ сторонѣ на приколахъ стояли лошади. Дождь шелъ не переставая. Вѣтеръ шумѣлъ въ камышахъ и своимъ однообразнымъ шелестомъ наводилъ тоску. Изрѣдка надъ рѣкою раздавался звенѣвшій металлическимъ звукомъ крикъ лебедей, да испуганные гуси съ громкимъ гоготаніемъ поднимались изъ камышей и, хлопая крыльями, долго кружились въ воздухѣ...

„И погода же, братцы мои, не дай Богъ... Хуже рѣдко бываетъ, прерывая долгое молчаніе, сказалъ ефрейторъ Сомовъ. Въ такую пору куда какъ плохо... Лихорадки ужъ больно одолѣваютъ, а ничего не подѣлаешь, нужно Государскую служ-

бу исполнять. Теперь какъ начнутся разливы, много нашего брата пропадетъ по этимъ мѣстамъ... Кто отъ лихорадки, а кому на роду написано, такъ отъ воды...

„Утонуть то плевое дѣло... Это еще ничего, все не такъ страшно, перебилъ его рядовой Цыганковъ, по моему хуже нѣтъ, какъ по камышамъ въ разѣздѣ... Ёдешь, стоятъ они стѣною, а что за ними не знаешь. Тигра схоронится такъ пока она тебя не схватитъ, не знаешь, что она подлая тутъ рядомъ сидитъ. Мы въ позапрошломъ году ѣхали съ командиромъ; по камышамъ дорожка узенькая, вытянулись поэтому по одному, а сзади всѣхъ Сергѣевъ ѣхаль. Только братцы мои, откуда ни возмись тигра. Прямо на него прыгнула на лошадь... Онъ какъ закричитъ — да только мы его и видѣли... На глазахъ у всѣхъ уволокла его въ камыши... Мы тогда стрѣляли по ней... Больше полусотни натроповъ выпустили, да толку никакого не было, стрѣляешь а самъ не знаешь въ кого, въ заросляхъ то ее не видать... Послѣ искали, да нашли только мѣсто, гдѣ она его съѣла, ну а отъ него ни кусочка не нашли... Командиръ тогда нашъ... только что успѣлъ сказать ефрейторъ, какъ третій солдатъ, давно уже прислушивавшійся къ чему то, перебилъ его.

„Кажись выстрѣлъ гдѣ то“... Люди насторожились... Откуда то изъ далека порывъ вѣтра

донесъ новый глухой звукъ выстрѣла.. Всѣ сразу быстро поднялись, бросились къ лошадямъ... Гдѣ то далеко вверхъ по теченію рѣки, что то происходило неладное... Вскочивъ на лошадей, секретъ зрѣлистую рысью смѣло двинулся по направленію выстрѣловъ, по водяной равнинѣ..

Но никто уже не могъ помочь Тяжелову. Широко раскинувъ руки и смотря вверхъ широко раскрытыми, какъ будто стеклянными глазами, лежалъ онъ на отмели, на которую его выбросили волны быстрого и бурнаго Пянджа.

VI. На Тедженѣ.

Узкою блестящею серебряною лентою, прихотливо извиваясь по равнинѣ, несетъ изъ горъ свои свѣтлыя, холодныя воды быстрый Тедженъ, протекая по Закаспійской области. То широко разливаясь по равнинѣ, то сжатый горными хребтами, глухо журча, перекачивается онъ черезъ каменные гряды, высокія горы, покрытыя арчевыми и фисташковыми деревьями, высятся надъ нимъ, какъ будто всматриваясь въ его свѣтлыя волны. Горный хребетъ, высокій на русской сторонѣ, подходитъ, постепенно понижаясь, къ рѣкѣ, за которой на персидской сторонѣ начинается равнина. Берега Теджена около Серахса покрыты мѣстами глухими камышами, а далѣе — растительность становится все меньше и меньше и уже отъ Даулетъ-Абада до Пуль-и-Хатума берега его совершенно пустыни. Въ лѣтнія жары вода въ рѣкѣ пересыхаетъ и мѣстами Тедженъ

совершенно исчезаетъ, просачиваясь черезъ пески лишь незначительною струйкою воды. Глубокія впадины сохраняютъ воду, но и въ нихъ она порою портится и загниваетъ. Многоводная рѣка тогда имѣетъ видъ умирающей, но лишь только начинаются осенніе дожди или весеннее таяніе снѣговъ въ горахъ, Тедженъ дѣлается неузнаваемымъ. Вода прибываетъ въ рѣку быстро и снова широко разливаясь на низменностяхъ и неся съ собою массы камней и песку, шумитъ и реветъ рѣка, размывая берега и набрасывая въ другихъ мѣстахъ цѣлыя горы песку. Въ камышевыхъ заросляхъ по берегамъ рѣки ютятся стада кабановъ, привольно живущихъ въ этой глуши. Дикія козы порою мелькаютъ среди фисташковыхъ рощъ. Барсы, гіены шакалы находятъ тутъ же пріютъ. Лишь изрѣдка появляющийся въ этихъ мѣстахъ тигръ нарушаетъ общую жизнь всего населенія: инстинктивно чувствуя приближеніе страшнаго врага, торопливо прячутся въ глубь камышей кабаны, горные бараны и козы поднимаются еще выше, на недоступныя скалистыя высоты; даже барсы, эти всегдашніе друзья тигра, стараются не встрѣтиться на его дорогѣ. Лишь горные орлы и кондоры все также продолжаютъ парить въ воздухѣ, высматривая свою добычу...

Въ горахъ кое гдѣ на привольныхъ пастбищахъ пасутся стада барановъ подъ наблюдениемъ

чабановъ-туркменъ. Вырывъ гдѣ нибудь колодець, изъ года въ годъ живутъ они, перекочевывая съ мѣста на мѣсто и возвращаясь къ колодцу лишь для того, чтобы напоить свои стада. Около Теджена на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ верстъ нѣтъ никакихъ признаковъ жилья за исключеніемъ кордоновъ пограничной стражи. Неся изо дня въ день тяжелую аванпостную службу, оторванные отъ всего міра, живутъ люди въ этой пустынѣ боги о боги съ звѣрями, встрѣчаясь съ ними ежедневно. Казармы ихъ имѣютъ видъ острововъ, затерявшихся въ пустынѣ. Домъ изъ трехъ или четырехъ большихъ комнатъ, ковюшня и нѣсколько мелкихъ хозяйственныхъ построекъ, выстроенныхъ вездѣ по одному плану, окружены рядомъ деревьевъ, посаженныхъ часто на песчаномъ грунтѣ и составляющихъ предметъ особой заботливости всѣхъ людей поста. Выше поста на горѣ устроена вышка, на которой всегда видна фигура часового, внимательно наблюдающаго за окрестностями. Около самаго кордона, подъ грибовиднымъ навѣсомъ, расположенъ дежурный, одѣтый въ полную походную форму съ винтовкою за спиною. Напѣвая въ полголоса какую то пѣсню, онъ сосредоточенно смотритъ на равнину.

„Ивченко, ты это чего тамъ засмотрѣлся, нѣшто не знаешь, что людей пора поднимать“, — вывелъ его изъ задумчивости голосъ начальника поста, унтеръ-офицера Межова, вышедшаго на

крыльцо въ рубахѣ и въ шивели въ накидку.

Ивченко, моментально встрепенувшись, посмотрѣлъ на солнце и направился въ двери казармы. Черезъ нѣсколько минутъ люди, проснувшись, принялись за уборку лошадей. Стукъ скребицъ, выбиваемыхъ о камни, смѣшивался съ ритмическимъ шуршаніемъ щетокъ. Порою слышались сердитые облики на расшалившихся лошадей: Стой! Шалишь! Вычистивъ коней и навѣсивъ имъ торбы съ ячменемъ, люди направилась въ казарму, гдѣ уже запахъ какого то варева, разносившагося изъ кухни, дразнилъ аппетитъ.

„Глаголевъ и Быстрый, собирайся въ разѣздъ, — отдалъ приказаніе начальникъ поста. — Поѣдете вправо до Наурузъ-Абата, а оттуда по ущелью проѣдете въ тылъ. Посмотрите все хорошенько около колодцевъ и затѣмъ назадъ“.

Черезъ полчаса два всадника уже мелькали между зарослей, направляясь по берегу Теджена на сосѣдній постъ. Кони шли бодро, лишь порою прядя ушами и выказывая нѣкоторое безпокойство, когда ломая камышъ и свирѣпо хрюкая, поднимался гдѣ нибудь въ сторонѣ кабанъ, неторопливо уходившій со своей лежки дальше въ чашу камышей. Дикіе гуси и утки, испуганные конскимъ топотомъ, съ рѣзкими криками, хлопая крыльями, взлетали изъ камышей, и окружившись нѣкоторое время въ воздухѣ, снова опускались на воду... Весеннее солнце уже да-

вало себя знать; подъ вліяніемъ его лучей снѣга уже давно стояли, напоивъ своей влагою сухую землю, благодаря которой, въ теченіи нѣсколькихъ дней земля покрылась свѣжею травою, имѣвшей видъ роскошнаго ковра изумруднаго цвѣта. Тысячи цвѣтовъ различныхъ оттѣнковъ мелькали среди травы, оживляя окрестности. Въ горныхъ расщелинахъ зацвѣли кустарники. Вся природа, спавшая всю зиму подъ снѣговымъ покровомъ, пробудилась и зажила разомъ полною жизнью.

Глаголевъ и Быстрый ѣхали тихо, внимательно осматривая каждый незначительный слѣдъ, шедшій отъ границы внутрь брая... Чудныя картины, открывавшіяся передъ ними, не останавливали на себѣ ихъ вниманія. Перекидываясь словами, они больше интересовались событіями своей повседневной жизни.

„Такъ, сказываешь, командиръ приказалъ Керимку поймать... Какъ бы не такъ, такъ его и поймаешь...“

„Вотъ глупый ты человѣкъ, — отвѣтилъ, о чемъ то думавшій, Быстрый, — толкомъ тебѣ говорю, командиръ приказалъ... Коли, грить, кто поймаетъ Керимку-контрабандиста, такъ тому будетъ и награда особливая, медаль за храбрость выхлопчу“... И вотъ, братецъ ты мой, принялись мы тогда его слѣдить... Всѣ по секретамъ что ни ночь сидятъ, а только отъ этого самага

толку то и нѣтъ... Какъ вьюнъ онъ между рукъ уходитъ... Одинъ разъ самъ командиръ отряда, изъ укрѣпленія ѣхавши, на него наткнулся... Видитъ ѣдутъ два текина, а ночь этакая темная была... Онъ, значитъ, шашку выхватилъ и на нихъ... Ивченко тогда съ ихъ высокородіемъ конвойнымъ былъ, такъ сказывалъ, страсть, какой смѣлый нашъ командиръ-то... Только вдругъ одинъ изъ текиновъ полегоньку этакъ сталъ подъѣзжать ближе, потомъ снялъ винтовку съ плеча, да какъ ахнетъ... Только тутъ Ивченко съ коня турманомъ покатился, потому коню въ самую башку пуля угодила... А тѣ завернули своихъ коней да въ горы, а отъѣхавши, ругаться стали; по голосу тогда Керимку узнали...

„Вотъ, поди-жь ты,—задумчиво протянулъ Глаголевъ,—сколько лѣтъ онъ этой контрабандой занимается, а ни разу не нарвался..

Какое не нарвался... Сказывали наши джигиты, что мѣсяца два тому назадъ, нарѣзался онъ на нашъ секретъ, такъ его и поранили... Руку что ли, либо ногу прострѣлили... Только все же ушелъ онъ отъ погони, на что вахмистръ съ разѣздомъ за нимъ гналъ больше чѣмъ двадцать верстъ... Какъ добрался до ущелья, бросилъ коня и былъ таковъ... Много на его душѣ грѣха есть... Сказываютъ, что хотить онъ свое увѣчье отплатить... Ахметъ вахмистру говорилъ объ этомъ..

Добравшись часа черезъ три до сосѣдняго

кордона и расписавшись въ книгѣ о времени своего пріѣзда, Быстрый съ Глаголевымъ двинулись далѣе, направляясь на колодцы, отстоявшіе верстахъ въ тридцати отъ границы... То идя рысью, гдѣ позволяла дорога, то слѣзая и ведя въ поводу лошадей, двигался разѣздъ, осматривая всѣ горныя расщелины.

„Глухія ужъ очень здѣсь мѣста“—высказалъ вслухъ свои мысли Глаголевъ,—„такихъ мѣстовъ у насъ нѣтъ... Теперь дома то что дѣлается; небось у насъ снѣга лежатъ, а тутъ солнышко печь начинаеть“... Слово „дома“ невольное напомнило родное село и всѣхъ близкихъ, оставленныхъ въ немъ... Люди задумались, отдаваясь воспоминаніямъ... Солнце между тѣмъ давно уже зашло за горный хребетъ, и скоро наступила темнота... Лошади, рѣзко стуча подковами о камни, шли увѣренно, хорошо зная направление и дорогу... Въ горныхъ ущельяхъ темнота была непроглядная. Кое-гдѣ по сторонамъ слышалось завываніе и лай шакаловъ, да сорвавшійся изъ подъ копытъ лошади камень, падая внизъ и увлекая за собою другіе камни, нарушали ночную тишину...

„Почти половину прошли, нужно привалъ сдѣлать“,—только что сказалъ Быстрый, обращаясь къ Глаголеву, какъ изъ-за гряды камней, лежавшихъ немного выше тропы, гулко прогремѣло нѣсколько выстрѣловъ... Со свистомъ и сто-

номъ разсѣвая воздухъ, запрыгали пули по камнямъ... Глаголевъ, испуганный неожиданнымъ нападениемъ, разомъ осадивъ коня и снявъ винтовку съ плеча, положилъ ее на шею лошади... Какъ-то нелѣпо взмахнувъ руками, грузно какъ тяжелый мѣшокъ въ это время упалъ съ коня Быстрый, убитый наповалъ пулею въ голову... Храпя, бросилась въ сторону испуганная лошадь и остановившись на минуту, затѣмъ полнымъ карьеромъ, стуча копытами, понеслась назадъ по ущелью... Глаголевъ, всматриваясь въ темноту, по направлению мелькнувшихъ огоньковъ, сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ; неожиданность поразила его лишь въ первую минуту, но потомъ онъ съ лихорадочною поспѣшностью началъ заряжать свою винтовку, горя желаниемъ нанести хоть какойнибудь вредъ своему неизвѣстному врагу... „Должно на смерть ухлопали Быстраго“, подумалъ онъ, всматриваясь въ неподвижно лежащее тѣло товарища... Можетъ выстрѣлы услышать, помощь съ кордона подадутъ, либо развѣздъ какой по близости есть... Нужно гдѣ-нибудь отсидѣться, рѣшилъ онъ, осматриваясь по сторонамъ и выбирая закрытіе... Мысль ускользнуть и оставить товарища не приходила ему въ голову... Спѣшившись и бросивъ лошадь на произволь судьбы, онъ засѣлъ за скалою и, зарядивъ винтовку, началъ высматривать непріятеля... Выстрѣлы изъ-за гребня продолжались

безостановочно... Эхо повторяло звуки выстрѣловъ, отдаваясь гдѣ то далеко въ горахъ.

II.

Пограничный кордонъ Даулетъ-Абадъ, закончивъ свой служебный день, приготовлялся къ ночной службѣ. У подножья горы недалеко отъ казармы разложенъ былъ костеръ, на огнѣ котораго бурлилъ небольшой чугунный котелокъ. Нѣсколько солдатъ сидѣли вокругъ огня на землѣ, ожидая ужина. Рядомъ съ казармою виднѣлись двѣ кибитки, въ которыхъ жили постовые джигиты. Огонь костра освѣщалъ лица людей... Кашеварь, какъ будто священнодѣйствуя, порою мѣшалъ въ котелкѣ большою ложкою ..

„На ужинъ что варили, опять небось кромѣ риса ничего“, — спросилъ подошедшій въ это время дежурный.

„И чудно это, братецъ ты мой, спрашиваешь, какъ будто самъ не знаешь, что больше двухъ недѣль какъ не привозили на постъ продуктовъ“, — отвѣтилъ одинъ изъ сидѣвшихъ.

„Потому теперь всѣ верблюды у текиновъ на пастбищахъ и нанять верблюда ни за какія деньги нельзя... Ну, а казенный ишагъ сдохъ, новаго еще не купили, потому приказъ долженъ об этомъ быть. Вотъ значитъ и сиди теперь на рисѣ... Это еще ничего, а вотъ плохо что мука

кончилась“, задумчиво сказалъ дежурный... „Изъ Персїи муки тоже не везуть“...

„Будеть вамъ ласы-то по пусту точить, иди ужинать“, — съ сердцемъ крикнулъ кашеварь, наливая въ мѣдный бакъ горячую кашу и ставя его на землю... Одинъ за другимъ люди присѣли около бака и принялись за ѣду.

„Што то больно мало сегодня себралось“, — замѣтилъ кашеварь, оглядывая сидѣвшихъ...

„Мало“ — передразнилъ его дежурный... — „Загляни-ка въ кордонъ, тамъ почитай больше десяти человекъ лежатъ, лихорадкою маются. И бѣда, братцы мои, съ этой лихорадкою, больно ужъ она донимаетъ... Кажись въ прошломъ году человекъ два отъ нея умерли, да и теперь тоже Алексѣевъ врядъ ли выйдется“...

„Ничего не подѣлаешь“, — равнодушнымъ тономъ отвѣтилъ одинъ изъ ужинавшихъ, — здѣшняя сторонка нашему брату бокомъ выходить. Потому посуды: кормы не ахти какіе, только какъ набьютъ кабановъ да джирановъ, такъ отъ мясного не знаешь куда дѣваться, а какъ не привезуть — сяди на рисъ и его съ водою ѣшь. Потомъ лихорадка да пендинки, а кромѣ того много нашего брата персюки да текины бьютъ. Чтобъ достать себѣ винтовку, ни за грошъ христіанскую душу ухлопаетъ анафема“...

„А ты съ опаскою да съ оглядкою ѣзди въ разѣздъ-то“ — ворчливымъ тономъ заговорилъ, все

время молчавшій, унтеръ-офицеръ Цыганенко... „Конечно, все отъ Бога, а только каждый и самъ себя соблюдать долженъ... Да теперь, братцы мои, куда лучше житье наше стало, не то что прежде... Начальство теперь заботится... Казармъ это понастроили; спервоначала, года четыре тому назадъ, какъ заняли мы эту персидскую границу, бѣда была... Вызвали тогда въ западныхъ бригадахъ охотниковъ служить въ Средней Азіи... Ну я съ другими тоже пошелъ... Довезли насъ по желѣзной дорогѣ до Мерва, а дальше пошли пѣшими... Приходимъ на это самое мѣсто — вокругъ чуть ни на триста верстъ никакого жилья. Подъ деревомъ сложили вещи, да такъ и зажили. Прислали намъ скоро и коней, а тамъ командиръ приказалъ землянку строить. Натерпѣлись мы въ этой землянкѣ вдосталь и больше трехъ лѣтъ въ ней прожили... И гадъ всякій одолѣвалъ, и персюки, и звѣрье... А ужъ голодали — недѣлями хлѣба не было... Теперь противъ прежняго благодать... Вотъ плохо, что бабъ нѣтъ — ну да это еще полъ-бѣды... Перемерло нашихъ здѣсь страсть... Около кордона тутъ шесть человекъ похоронили. Кресты то надъ ними поставлены, кивнулъ онъ головой въ сторону, гдѣ изъ темноты вырисовывалось нѣсколько крестовъ. Текины, которые по надъ границею стояли, всѣ откочевали подальше, чтобъ къ намъ близко не жить... А съ персидской стороны все разбойники

насъ высматривали... Былъ такой случай, дежурный на одномъ кордонѣ заснулъ, такъ они ночью подкрались, да весь какъ есть постъ, больше пятнадцати человекъ, вырѣзали. Никто живымъ не остался.. А все отъ того что разиня дежурный... На посту Акъ-Кая такъ тоже плохо было, подъѣхала шайка аламанщиковъ-юмудовъ, стали на горахъ противъ поста и давай палить... Убить то убили только одного солдатака, потому всё въ казарму засѣли: ну а продержали таки въ осадѣ почти цѣлую недѣлю... Чуть кто покажется — бьютъ; переранили пропасть народу, а все же отсидѣлись благополучно... Ну это еще не бѣда, коли въ оба смотрѣть, такъ можно и имъ задать такого жара, что помнить долго будутъ... Плохо теперь, что болѣзни очень одолаживаютъ, разныя начались. Вчера отправили двоихъ, да сегодня одного. Бѣда съ этими больными: до лазарета больше ста пятидесяти верстъ, а можетъ и всё двѣсти будетъ. Какъ тутъ его отправить, чтобы покойно ему было. Ивановскихъ въ прошломъ мѣсяцѣ повезли въ лазаретъ, взвалили на ишака на манеръ мѣшка съ ячменемъ, да такъ и повезли... Хорошо, что онъ въ лазаретѣ, а не дорогою Богу душу отдалъ... А то было бы хлопотъ... Разъ было, — успѣлъ сказать Цыганенко, вспоминая какой-то случай, какъ его перебилъ дежурный, давно ужъ къ чему то внимательно прислушивавшійся...

„Андрей Ивановичъ, кажись гдѣ то выстрѣлъ слышать“. Всѣ насторожились, внимательно прислушиваясь. Тишина вокругъ стояла полная, но вотъ гдѣ то далеко, далеко послышался отрывочный глухой звукъ выстрѣла, а за нимъ другой...

„Какъ будто въ этой сторонѣ никого быть не должно“, — вслухъ высказалъ Цыганенко свои мысли, что то соображая...

„А Быстрый съ Глаголевымъ изъ разъѣзда не вернулись. Безпремѣнно это они палятъ... Кажись снова выстрѣлы... Кромѣ нихъ никого въ эту сторону не посылали... Громкій стукъ копытъ быстро скачущей лошади заставилъ всѣхъ внимательно всмотрѣться въ темноту... Черезъ нѣсколько минутъ съ громкимъ ржаніемъ мимо нихъ пронесся осѣдланый конь безъ всадника и храпя, видимо чѣмъ-то испуганный, остановился около конюшни... Всѣ быстро кинулись къ лошади... „Навѣрняка что-нибудь да случилось“, — рѣшилъ Цыганенко, окинувъ быстрымъ взглядомъ сѣдловку...

„Выводи коней.. Сѣдлай, братцы. Да скорѣе поворачивайся“, — крикнулъ онъ, уже вбѣжавъ въ конюшню... Люди торопливо начали сѣдлатъ лошадей.. Черезъ десять минутъ сильный разъѣздъ въ составѣ десяти конныхъ на полныхъ рысяхъ шелъ по ущелью въ глубь края, направляясь на выстрѣлы, которые продолжали слышаться безпрестанно въ этой сторонѣ... Люди торопились...

Нервное ихъ настроеніе невольно перешло къ лошадамъ .. Пройдя верстъ шесть рысью, разгоряченные кони сами перешли въ галопъ... Топотъ копытъ гулко раздавался по ущелью и, смѣшиваясь со звономъ оружія, наполнялъ своими звуками окрестности... Скоро выстрѣлы послышались совсѣмъ близко... Сдѣлавъ два три поворота на извиистой тропѣ, разъѣздъ подошелъ къ мѣсту стычки.. Помощь подоспѣла какъ разъ во время.. Глаголевъ ужъ заряжалъ свою винтовку послѣднимъ патрономъ.

III.

Черезъ два дня на кордонѣ Даулетъ-Абадѣ хоронили Быстраго. Вся суета съ развозкою донесеній объ его смерти уже окончилась. Приѣхалъ командиръ отряда, который вмѣстѣ съ вызваннымъ экстренно приставомъ, составили актъ о происшествіи и преданіи тѣла убитаго землѣ. Часть людей отправилась на службу, а остальные всѣ разбрелись по угламъ... Погода, стоявшая все время чисто лѣтняя, вдругъ разомъ перемѣнилась. Подулъ порывистый почти осенній вѣтеръ, нагнавшій откуда то дождевыя тучи. Вся природа какъ будто плакала... Тучи обрывками неслись по небу и луна, словно ныряя, то выглядывала, робко освѣщая окрестности со стоящими вездѣ лужами воды, то пряталась, погружая все въ непроглядную тьму. Порывистый вѣ-

теръ неся, свистя по ущельямъ, рябилъ воду въ лужахъ и бѣшеннымъ натискомъ устремлялся на фисташковыя деревья, ломая ихъ вѣтви. Тедженъ, въ которомъ нѣсколько дней тому назадъ воды было немного, вдругъ разомъ забурлилъ, надулся и вышелъ изъ береговъ. Мутныя волны его разлились на далекое пространство, затопивъ всѣ низменные мѣста.

Весь кордонъ провелъ эти двое сутокъ въ какомъ то подавленномъ состояніи. Въ одной изъ комнатъ кордона на столѣ, покрытомъ сѣрыми конскими попонами, стоялъ деревянный, грубо сколоченный изъ арчевыхъ досокъ, гробъ. Медленно по складамъ, постоянно путаясь въ словахъ, читалъ надъ покойнымъ Цыганенко псалтирь. Свѣчи, прикрѣпленные къ столу около гроба, тускло свѣтили, колеблемыя вѣтромъ, врывавшимся въ комнату черезъ оконныя щели. Густыя облака ладана наполняли комнату, затрудняя дыханіе... Дымъ синей струйкою вился изъ тарелки, замѣнявшей кадильницу и, поднимаясь до потолка, сѣрой пеленой расплзался въ стороны... Лицо мертваго было совершенно спокойно, темныя тѣни, проведенныя по немъ рукою смерти, придавали ему какое то особенное суровое выраженіе. Глубокая морщина между бровей, бывшая всегда у живого, теперь сдѣлалась глубже и темнѣе... Казалось, что Быстрый лежалъ съ закрытыми глазами, внимательно ко всему прислуши-

ваясь и о чемъ то думая... Последнюю ночь люди не спали, лишь изрѣдка заглядывая въ казарму и тотчасъ-же, взглянувъ на покойника, снова уходили въ конюшню, гдѣ, сидя около лошадей, всѣ сосредоточенно молчали, лишь порою шепотомъ перебрасываясь отрывочными фразами...

На другой день утромъ назначены были похороны. Гробъ, весь обвитый зеленью, подняли на плечи товарищи-сослуживцы покойнаго и понесли тихо къ могилѣ, вырытой рядомъ съ другими крестами, поставленными надъ раньше здѣсь похороненными. Впереди несли крышку гроба, предшествующую постовымъ образомъ, который несли двое солдатъ.

Сосредоточенно смотря въ землю, весь подавленный угнетающей простотою погребальнаго обряда, шелъ за гробомъ командиръ отряда. Въ слѣдствіе отсутствія священника, живущаго въ трехъ стахъ верстахъ, на его обязанности лежало проводить покойнаго до могилы и предать прахъ его землѣ.

Каждый испытывалъ внутри себя какую-то особенную пустоту, гнетущее чувство которой отражалось на всѣхъ лицахъ. Невольно въ такой моментъ вспоминалась семья и близкіе люди. Далекая деревенская церковь и старый, заросшій деревьями съ покосившимися крестами, погостъ рисовались воображеніемъ.

Знакомые темные образа церковнаго иконостаса стояли передъ глазами. Глухо зазвучалъ

молотокъ о крышку гроба. Нестройнымъ хоромъ пѣли люди и невольныя слезы виднѣлись у всѣхъ на глазахъ.

Рѣзко прозвучали три прощальныхъ залпа изъ винтовокъ, отдаваясь въ горахъ и будя окрестности.

Куски земли застучали по крышкѣ гроба, тихо опущеннаго въ могилу... Всѣ молитвы, которыя только знали, пропѣли... Старательно выровняли холмикъ надъ могилою, обложили его деревомъ и камнями, поставили деревянный крестъ и обрядъ былъ оконченъ

Далеко отъ всего родного спитъ непробуднымъ сномъ бравый служака, ожидая очередного проѣзда по границѣ бригаднаго священника, который дастъ ему послѣднее разрѣшеніе, служа надъ могилою заупокойную обѣдню...

И долго будетъ стоять на границѣ около казармы этотъ крестъ, заботливо поддерживаемый всѣми людьми кордона, напоминая собою каждому о честномъ слугѣ Царевомъ, животь на службѣ его положившемъ.

VII. Въ предгорьяхъ Памира.

„Здравствуйте, Александръ Николаевичъ, хорошо что вы приѣхали, а я было хотѣлъ уже васъ вызывать; даже предписаніе сегодня заготовилъ объ этомъ“, скороговоркою, какъ будто бы куда нибудь торопясь, заговорилъ командиръ отдѣла, подполковникъ Огневъ, встрѣчая вошедшаго къ нему въ кабинетъ штабсъ-ротмистра Дольскаго.

„Въ чемъ дѣло, полковникъ. Вы такъ взволновались; можно подумать, что случилось что нибудь особенное“, спросилъ Дольскій. „Вѣроятно, что-нибудь изъ бригаднаго штаба... Приказаніе? Смотръ? Неужели генераль ѣдетъ? Задалъ онъ цѣлый рядъ вопросовъ.“

„Да нѣтъ, не то, садитесь пожалуйста... Кириченко, подай чаю, да закусить чего-нибудь наскоро передъ обѣдомъ“, крикнулъ Огневъ деньщику. „Обѣдъ сейчасъ будетъ, поэтому вы пока только червячка заморите“...

Штабсъ-ротмистръ присѣлъ въ столу, заваленному дѣлами и бумагами.

„Вы простите меня, Александръ Николаевичъ; я сейчасъ кончу и тогда поговоримъ“, сказалъ Огневъ и, взявъ перо, сталъ что-то писать, быстро выводя букву за буквой.

Дольскій, усѣвшись попокойнѣе въ глубокое кресло, закурилъ папиросу и, пуская клубы дыма, внимательно посмотрѣлъ на своего командира. Вѣчно спокойный подполковникъ на этотъ разъ, видимо, былъ сильно взволнованъ. Бормоча что-то себѣ подъ носъ, онъ продолжалъ писать, страшно торопясь; уставшій штабсъ-ротмистръ между тѣмъ задумчиво слѣдилъ за его рукою. „Что-нибудь да случилось: Павелъ Васильевичъ не сталъ бы даромъ волноваться. Впрочемъ, кончитъ—все узнаю“. И успокоивъ себя этимъ выводомъ, Дольскій задумался. Проѣхавъ болѣе ста верстъ до штаба отдѣла, онъ чувствовалъ усталость и невольно смотрѣлъ въ данную минуту мрачнѣе, чѣмъ обыкновенно, на свѣтъ Божій. „Навѣрное что нибудь касается меня“, только что рѣшилъ онъ, какъ подполковникъ бросилъ перо и порывисто всталъ изъ-за стола.

„Ну слава Богу, кончилъ,—вотъ и Кириченко съ закускою. Милости прошу“, добавилъ онъ, наливая водку и подвигая рюмку къ штабсъ-ротмистру. „Дѣло вотъ въ чемъ“, заговорилъ онъ снова, давъ Дольскому утолить свой первый го-

лодь, „приказано немедленно выставить новый постъ на Дарвазскомъ перевалѣ. Отъ Забытаго кордона, т. е. отъ вашего отряда, нужно его выставить. Предписаніе категоричное, значить, придется выставить не позже трехъ сутокъ. Я уже въ такомъ смыслѣ и донесеніе заготовилъ...

А взволновало это меня сильно: сами знаете, какія тамъ мѣста. Постъ придется пока поставить въ гибиткѣ, а тамъ посмотримъ... Вотъ вамъ и порученіе. Не изъ легкихъ оно; выполнить его, въ сущности, очень трудно, — дорога туда совершенно невозможная.

На моей памяти, еще при бывшемъ пограничномъ надзорѣ былъ тамъ постъ, въ томъ же самомъ мѣстѣ, — такъ вы не можете себѣ представить, какъ трудно тамъ его было водворить, а еще труднѣе поддерживать съ ними связь... Просто бѣда...

Назначили туда командиромъ барона Унгляка; человекъ онъ былъ уже пожилой, но съ нервами слабыми. Поѣхалъ онъ туда и пропалъ, — ни слуху, ни духу. Больше мѣсяца не было отъ него донесеній. Сталъ я тогда его летучками доносить — молчать... Наконецъ, я уже самъ кое-какъ двинулся на этотъ постъ и, — чтобы вы думали... — засталъ его, сидитъ на кровати и плачетъ...

Спрашиваю солдатъ — докладываютъ, что какъ ѣхалъ баронъ по карнизамъ, такъ все глаза закрывалъ и къ сѣдлу себя привязывать

велѣлъ; а какъ добрался до мѣста, гдѣ постъ поставили, такъ сѣлъ и началъ плакать. И съ тѣхъ поръ чуть не мѣсяць все плакалъ. Посмотрѣлъ я ему въ глаза, — вижу, мутные, бессмысленные такіе... Кое какъ доставилъ его сюда. Докторъ тутъ его осмотрѣлъ, да и говоритъ: „ничего не подѣлаете, конечно.“ Я думалъ, шутить, а нѣ вышла правда, и пришлось потомъ голубчика барона отправить въ сумасшедшій домъ. Досихъ поръ, говорятъ, бѣдняга сидитъ тамъ. Вообще, случаевъ несчастныхъ въ этихъ мѣстахъ было много. Нѣтъ, нѣтъ, да кто-нибудь и сорвется съ карниза. Я, какъ ѣду, такъ всегда думаю, что будетъ, если на карнизѣ этомъ съ кѣмънибудь встрѣтишься. Развѣхаться и не думай“.

Дольскій, сидѣвшій все время глубоко задумавшись, встрепенулся. „Вы не подумайте, что я боюсь этой поѣздки“, сказалъ опъ, „но я положительнo не знаю, какъ мнѣ быть теперь. Жена, понимаете-ли, ожидаетъ съ часу на часъ, а у насъ ни доктора, ни даже простой бабы нѣтъ на сто слишкомъ верстъ въ округности. Присилъ выслать акушерку, да не знаю, удастся ли ей во время пріѣхать... Если бы можно было недѣльку подождать съ этою поѣздкою?“

„Подождать?“, протянулъ подполковникъ, „что вы, да развѣ это возможно? Я уже донесъ о выставленіи поста, а вы подождать... На счетъ же семейныхъ дѣлъ скажу одно: никто какъ

Богъ... Въ нашей жизни все вѣдь бываетъ—болѣешь безъ доктора, умираешь безъ священника, значить, и безъ акушерки можно на свѣтъ появиться. Такъ то, добрыйшій Александръ Николаевичъ, назвался груздемъ—полѣзай въ кузовъ“.

„Коли перешли къ намъ въ стражу, — миритесь съ условіями нашей жизни. Однако небольшой кусокъ дороги мы пройдемъ съ вами вмѣстѣ: жена собирается въ гости къ Кириловымъ, — онъ вѣдь именникъ, поэтому намъ съ вами по пути“...

Отдохнувъ нѣсколько часовъ и переговоривъ рѣшительно обо всемъ съ Огневыми, Дольскій двинулся обратно на свой постъ, гдѣ его возвращенія съ нетерпѣніемъ ожидала его жена. Съ стѣсненнымъ сердцемъ сообщилъ онъ ей о своей предстоящей поѣздкѣ и сейчасъ-же, призвавъ унтеръ-офицера, отдалъ необходимыя приказанія:

„Выступимъ мы чуть свѣтъ, поэтому сейчасъ-же объяви людямъ, которые назначены, и присмотри, чтобы собирались получше. Фуража и провіанта взять на десять дней, потомъ уже подвеземъ, сколько будетъ нужно. Проводникомъ взять Магомета; онъ одинъ только знаетъ всѣ здѣшнія мѣста“.....

Долго еще слышались обстоятельныя приказанія Штабсъ-ротмистра о снаряженіи и снабженіи людей, назначенныхъ на новый постъ, а затѣмъ всю ночь шла на кордонѣ суета, окончившаяся лишь подь утро.

II.

По извилистой тропинкѣ, поднимавшейся къ горному перевалу, медленно двигался караванъ, состоявшій изъ командира Каратегинскаго отряда, нѣсколькихъ нижнихъ чиновъ и трехъ вольнонаемныхъ джигитовъ. Сѣдобородый старикъ таджикъ служилъ проводникомъ, указывая дорогу. Караванъ шелъ по тропинкѣ, направляясь къ востоку. Съ лѣвой стороны, какъ будто уходя въ небо, стояла отвѣсная каменная стѣна, справа, не дальше полутора аршина, карнизъ оканчивался, и внизу разстиралась равнина. Вышина была страшная, и духъ захватывало при взглядѣ внизъ, гдѣ далеко на равнинѣ тянулся нитью караванъ верблюдовъ. Мѣстами, гдѣ горы сближались, пропасть, образуемая ими, казалась еще глубже: на днѣ ея видна была лишь синева, сквозь которую, какъ будто черезъ дымку, вырисовывались отдѣльныя скалы, разбросанныя по дну ущелья. Каменистыя, лишеныя растительности горы, одна выше другой, поднимались передъ глазами. Въ ущельяхъ между ними виднѣлись ручьи, спадавшіе внизъ шумными водопадами.

Порою въ горной долинѣ блистало небольшое горное озеро, окруженное свѣжей растительностью. И снова тѣ-же горы, которымъ, казалось, нѣтъ конца. Вѣтеръ порою проносился по ущельямъ, на нѣсколько минутъ умѣряя палящій зной,

которымъ дышали обнаженные скалы. Одинъ за другимъ, постоянно рискуя поскользнуться и свалиться въ пропасть, двигались всадники впередъ. Понуро опустивъ головы, шли кони, осторожно ступая по карнизу. Съдобородый проводникъ шелъ впереди, указывая дорогу. Часть людей, ведя коней въ поводу, едва брели, изнемогая отъ жары и усталости. Порою изъ подъ ногъ вырывались камни и, увлекая десятки другихъ, съ шумомъ катились внизъ, пока каменный потокъ не исчезалъ въ безднѣ. Изрѣдка, далеко впереди, на неприступныхъ обрывахъ на мгновение показывалась, какъ-бы замершая отъ удивленія, фигура горного козла, моментально исчезающего за грядями и выступами скалъ. Порою на заднемъ планѣ ущелья грозно выдвигалась бѣлая шапка снѣговой горы, то ярко отражавшая лучи южнаго солнца, то будто нахмуренная, окутанная тѣнью мимолетнаго облака.

Сдѣлавъ еще версть десять по тому-же карнизу, проводникъ остановился и внимательно осмотрѣлъ окрестности.

„Близко“, сказалъ онъ, окончивъ осмотръ и снова двигаясь впередъ...

Люди разомъ пріободрились и стали подтягиваться, увеличивая шагъ. Карнизъ становился все уже и уже, достигая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ширины не болѣе аршина. Съ замираніемъ сердца, стараясь не смотрѣть внизъ, ѣхалъ Дольскій по

его изгибамъ, порою буквально холодѣя отъ ужаса при мысли о возможности поскользнуться и слетѣть внизъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ карнизъ смѣнялся балконами, и по ихъ бревнамъ, воткнутымъ въ расщелины отвѣсной скалы, съ набросаннымъ сверху хворостомъ и камнями, даже привычные кони шли боязливо, прядя все время ушами. Сквозь щели балкона внизу виднѣлась страшная, бездонная пропасть. Бревна скрипѣли и осѣдали подъ тяжестью всадниковъ, и этотъ скрипъ, казалось, отдавался въ каждомъ нервѣ.

Свѣжій вѣтерокъ потянулъ изъ ущелья, когда караванъ добрался наконецъ до мѣста ночлега. Небольшая площадка среди горъ котловиной спустилась къ серединѣ. Шумящій ручеекъ пробирався сквозь скалы, каскадами спадая внизъ и превращаясь далѣе внизу въ сплошную полосу бѣлой пѣны, клубившуюся въ глубокой расщелинѣ.

„Тутъ стоять будемъ“, обратился проводникъ къ Штабсъ-ротмистру и сейчасъ-же, снявъ съ себя сапоги и разостлавъ небольшой коврикъ, сталъ на колѣни лицомъ къ востоку: было время вечерней молитвы.

Только что люди успѣли расположиться на отдыхъ, какъ солнце закатилось; разомъ наступила ночь, и звѣзды заблестѣли на небѣ. Завернувшись въ бурку и прислонившись спиной

къ обломку скалы, Дольскій началъ всматриваться въ темноту. Небольшой огонекъ костра едва освѣщаль площадку; кругомъ все тонуло во мракѣ ночи. Люди расположились въ повалку, и скоро ихъ мѣрное дыханіе показало, что они уже спятъ крѣпкимъ сномъ, утомленные длинною дорогою и дневнымъ солнцепекомъ.

Проводникъ, присѣвъ невдалегѣ, что-то разбиралъ въ своей сумкѣ, украшенной узорами изъ разноцвѣтной шерсти, бормоча себѣ что-то подъ носъ. Штабсъ-ротмистръ ворочался съ боку на бокъ и никакъ не могъ заснуть. Карнизы, пропасти, ужасные, качающіеся надъ бездною мосты и скрипящіе балконы все мерещились ему. Въ добавокъ къ этому мысль невольпо возвращалась къ дому... „Что то тамъ дѣлается?“ думалъ онъ и мучился сознаниемъ полной невозможности получить оттуда извѣстіе, которое бы разомъ его успокоило.

„Что тюра? Духъ не спокоенъ—не спишь,“ послѣ долгаго молчанія обратился къ нему проводникъ...

„Да, великъ Аллахъ, нагромоздившій здѣсь эти горы и слабъ человекъ, слабѣ чѣмъ трава въ пустынѣ передъ его силою“...

„Когда привыкнешь, такъ ничего, а съ начала всеѣмъ бываетъ страшно,“ задумчиво добавилъ онъ, шевеля палкою огонь костра...

„Знаешь тюра, нѣсколько лѣтъ тому назадъ ѣхаль по этой же дорогѣ одинъ тюра, не помню, какъ его звали; я ему дорогу показываль. Съ нимъ ѣхали жена и дѣти; и хвала Аллаху, мы все время ѣхали хорошо—камень не упалъ изъ подъ копытъ его лошади. Жена его молодая была и такая красивая, что я такую женщину въ первый разъ въ жизни видѣлъ. Глаза, какъ у газели, темные и большіе; зубы какъ перлы, и вся она такая бѣлая, какъ пѣна того ручья, что бѣжитъ внизу по ущелью. Я старикъ много видѣлъ на свѣтѣ, а такой еще видѣть не приходилось“.

„Тюра. ты видѣлъ лилію—это была она. Перлъ созданія Аллаха, и Аллахъ, отпустивъ ее на землю, назначилъ срокъ, когда Азраиль долженъ принести ее душу обратно“.

„Мы шли спокойно, и никто изъ насъ не зналъ, что Азраиль съ того времени, какъ мы вступили въ горы своими бѣлоснѣжными крыльями, навѣваль прохладу на нашъ караванъ. Также какъ и сегодня мы подходили къ этой площадкѣ, рассчитывая отдохнуть въ теченіи ночи, набравши новыхъ силъ у ночной прохлады. Словно ласточка щбетала жена тюры, и видно весело у нея было на душѣ“...

„А какъ взошли мы на этотъ карнизъ, такъ она сразу примолкла и только все шептала молитвы Аллаху“...

„Тюра же впереди ея ѣхаль“.

„Обвалы тутъ бывають часто. Говорять старые люди, шайтанъ злится и отбиваетъ отъ горъ куски скалъ. Часто это здѣсь случается — почти каждый день. Тагъ и тогда, вижу я, что мой конь сразу остановился и захрапѣлъ. Я двинулъ его впередъ. Преодолѣлъ онъ свой страхъ и быстро двинулся снова. Черезъ мгновеніе слышу сзади крикъ, я повернулся на сѣдлѣ. Да, тюра, много я видѣлъ на своемъ вѣку и никогда ничего не боялся а тутъ и мнѣ страшно стало. Вся скала вмѣстѣ съ карнизомъ, по которому шла дорога, тихо заколебалась и стала отдѣляться отъ горы. Съ грохотомъ, поднимая пыль, посыпались внизъ камни. За пылью потомъ плохо видно стало, но все таки я видѣлъ, какъ Азраиль широко распростеръ свои крылья надъ женщиной“...

„Тогда я закрылъ глаза“...

„Но видно Аллахъ не далъ повелѣнія взять сейчасъ же ея душу. Конь ее быстрѣе птицы прыгнулъ черезъ расщелину и упалъ на колѣни рядомъ со мною. Долго лежала потомъ женщина на землѣ, какъ будто мертвая, но потомъ хотя и открыла глаза, но ничего не говорила. Страшные у нея были глаза, тюра... До самой ночи сидѣли мы всѣ на этой же площадкѣ, а она лежала около вотъ той скалы“.

„И лишь только сумракъ окуталъ землю, Азраиль исполнилъ приказаніе и, взявъ ея душу, понесъ

ее къ подножью лучезарнаго престола Всемогущаго Аллаха. Тѣло ее мы потомъ отвезли назадъ въ городъ и предали тамъ его землѣ“... Старикъ задумчиво покачалъ головою и грустнымъ взглядомъ, какъ будто вспоминая пережитое, окинулъ площадку.

Просидѣвъ молча больше часа, онъ, сосредоточенно помолившись, тутъ же прилегъ на кошмѣ и скоро заснулъ.

Мысли самыя безотрадныя приходили въ голову Дольскому, и на сердцѣ у него становилось такъ тяжело, что сонъ улетѣлъ куда-то совсѣмъ далеко... Огонь костра, ^{не}прихотливо извиваясь, перебѣгалъ по сухимъ дровамъ, бросая свѣтъ на окрестныя скалы. Ночныя насѣкомыя носились въ воздухѣ; порою, быстро разсѣкая крыльями воздухъ, пролетали летучія мыши. Дольскій невольно слѣдилъ за ихъ полетомъ. Иногда нѣкоторыя изъ нихъ съ размаха падали на скалы и, зацѣпившись за нихъ когтями, висѣли отдыхая... Штабсъ-ротмистръ глубоко задумался. И опять ему вспоминалась оставшаяся совершенно одна дома жена.

„Впереди осталась сравнительно легкая дорога. Дней черезъ пять удастся, вѣроятно, возвратиться назадъ“. соображалъ онъ, высчитывая мысленно, сколько понадобится времени для выставленія поста.

„Да, Огневъ правъ: — наша служба особенная. Благодаря вѣчному одиночеству, многіе спиваются, съ круга. Это не то, что въ полкахъ, гдѣ всѣ вмѣстѣ, и одинъ за другимъ смотритъ. Для человѣка тамъ всегда есть поддержка товарищей. Ну, а у насъ статья особенная“...

Но усталость давала себя знать, и Дольскій на мысли о своемъ полку, въ которомъ прежде служилъ, задремалъ.

Костеръ уже потухалъ: кучка углей подернулась бѣлымъ пепломъ...

И снова балконы и пропасти мерещились Дольскому, заставляя его вздрагивать во снѣ и переживать всѣ ужасы горной дороги. Горизонтъ уже принималъ пурпурово-розовый оттѣнокъ. Наступало утро.

III.

Подполковникъ Огневъ, послѣ долгихъ препирательствъ съ женою, наконецъ усѣлся на арбу. Со всѣхъ сторонъ около него лежали: чугунный котелокъ, нѣсколько полѣньевъ дровъ, мѣшки съ ячменемъ и провіантомъ. Запасъ всего былъ въ дорогѣ необходимъ, такъ какъ до сосѣда, къ которому онъ собирался въ гости было болѣе 100 верстъ, и дорога пролегла по совершенно пустынной мѣстности. Подпрыгивая на кочкахъ и встряхивая грузнаго подполковника, медленно

двигалась арба, скрипя своими огромными колесами. Впереди, на громадномъ пространствѣ, видѣлся спускъ въ ущелье, по которому была проложена дорога. Яркіе солнечные лучи освѣщали лишь одну сторону ущелья, оставляя другую въ тѣни. Воздухъ, стоявшій въ ущельѣ совершенно неподвижно, казался раскаленнымъ. Облака пыли, поднимаемые лошадьми, стояли клубами въ воздухѣ затрудняя дыханіе. Огневъ, не обращая вниманія на нѣкоторыя неудобства путешествія, порою только кряхтѣлъ при слишкомъ сильныхъ толчкахъ и равнодушнымъ взглядомъ поглядывалъ по сторонамъ. За то жена его, Марія Борисовна, все время волновалась, обращая все свое неудовольствіе на мужа. Пыль, жара и тряска, все вмѣстѣ взятое, окончательно привело ее въ дурное настроеніе. Все время, недовольно что-то ворча себѣ подъ носъ, она бросала порою сердитые взгляды на своего супруга... Переночевавъ двѣ ночи въ полѣ на кошмахъ, на третій лишь день къ вечеру запыленные и грязные до неузнаваемости, добрались наконецъ Огневъ до своихъ сосѣдей Кириловыхъ, жившихъ на Далекоемъ кордонѣ, расположенномъ на небольшой площадкѣ среди горъ. Двѣ выпряженныхъ арбы, стоявшихъ среди двора указывали, что на кордонѣ есть проѣзжіе.

„Дома Ротмистръ,“ спросилъ Огневъ поравнявшихся почти передъ санымъ кордономъ двухъ солдатъ, вѣхавшихъ въ разѣздъ.

„Такъ точно, ваше—высокородіе,“ увѣреннымъ тономъ отвѣтилъ молодцеватый солдатъ, бывшій за старшаго.

„Никуда не собираются,?“ какъ бы провѣряя себя, задалъ онъ снова вопросъ, находясь въ нѣкоторомъ сомнѣніи, не ошибся-ли онъ въ числахъ.

„Никакъ нѣтъ ваше—веродіе, потому у нихъ сегодня балъ, такъ какъ они будутъ именинники,“ — радостнымъ тономъ сообщилъ онъ о необычайномъ событіи въ кордонной жизни.

„Балъ? Вотъ видишь, Марія Борисовна,— обратился онъ къ женѣ, а ты все спорила да увѣряла меня, что я ошибся“...

„Не мудрено ошибиться, когда всѣ дни и числа перепутались, не знаешь какой день сегодня“...

„Ну вотъ мы и приѣхали, можно и выходить ...

Общество, собравшееся на именины къ Кириловымъ было, принимая во вниманіе пустыньность мѣста, очень многочисленно: два офицера, чиновникъ таможи и, случайно проѣзжавшій на съемку топографъ, расположились подъ куртиною деревьевъ на разостланныхъ коврахъ. Вся компанія была давно уже подвинчена, доказательствомъ чему служили пустыя бутылки, разбросанныя по травѣ. Цѣлая батарея графинчиковъ и бутылокъ возвышались среди пирующихъ. Сбоку, въ нѣсколькихъ саженьяхъ, солдатъ изъ шампурахъ жарилъ шашлыки, аппетитный запахъ которыхъ

разносился далеко вокругъ... Хозяйка хлопотала тутъ же... Встрѣченные радостными возгласами Огневъ, присоединились къ кружку, и скоро покраснѣвшее лицо подполковника указывало, что онъ уже почти наверсталъ немного опередившихъ его компаніоновъ...

Разговоры въ началѣ какъ то не вязались, но затѣмъ постепенно веселое беззаботное настроеніе овладѣло всѣми... Къ заходу солнца пирушка была въ полномъ разгарѣ... Всѣ чокались, пили, спорили и снова выпивали... Луна мягкимъ свѣтомъ освѣтила окрестности, когда въ началѣ, пришедшій въ радужное настроеніе Огневъ подъ влияніемъ ея бѣлыхъ лучей перешелъ въ минорный тонъ.

„Все хорошо у васъ, Иванъ Васильевичъ— плохо только что музыки нѣтъ. Совсѣмъ бы другое дѣло было“...

„Помните когда мы съ Вами въ Желтомъ драгунскомъ полку были“...

„Какая музыка то у насъ была, вѣдь слушаешь бывало, не наслушаешься“...

„Музыку“, перебилъ его никогда неунывающій Корнетъ, „сейчасъ будетъ“...

И вставъ съ своего мѣста, онъ нетвердыми шагами направился къ казармѣ... Минуть черезъ десять передъ кружкомъ пирующихъ выросли двѣ темныя фигуры трубачей-солдатъ. Ярко вычищенные мѣдныя трубы сіяли при лунномъ свѣтѣ...

„Вотъ и музыка... Сейчасъ они намъ сыграютъ... Только что-бы такое заставить ихъ играть,“ задумался на мгновение корнетъ...

„Что же вы, братцы, намъ сыграете?“, обратился онъ къ трубачамъ.

„Такъ что ваше-сродіе „рысью“ можно, а то „походъ“...“

„Генераль маршъ“ тоже хорошо выходитъ“, добавилъ одинъ изъ солдатъ.

„А ну, валий по очереди“... Приложивъ мундштуки трубъ ко рту и продувъ ихъ нѣсколько разъ, трубачи переглянулись и разомъ начали Генераль-маршъ. Мелодичные звуки кавалерійскаго сигнала прозвучали въ воздухѣ, далеко разносясь по окрестностямъ.

„Всадники, други, въ походъ собирайтесь, радостный звукъ васъ ко славъ зоветъ“, — выпѣвали трубачи сигналъ, пробудившій у большинства присутствующихъ цѣлый рядъ воспоминаній о полковой жизни... Огневъ задумчиво склонилъ голову и, облокотившись на руку, даже сталъ всхлипывать.

„Играй всѣ сигналы по очереди“, крикнулъ Корнетъ, когда прозвучали послѣднія ноты сигнала.

Эхо въ горахъ повторяло эти звуки и, перекатываясь по долинамъ заставило всѣхъ обитателей пустыни прислушаться къ этимъ страннымъ для ихъ слуха звукамъ. Стаканы съ виномъ продолжали опорожняться, но уже послѣ полуночи

врядъ ли кто изъ присутствующихъ могъ бы съ точностью опредѣлить, что онъ пьетъ...

Часа въ два ночи вѣрный личарда Кирилова, вѣстовой, на всѣ-руки, таинственнымъ тономъ въ полголса доложилъ, что вино все вышло...

„Вотъ такъ штука — вино все господа“!!!

„Что же теперь дѣлать?, задумчиво произнесъ Кириловъ, обращаясь къ собесѣдникамъ.

„Такъ что дозвольте доложить — рижскаго бальзама еще бутылки три есть.“

„Бальзама?!.“

„Какой бальзамъ тамъ есть?“...

„Тащи этотъ бальзамъ“... Раздались восклицанія собесѣдниковъ. Огневъ тутъ же сталъ доказывать, что бальзамъ даже лучше всякаго вина.

„Особенно если — его развести водою,“ добавилъ онъ сосредоточенно смотря въ пространство“...

„Превосходный напитокъ,“ заплетающимся языкомъ поддержалъ его корнетъ Веселый.

Минуту спустя стаканы съ какою-то темною жидкостью стали опорожняться такъ же быстро, какъ раньше выпивались стаканы съ кахетинскимъ. Разсвѣтъ заставилъ наконецъ всѣхъ перекочевать въ квартиру Кириловыхъ, гдѣ на широкихъ тахтахъ, покрытыхъ коврами, улеглись всѣ въ повалку, и лишь одинъ корнетъ остался на ногахъ...

Въ грустной задумчивости, сидя на коврѣ и

размышляя о бренности всего земного, допивалъ онъ остатки изъ бутылки, стоявшей передъ нимъ..

IV.

Елена Владиміровна Дольская послѣ отъѣзда мужа осталась одна. День въ общемъ прошелъ незамѣтно. Мелочи несложнаго хозяйства поглотили время, не давъ возможности мыслямъ остановиться на волновавшемъ ее предметѣ, да и солнце свѣтило такъ ярко, день былъ такъ хорошъ, что невольно чувствовался какой-то подъемъ духа, и ни одна мрачная мысль не нарушала ея спокойнаго настроенія. Съ наступленіемъ же вечера все сразу измѣнилось. Яркій солнечный день разомъ потухъ и смѣнился мрачною ночью. Сѣрыя тѣни окутали землю, чернѣя въ ущельяхъ. Только огни лампъ, свѣтившихся въ казармѣ и офицерской квартирѣ, видѣлись издалека, прорѣзывая сумракъ своими мигающими лучами. Въ комнатахъ свѣтъ лампы наполнялъ всю столовую, гдѣ сидѣла Елена Владиміровна, заглядывая сквозь открытыя двери въ гостинную, отражался въ стеклѣ висѣвшаго на стѣнѣ портрета и скользилъ по темнымъ кошмамъ, разостланымъ на полу, оставляя въ полумракѣ тахту и нѣсколько стульевъ около стѣнъ. На столѣ въ столовой шумѣлъ и бурлилъ небольшой ярко вычищенный самоваръ. Облокотившись на столъ и держа передъ собою книгу, Елена Владиміровна

въ сущности не видѣла тѣхъ страницъ, которыя машинально перебрасывала рукою. Буквы мелькали передъ ея глазами, но сознание одиночества не давало ей покоя, въ силу чего книга, которую въ другое время она прочитала бы съ особеннымъ удовольствіемъ, теперь была совершенно неинтересна. Шумъ самовара раздражающимъ образомъ дѣйствовалъ на ея нервы. Ее охватывало гнетущее чувство тоски, которое постепенно увеличивалось. Порывисто вставъ съ мѣста и оттолкнувъ книгу, она направилась въ гостиную, думая, что полумракъ благотворно повліяетъ на ея нервную систему. Беспokoясь и волнуясь, она переживала тяжелыя минуты. Необычайность положенія, боязнь за благополучный его исходъ и полное одиночество окончательно угнетали ее.

Она уже давно почему-то рѣшила, что должна непременно умереть, и сегодня это предположеніе перешло въ окончательную увѣренность.

Умереть такой молодой, умереть, когда впереди еще была вся жизнь...

Ей сдѣлалось безконечно жаль жизни и себя.

Давно-ли она мечтала въ институтѣ о счастьѣ быть любимой и выйти замужъ за любимаго человѣка. Эта мечта исполнилась. Годъ замужества промелькнулъ, какъ чудный сонъ.

Какъ тяжело умирать, когда впереди еще столько счастья...

А она умретъ непременно...

И умретъ безъ него...

Гдѣ то онъ, ея милый, любимый?

Нѣтъ его... Нѣтъ никого около, кто бы успокоилъ и утѣшилъ ее. Ни души близкой... Она уже чувствовала, что страшная минута, которой она такъ боялась, наступитъ непременно сегодня. Сознаніе полной безпомощности окончательно подорвало всю ея энергію и силу воли. Она, которая всегда гордо говорила о своемъ характерѣ, теперь чувствовала себя маленькой дѣвочкой, нуждающейся въ помощи матери.

„Мамочка, дорогая, гдѣ ты?“ со стономъ вскрикнула она и, уже не будучи въ состояніи сдержать подступившихъ къ горлу слезъ, съ громкимъ рыданіемъ упала на тахту

Въ кухнѣ офицерской квартиры вѣстовой Ивченко уже давно прислушивался къ рыданіямъ и стонамъ, слышавшимся съвозъ двери. Онъ, видимо, сильно взволнованный, нѣсколько разъ выбѣгалъ въ казарму, гдѣ въ полголоса что-то сообщалъ людямъ, сидѣвшимъ тѣснымъ кружкомъ въ углу помещенія, и снова уходилъ къ себѣ въ кухню, тревожно прислушиваясь къ каждому звуку.

„Плохо барынѣ“, скороговоркою, таинственно говорилъ онъ высокому бородатому унтеръ-офицеру Бондаренко.

„Безпремѣнно сегодня будетъ“...

„А барина-то нѣтъ. Просто бѣда! Какъ бы не вышло чего худого“, съ тревогою въ голосѣ высказалъ онъ свои предположенія.

Необычайность событія волновала всѣхъ людей. Никто изъ нихъ не ложился спать, и всѣ сидѣли молча, какъ будто подавленные чѣмъ то необыкновеннымъ...

„Семень Ивановичъ, идите-же, нужно барынѣ помощь оказывать“, проговорилъ наконецъ Ивченко, торопливо вбѣгая въ казарму.

Какъ будто поднятый какой то постороннею силою, вскопчилъ унтеръ-офицеръ Бондаренко и быстро вышелъ слѣдомъ за Ивченко

Елена Владиміровна лежала на тахтѣ. Она уже перестала плакать, но тѣло ея конвульсивно вздрагивало отъ нервной лихорадки. Она чувствовала, что начинается такъ долго ожидаемое событіе, котораго она такъ боялась.

„Значить, скоро смерть“, только что рѣшила она, какъ чья то рука почтительно дотронулась до ея плеча, и она услышала голосъ вѣстового Ивченко, настойчиво ее звавшій.

„Что тебѣ, Ивченко?“ спросила она, поднимаясь.

Видъ человѣка разомъ подѣйствовалъ на ее ободряющимъ образомъ.

„Такъ что, дозвольте доложить, барыня, Семенъ Ивановичъ могутъ“...

„Могутъ?“...

„Что могутъ?“ не понимая ничего, переспросила Елена Владиміровна, окончательно приходя въ себя.

„Такъ что, они, значить, могутъ за мѣсто бабки, то есть повитухи, барыня“, наконецъ договорилъ Ивченко, съ тревогою взглядываясь въ лицо своей барыни и указывая рукою на кого-то, стоящаго сзади.

Елена Владиміровна оглянулась: у двери, почтительно смотря на нее и смущенно улыбаясь, стояла огромная, бородатая фигура унтеръ-офицера Бондаренко

На другой день конный джигитъ на рысяхъ ѣхалъ по направленію къ Дарвазскому перевалу, везя летучку, сообщавшую Дольскому о благополучномъ рожденіи наслѣдника.

Станичникъ.

1.

Цѣлый день погода хмурилась и солнце лишь на нѣсколько минутъ показывалось изъ-за тучъ, освѣщая своими золотистыми лучами горные склоны, поросшіе лѣсомъ, и небольшой рядъ домовъ станицы Забытой. Ряды горныхъ вершинъ, одна другой выше, окружали станицу, пріютившуюся въ котловинѣ. Десятка два домовъ, окруженныхъ заборами и частоколомъ, какъ будто пугливо жались къ горному обрыву. Самый низъ котловины былъ превращенъ въ широкій прудъ, вода котораго приводила въ движеніе крошечную мельницу, совершенно закрытую густою порослью. Вѣковой сосновый лѣсъ, оставляя открытымъ прудъ, тѣснымъ кольцомъ, охватывалъ со всѣхъ сторонъ станицу. Черезъ плотину, извиваясь по горному склону, проходила просѣка, устроенная для сообщенія съ остальнымъ міромъ и носившая названіе почтовой дороги. На концѣ станицы, ближе къ лѣсу, стоялъ домъ немного больше дру-

гихъ, въ которомъ помѣщались станичное управленіе и почтовая станція. Задняя сторона дома служила квартирою станичнаго атамана, исправлявшаго въ тоже время обязанности смотрителя почтовой станціи. На вершинѣ горы, какъ будто паря надъ всей станицею, пріютилась среди сосенъ вышка, съ постоянно торчащимъ на ней казакомъ.

Въ комнатѣ присутствія лишь портретъ Государя Императора на стѣнѣ и большой желѣзный сундукъ на полу указывали на официальный характеръ названнаго учрежденія; въ остальныхъ же вещахъ, разбросанныхъ по комнатѣ, не было ничего служебнаго. Если не считать атаманскаго знака, повѣшеннаго на кучѣ мѣховъ, да связки дѣль, какъ будто конфузливо выглядывавшей изъ подъ рыболовной сѣти. По стѣнамъ хомуты, сѣдла и оружіе, развѣшанное на колышкахъ, перемѣшивались съ мѣхами и предметами одѣянія.

Сбоку у стола, внимательно что-то пересматривая, пріютился самъ хозяинъ, урядникъ Большовъ. Потертый чекмень, неопредѣленнаго цвѣта, покрывала громадная бѣлая какъ снѣгъ борода, закрывшая всю грудь и часть плечъ стараго урядника.

Придвинувъ себѣ счеты и глядя костяшки на нихъ, старикъ въ то же время тщательно всматривался сквозь большія очки, въ серебряной оправѣ, въ длинную вѣдомость, лежавшую около

него. Очевидно работа была непривычная, такъ какъ порою онъ сердито хмурился, плевалъ въ сторону и, быстро смахнувъ костяшки, начиналъ счетъ сначала. Съ ранняго утра атаманъ былъ занятъ, подсчитывая итоги и приготавливая сборы къ отправленію въ казначейство. Наконецъ онъ облегченно вздохнулъ, порывистымъ движеніемъ захлопнулъ книгу и отодвинулъ счеты...

„Эхъ! потянулся онъ, хуже нѣтъ этихъ счетовъ и расчетовъ, только отъ нихъ голова болѣть начинаетъ“...

„Однако нужно и сумму приготовить. вспомнилъ онъ, принимаясь снова за работу. Сколько уже лѣтъ отправляешь эти деньги, а каждый разъ душа не на мѣстѣ, пока онѣ не попадутъ въ казначейство. Мѣста у насъ страсть на этотъ счетъ подаля. По всей степи глуше не сыщешь. Да и безлюдье кругомъ, отъ станціи до ближайшаго поселка безъ малаго тридцать верстъ и шалать по этому на дорогахъ. Правду сказать и не разберешь кто: бываетъ изъ киргизъ, а то можетъ кто и изъ своихъ. Конвой бы нужно, а гдѣ его взять, по станицѣ всѣ въ нарядѣ на службѣ, а льготныхъ кромѣ весеннихъ сборовъ, на арканѣ въ станцію не заманишь. Вотъ и посылаешь все того же одного Овчинникова... Надежный парень, что и говорить“...

— „Овчинниковъ!“ громко крикнулъ онъ начальническимъ голосомъ...

Рядомъ въ сѣняхъ что-то загремѣло, завозилось и черезъ-минуту въ широко распахнувшуюся дверь бокомъ, взошелъ, приземистый казакъ въ потертомъ зипунѣ. Урядникъ внимательно посмотрѣлъ на вошедшаго.

— „Звать изволили, Иванъ Матвѣевичъ?“

— „Ты, братъ, собирайся, повезешь сегодня съ почтой деньги въ городъ. Самому бы съѣздить слѣдовало, да не можется, въ раздумьи добавилъ онъ“.

— „Деньги не малыя, сотенъ съ пять будетъ, такъ ты держи ухо востро, потому недавно я отъ участковаго капитана слышалъ, что у насъ снова въ округѣ безпокойно стало“.

— „Не первый разъ ѣхать то приходится. авось и теперь Господь помилуетъ, тихимъ голосомъ отвѣтилъ Овчинниковъ.

— „Это ты хорошо, что Господа вспомнилъ, а ты и самъ держи линію, какъ слѣдуетъ. Береженаго и Богъ бережетъ. Потому въ прошлый годъ ямщика чуть на тотъ свѣтъ не отправили, а въ позапрошлый Андрея Хорошева и вовсе порѣшили... Надо и это помнить!“

— „Собирайся пока, а какъ почта придетъ, зайдешь за сумкою“.

II.

Въ небольшомъ домикѣ почти рядомъ съ почтою и управленіемъ жилъ Приказный Овчин-

никовъ, нѣсколько лѣтъ уже исправляя должность разсылнаго и конвойнаго при станичномъ управленіи. Цѣлая гурьба ребятишекъ возилась въ хатѣ, устраивая свои игры, не обращая почти вниманія на ворчливые оклики отца, который, пристроившись у окна, чистилъ револьверъ, порою добродушно поглядывая на возившихся дѣтей.

— „Ишь ты, какъ развозились, сладу съ вами нѣтъ: вотъ погоди я вамъ задамъ, грозилъ онъ, какъ будто сердясь... Бѣда да и только съ вами“. махнулъ онъ рукою и, какъ будто бы вспомнивъ что-то, глубоко задумался..

— Цѣлый рядъ лѣтъ возни съ дѣтьми послѣ смерти жены, частый недостатокъ самаго необходимаго, и когда только конецъ этому...

— „Эхъ свверны дѣла то, да авось, какъ ни на есть, а и этотъ годъ извернусь, дотяну до новинъ—не долго кажись осталось, вслухъ сказалъ онъ, осматривая разсѣяннымъ взглядомъ свое жилище.

Бѣдность проглядывала въ каждомъ предметѣ. Обвалившаяся штукатурка на стѣнахъ и покосившіяся окна дѣлали внутренность домика крайне неприглядной. Дѣти были одѣты въ рваныя рубашонки. На этихъ-то дырахъ остановились его глаза и, сокрушенно разсматривая всякіе изъяны, онъ въ раздумьи покачалъ головою и, тяжело вздохнувъ, началъ одѣваться.

„Какъ-нибудь выкручусь“, вслухъ повторилъ онъ, натягивая чекмень на плечи.

„Хоть бы сегодня, съѣзжу конвойнымъ до города, вотъ и есть два цѣлковыхъ, что за отвозъ полагается“...

Гдѣ-то недалеко послышался звонъ бубенцовъ, когда Овчинниковъ вышелъ изъ своего дома... Перейдя небольшой переулочъ, онъ завернулъ за уголъ и почти одновременно подошелъ къ станичному управленію вмѣстѣ съ подкатившею почтовою тройкою...

Ямщикъ, осадивъ лошадей, лѣнливо приподнял папаху и, посмотрѣвъ минуту на Овчинникова, сталъ медленно слѣзать съ козелъ. Сбоку откуда-то уже высыпали казачата, на дворахъ залаяли собаки, двери домовъ захлопали, вышуская любопытныхъ бабъ, высыпавшихъ на крылечки посмотреть на прибытіе почты. Самъ атаманъ, привлеченный шумомъ, выглянулъ изъ двери и, прикрикнувъ на толпившихся около лошадей, позвалъ ямщика.

— „Конвойнаго нѣтъ, значить денегъ не везешь, утвердительно сказалъ онъ въ полголоса“...

— „Ну да оно и лучше. Часокъ другой передохнешь, а тамъ и дальше въ дорогу, потому на нашихъ-то коняхъ участковый погналъ“, добавилъ атаманъ, затворяя двери.

Часовъ въ шесть вечера Овчинниковъ, одѣтый по дорожному, стоялъ снова въ управленіи. На немъ сверхъ форменнаго чекменя съ малиновыми выцвѣтшими погонами была надѣта шашка, а сбоку изъ кобуры выглядывала рукоятка револьвера. Онъ внимательно смотрѣлъ, какъ атаманъ, муся пальцы, медленно считалъ бумажки, откладывая ихъ пачками. Наконецъ счетъ былъ законченъ, деньги завернуты въ бумагу, обвязаны бичевкою и солидная ихъ пачка вручена Овчинникову. Осторожно вложилъ онъ эту пачку въ небольшую сумку и спряталъ ее за пазуху.

— „Такъ не зѣвай, снова подтвердилъ атаманъ, да не оброни часомъ денегъ-то“...

— „А вотъ бстати тутъ еще цара сотенныхъ будетъ; бралъ я у кума Федора Матвѣева, такъ ты ему этотъ должокъ и отдай“...

— „Небось его лабазъ знаешь, почитай около самой церкви Воскресенья“.

Овчинниковъ снова вынулъ сумку и, присоединивъ къ прежде вложеннымъ еще пачку, опять также тщательно спряталъ сумку.

— „Расписку вашу отъ него взять надо?“ задумчиво спросилъ онъ атамана...

— „Какую такую расписку, такъ онъ далъ на совѣсть, потому мы съ нимъ пріятели, ну и вѣрить по этому крѣпко“.

— „Ну одначе съ Богомъ, скатертью дорога.

Подтянувъ для вѣрности поясъ потуже, Овчинниковъ влѣзъ на телѣгу. Ямщикъ подобралъ вожжи и тройка крупною рысью тронулась по дорогѣ. Подпрыгивая на рытвинахъ и покачиваясь изъ стороны въ сторону, Овчинниковъ пристроился поудобнѣе на сидѣнн и, закуривъ трубку, сосредоточенно сталъ смотрѣть передъ собою. Дорога шла почти прямой линіей по просѣлкѣ, перерѣзывая овраги и поднимаясь на горы. Громадный сосновый лѣсъ чернѣлъ по сторонамъ. Вѣтвяныя деревья стояли сплошною стѣною у дороги. Погода къ вечеру начала хмуриться все больше и больше. Сѣрыя тучи низко неслись по небу, гонимыя порывистымъ вѣтромъ. Гдѣ-то далеко на горизонтѣ сверкали зигзагами молніи. Порою начиналъ накрапывать дождь, но тотчасъ же переставалъ. Вѣтеръ порывами уносилъ дождевыя капли внутрь лѣса, пронзительно завывая по верхушкамъ деревьевъ и съ трескомъ ломая сухіе сучья.

Лошади бѣжали ровною рысью и почти незамѣтно прошли добрую половину перегона. Ямщикъ-татаринъ, перебрасываясь изрѣдка односложными замѣчаніями съ Овчинниковымъ, покрикивалъ на лошадей, порою начиная выводить своимъ гортаннымъ голосомъ какую то безконечную пѣсню. Темнота дѣлалась все больше и больше. Внимательно всматриваясь въ темноту,

Овчинниковъ невольно задумался. Невеселыя мысли роями носились передъ нимъ.

„Плохо дѣло“, думалъ онъ, вспомнивъ свое разстроенное хозяйство.

„То есть хуже и нельзя, теперь получу за перегонъ взадъ и впередъ деньги, на нихъ пока обернусь. Да еще въ городѣ у Федора Матвѣева товару набрать въ долгъ можно. Муки да крупы, такъ до новинъ и дотяну. А все сдѣлала язва проклятая сибирская, кабы животы не пали, такъ все бы хорошо было. Подишь ты, такъ сразу и скосила всѣхъ. Ну и безъ бабы тоже плохо, все въ домѣ на убыль идетъ, глаза хозяйскаго нѣтъ“.

„И счастье кому ежели Богъ даетъ. У много куры деньжищъ не склюютъ, хоть лопатю гребн. Да вотъ, къ примѣру, у того-же нашего атамана станичнаго пропасть ихъ, и хозяйство тоже полная чаша. Кому только бережетъ, ни души нѣту родныхъ! А вѣрные люди сказывали, не одна тысяча у него въ сундукѣ положена. Да что люди, я и самъ не разъ видѣлъ, какъ енъ золотые-то перекладывалъ, а что бумажекъ, такъ страсть“...

„Хоть и теперь, отдай, говорить, долгъ Федору Матвѣеву, нѣшто не знаю, какой такой долгъ?“...

„Самъ слыхалъ, какъ енъ куму своему сказывалъ:

„Большой, говоритъ, Федоръ Матвѣевъ процентъ даетъ. лучше говоритъ, чтобъ деньги не залеживались, ихъ въ купецкій оборотъ пущать, больше тогда будетъ. Большими капиталами лабазникъ ворочаетъ“...

„Эхъ кабы мнѣ эти два сотенныхъ билета — богатѣемъ бы я сталъ по нашимъ мѣстамъ“, добавилъ онъ, хлопнувъ себя по груди...

Кабы только ихъ въ исправности довести. Лихого народа больно много развелось, а ужъ по большой дорогѣ безпремѣнно гдѣ-нибудь проѣзжихъ высиживаютъ... Богъ авось не выдастъ, не первый разъ..

Какъ бы въ подтвержденіе его предчувствія спереди въ лѣсу вспыхнулъ огонекъ и одновременно почти съ нимъ глухо прозвучалъ выстрѣлъ, гдѣ-то далеко повторенный эхомъ. Пуля съ жалобнымъ воемъ пронеслась надъ головою Овчинникова и съ трескомъ ударилась въ дерево.

Моментально выхвативъ револьверъ изъ кобуры, онъ взвелъ курокъ. Ямщикъ, дико вскрикнувъ на лошадей, поднялъ тройку вскачь. Нѣсколько выстрѣловъ изъ лѣса прогремѣли вслѣдъ. Телѣгу бросало изъ стороны въ сторону. Лошади, понукаемые ямщикомъ, летѣли какъ бѣшенныя. Бубенчики издавали какой-то гулъ, сливаясь съ трескомъ телѣги. Проскакавъ съ версту, ямщикъ вдругъ порывисто осадилъ лошадей.

— „Ты чего“, удивился Овчинниковъ, судорожно сжимавшій рукоятку револьвера и смотрѣвшій все время назадъ.

— „Кончалъ жить, бачка“, испуганнымъ голосомъ отвѣтилъ ямщикъ.

— „Смотри, бачка, впередъ“.

Взглянувъ на дорогу въ указанномъ направленіи, Овчинниковъ съ ужасомъ увидѣлъ что-то темное, лежавшее поперекъ дороги,

— „Заваль подлещы сдѣлали“, громко выругался онъ, значить пропадать придется“.

На минуту онъ остановился въ раздумьи, но вдругъ, принявъ какое-то опредѣленное рѣшеніе, онъ спрыгнулъ съ телѣги и, моментально выхвативъ шашку, отрубилъ построжки у правой пристяжной. Сбоку изъ лѣса слышался топотъ бѣгущихъ людей.

Вскочивъ на лошадь, Овчинниковъ тою же шашкою, плашмя ударилъ по ея крупу и испуганный конь, шарахнувшись сначала въ сторону, быстрымъ скачкомъ перемахнулъ черезъ препятствіе. Все время понукая его, шелъ Овчинниковъ по дорогѣ полнымъ карьеромъ и, лишь отойдя версты три, перевелъ въ шагъ, чтобы дать коню роздыхъ.

— „Вынесъ Богъ“, облегченно вздохнулъ онъ и хотѣлъ перекреститься, но острая боль въ правой рукѣ заставила казака застонать.

„Чтобы вамъ пусто было — никакъ подстрѣли-
ли? Такъ и есть, рѣшилъ онъ, ощупывая себя
и чувствуя что-то теплое, пропитавшее весь ру-
кавъ чекменя.

„Однако нужно и еще дальше уйти, неравно
гнать надумаютъ“.

И онъ пустилъ лошадь полною рысью.

Въ самую полночь добрался Овчинниковъ
до города и присталъ у знакомаго поселенца въ
слободкѣ. Цѣлую ночь проохалъ онъ, возясь съ
раненою рукою и обвязавъ ее наутиную съ пе-
ченымъ хлѣбомъ. Лишь только солнце взошло,
онъ снова былъ на ногахъ, направившись сна-
чала къ уѣздному начальнику, чтобы отпрапор-
товать о бывшемъ съ нимъ происшествіи, а за-
тѣмъ и въ казначейство. Возвращаясь назадъ,
Овчинниковъ уже едва передвигалъ ноги, рана
воспалилась и сильная лихорадка давала себя
знать.

„Только бы теперь къ Федору Матвѣеву зайти,
да деньги отдать, а тамъ и полежать можно“,
думалъ онъ, плетясь по грязнымъ улицамъ.

Но дома Федора Матвѣева не оказалось, онъ
уѣхалъ еще съ вечера въ степь и, какъ сказали
прибавщики, раньше мѣсяца назадъ не обернется...

Бой-какъ дойдя до знакомца, Овчинниковъ
вынулъ сумку съ деньгами, завернулъ ее въ
тряпицу и, тщательно осмотрѣвъ, нѣтъ ли гдѣ
посторонняго глаза, спряталъ ее подъ стрѣху

крыши. Но сдѣлавъ послѣднее, онъ едва доплел-
ся до избы и повалился на лавку. Силы его
оставили...

III.

Почти три недѣли провалялся Овчинниковъ
въ городской больницѣ. Рана оказалась серьезною
и, если бы не искусство и внимательный уходъ,
пришлось бы казаку проститься навсегда съ рукою.
Наконецъ, едва поправившись, запросился онъ
на выписку, его слишкомъ беспокоили мысли о
семействѣ, оставшемся на произволъ судьбы.
Когда онъ вышелъ изъ больницы, на сердцѣ у
него стало легче.

Усталый и измученный длиною дорогою,
онъ, едва переступая ногами, подошелъ къ око-
лицѣ родной станицы и облегченно вздохнулъ,
зоркимъ глазомъ замѣтивъ среди играющихъ
ребятъ на улицѣ своихъ мальцевъ. Медленно
взошелъ онъ въ станичное управленіе и остано-
вился на порогѣ, ожидая знакомаго облика атамана.
Въ комнатѣ толпился народъ. Но къ его удивленію
изъ другой комнаты показался вахмистръ Гаври-
ловъ, недавно пришедшій на льготу.

„Что скажешь, станичникъ“, начальниче-
скимъ голосомъ спросилъ онъ растерявшагося
Овчинникова.

— Приказный Овчинниковъ заявиться при-
шелъ, робко заговорилъ онъ, смущаясь обра-

щенными на него взглядами... Къ Ивану Матвѣвичу...

„Раненъ былъ? Молодецъ“.

Теперича совсѣмъ поправился, что ли, ласково спросилъ вахмистръ и, недожидаясь, добавилъ:

„Что же касательно до Ивана Матвѣвича, такъ они вотъ уже десятый день Богу душу отдали... и я же за нихъ атаманомъ сдѣланъ“.

— Царство ему небесное! машинально проговорилъ Овчинниковъ, перекрестясь на образа.

А какъ же на счетъ денегъ, тихо заговорилъ онъ немного погодя.

„Какихъ денегъ“, удивленно переспросилъ атаманъ“.

— Казенныхъ, что я возилъ... Казенныхъ!

„Вотъ оно дѣло-то какое, а мы думали, что ты проходящую почту отвозилъ, потому при повѣркѣ всѣ деньги на лицо оказываются. Значитъ въ расходъ не записалъ ихъ покойникъ по книгѣ, да и свои деньги вмѣстѣ съ казенными держалъ. Вотъ поэтому недостачи видно и не было“.

„Больно много онъ денегъ-то оставилъ своихъ“, бойко заговорилъ вошедшій писарь подходя къ столу.

Медленно развязавъ поясъ, Овчинниковъ вынулъ изъ-за пазухи сумку и, повозившись съ нею, досталъ казначейскую квитанцію, которую подалъ атаману.

„Да вотъ еще двѣсти рублей“, вынулъ онъ пачку денегъ и положилъ ихъ на столъ.

„Ну и деньжищъ“ заговорили казаки, поглядывая на пачки, которыя началъ пересчитывать атаманъ. „Вѣрно въ акуратѣ двѣсти.“

Какія такия это деньги-то? спросилъ атаманъ, что-то вспомнивъ.

„Такъ что покойный атаманъ приказывали Федору Матвѣеву его должокъ отдать, да только я ихъ не засталъ. надолго въ степь уѣхали, такъ я деньги-то назадъ привезъ“.

Всѣ невольно переглянулись.

„Вотъ это, братцы, по совѣсти“, сказалъ наконецъ сѣдобородый казакъ послѣ долгаго молчанія, обращаясь къ обкружающимъ.

„Ну и вовсе дуракъ!“ отрѣзалъ писарь, принимаясь строчить какую-то бумагу.

Такъ бы и отлепоровалъ: отобрали разбойники, потому вѣдь ямщика въ тотъ часъ порѣшили, значитъ свидѣтеля нѣтъ и концы въ воду, а ему бы, дураку, богатство“, кивнулъ онъ головой на Овчинникова.

„Отобрали душегубы!“ переспросилъ тотъ удивленно.

„Деньги-то вѣдь казенныя“.

— Ну казенныя куда ни шло, сдай, а эти-то двѣсти рублей все равно получаютъ некому, послѣ Ивана Матвѣвича родни-то не осталось.

— Свидѣтелей, какъ давалъ покойникъ ему деньги, не было. Вотъ бы и положилъ ихъ въ карманъ, какъ узналъ, что атаманъ умеръ, да никому бы въ томъ не признавался.

И никто бы про то не зналъ.

„А Онъ-то, тоже бы не зналъ“... тихо отвѣтилъ Овчинниковъ, указывая на образъ Спасителя.

„Мнѣ чужого не надобно. Дозвольте получить, что заслужилъ, кажись два рубля съ двугривеннымъ за оба конца съ почтою“, добавилъ онъ послѣ минутнаго молчанія.

Писарь конфузливо уткнулся въ бумагу....

Черезъ три мѣсяца на станичномъ сходѣ самъ атаманъ отдѣла навѣсилъ Овчинникову Высочайше пожалованный ему за подвигъ мужества орденъ Святой Анны и вручилъ сто рублей денегъ въ награду.

В Ъ Г Л У Ш И.

(Изъ сибирской жизни).

I.

Изъ многолюдной и шумной столицы судьба забросила Ротмистра Юрѣва въ глухой уголокъ Сибири. Медленно и убійственно-однообразно тянулось время на пограничномъ посту, который занимала его сотня. Ученія, охота, да изрѣдка чтеніе запоздавшихъ газетъ, вотъ все, что наполняло жизнь. Но служба шла своимъ заведеннымъ порядкомъ: такъ же прибывали новобранцы и такъ же, какъ и во всѣхъ частяхъ, шли постоянныя занятія, во время которыхъ только и не чувствовалось, что живешь [не въ городѣ. Хорошій все народъ попадалъ въ сотню; видные и расторопные сибиряки быстро завоевали любовь Юрѣва, а когда пришлось ему видѣть ихъ беззавѣтную удалъ во время опасныхъ охотъ на крупнаго звѣря, сердце, какъ говорится, приросло къ нимъ окончательно. Было между ними нѣ-

сколько ненадежныхъ, но они тонули въ общей массѣ хорошаго состава. Люди также къ нему привыкли, и онъ прожилъ среди нихъ, почти незамѣтно, три года.

Какъ то разъ, возвратившись съ охоты, усталый, собирался онъ уже лечь на боковую, какъ денщикъ доложилъ о приходѣ вахмистра. Вахмистръ Колесниковъ служилъ уже второй десятокъ лѣтъ на сверхсрочной службѣ, выдавъ на своемъ вѣку всякіе виды. Взойдя въ комнату и безшумно затворивъ за собой дверь, онъ остановился передъ своимъ командиромъ.

— „Ну что скажешь“? — недовольно морщась, спросилъ Юрьевъ, еще съ утра отдавшій всѣ приказанія.

— Дозвольте доложить ваше высоко-діе, въ сотнѣ неблагополучно: Сизова да Щучина нигдѣ не оказывается; приказалъ уже вездѣ искать и разъѣзды выслалъ: а только всѣ вернулись, докладываютъ нигдѣ нѣтъ.

„Ну, и ничего не снесли съ собою“?

— Винтовки ваше высоко-діе, и патроновъ тоже сотни двѣ.

„Экая досада! Какъ же ты не смотрѣлъ за ними“, — съ укоромъ обратился Юрьевъ къ вахмистру, считая его, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, чуть не главнымъ виновникомъ происшедшаго.

— Дозвольте доложить вашему высоко-дію Сизовъ ефрейторъ былъ, а Щучинъ ни въ чемъ не попадался, а между прочимъ большой соблазнъ отъ этихъ самыхъ присковъ на Желтухѣ пошелъ: предположительно што и они туда же ударились“.

Ротмистръ задумался. Это былъ первый случай побѣга изъ сотни за время его командованія... Невольно вспоминались ему рассказы, слышанные недавно про эти вольные приски, куда тянулся всякій народъ со всей Сибири, стремясь къ легкому и быстрому обогащенію, въ силу чего предположеніе вахмистра имѣло основаніе.

„Во всякомъ случаѣ, нужно подождать доносить объ этомъ. можетъ быть еще и явятся, а ты прикажи за ненадежными хорошенько смотреть, чтобы этого больше не было“.

Отпустивъ вахмистра, Юрьевъ долго ходилъ изъ угла въ уголь по комнатѣ, волнуясь и досадуя на происшедшее. Наконецъ усталость взяла свое, и, погасивши огонь, онъ легъ въ постель.

II.

Прошло съ полгода. Прогремѣвшая въ это время Желтуха успокоилась. Весь сбродъ, находившійся на ней и хищнически добывавшій золото за китайской границей, былъ разогнанъ китайскими войсками и разсыпался по необъятнымъ

сибирскимъ тайгамъ. Большинство изъ нихъ стало продолжать свой вольный промыселъ, гдѣ добычей золота, а гдѣ и грабежомъ по большимъ дорогамъ.

Начиналась долгая сибирская зима; снѣгъ валилъ не переставая. Рѣзкій вѣтеръ, дико завывая по лѣсу, крутилъ снѣжныя хлопья. Цѣлые сугробы лежали около казармы, заграждая собою путь на большую дорогу. Среди казарменнаго двора виднѣлась рогожная кибитка, запряженная тройкой крѣпкихъ лошадей, позвякивавшихъ бубенцами. Забутанный въ тулупъ и уже занесенный весь снѣгомъ, сидѣлъ на облучкѣ ямщикъ, перекидываясь отрывочными фразами съ одѣтымъ также по-дорожному вѣстовымъ командира.

Въ медвѣжьей папахѣ и дохѣ показался на крыльцѣ Ротмистръ Юрьевъ, отдавая послѣднія инструкціи остающемуся за него Поручику Толстову.

„Ну, до свиданья, Николай Николаевичъ: если успѣю, дней черезъ пять вернусь!“

Эхъ, кабы не предписаніе, ни за что бы я не поѣхалъ въ штабъ!“ и, пожавъ протянутую руку, Юрьевъ сталъ усаживаться поудобнѣе въ кибиткѣ.

Вахмистръ, между тѣмъ, поправляя вещи, осматривалъ одновременно и лошадей, и деньщика, напутствуя послѣдняго цѣлымъ рядомъ совѣтовъ. Наконецъ, все оказалось уложеннымъ и продрогшіе кони, подхвативъ съ мѣста, вынесли кибитку

за ворота. Юрьевъ, смотря по сторонамъ и недовольно морщась, ругалъ въ душѣ всѣхъ за эту неожиданную поѣздку. Штабъ отряда отъ мѣста расположенія сотни отстоялъ верстахъ въ ста сличшимъ. Выбираясь изъ сугроба на сугробъ, тройка съ трудомъ подвигалась въ глубокомъ снѣгу, пока не добралась до трактовой дороги.

Подпрыгивая на ухабахъ, кибитка мягко скользила по утоптанному снѣгу, и свѣжіе кони совершенно незамѣтно прошли тридцати-верстный перегонъ до перваго поселка, гдѣ Юрьевъ рассчитывалъ простоять не болѣе часа и двинуться далѣе: но, встрѣтивъ на постояломъ дворѣ знакомаго доктора, совершавшаго свой урочный объѣздъ, онъ заговорился и незамѣтно просидѣлъ за самоваромъ до сумерокъ. Собесѣдники, не видавшіеся больше года, проговорили бы, вѣроятно, до глубокой полночи, если бы принесшій новую свѣчку хозяинъ этимъ самымъ не напомнилъ, что время уже позднее. Юрьевъ заторопился и, не слушая хозяина, совѣтовавшаго заночевать такъ какъ на дорогѣ стали пошалить, — сердечно простившись съ знакомымъ, двинулся далѣе.

Позвякивая бубенчиками, дробно бѣжала тройка, изрѣдка понукаемая покрикиваніями ямщика. Вѣстовой, закутавшись въ бурку, дремалъ, сидя рядомъ съ ямщикомъ на облучкѣ. Дорога шла просѣлкой по густому сосновому лѣсу. Ночь была сѣрая, снѣгъ продолжалъ падать большими

хлопьями. Кибитка быстро катилась, постукивая однообразно и мѣрно концами полозьевъ объ уступы, выбитые въ дорогѣ копытами возовыхъ лошадей. Дорога узенькой снѣговой лентой бѣжала въ даль; колокольцы и бубенчики будили оцѣпенѣвшую окрестность то сильнымъ, отчетливымъ звономъ, — когда лошади бѣжали рысью, то какимъ-то безпорядочнымъ гуломъ, — когда они пускались вскачь. Но временамъ этотъ звонъ и гулъ смѣшивались съ визгомъ полозьевъ, вѣзавшихся въ снѣгъ, нанесенный на дорогу вѣтромъ; иногда впереди и вокругъ кибитки поднималось и вѣсколькѣ мгновений стояло въ воздухѣ облако снѣжной пыли, застилающая собою окрестности. Горы, поляны и овраги — все, какъ будто, сравнялось, все казалось одинаковымъ подъ бѣлою пеленою снѣга. Громадныя вѣковые сосны и ели, одѣтыя пушистымъ инеемъ, плавно качались, поскрипывая своими стволами.

Глядя на мелькавшія деревни и чувствуя, что морозъ забирается подъ доху, Юрьевъ невольно началъ думать о теплой комнатѣ, проклиная свою поѣздку и считая себя чуть не самымъ несчастнымъ человѣкомъ въ цѣломъ мірѣ. Совсѣмъ независимо отъ него, нахлуныли воспоминанія... Старый домъ на берегу рѣки, окруженный высокими и стройными тополями подъ южнымъ небомъ Украйны; веселая беззаботная юность; служба, товарищи...

Совершенно незамѣтно Юрьевъ замечтался. Сосны стояли вокругъ дороги сплошной стѣной, покачивая своими верхушками, и, подъ влияніемъ ихъ разнообразнаго шума, мѣрнаго позвякиванья колокольчиковъ и поскрипыванія полозьевъ кибитки, онъ задремалъ и въ своихъ грезахъ перенесся къ милому, но давно прошедшему времени дѣтства.

III.

Въ вѣсколькихъ верстахъ отъ большой дороги, среди глухой и непроходимой чащи, на небольшой полянѣ, расчленилась партія изъ вѣсколькихъ человекъ, одѣтыхъ въ самую разнообразную одежду. Подъ развѣсистымъ деревомъ былъ разложенъ небольшой огонекъ, надъ которымъ кипѣлъ котелъ съ какимъ-то варевомъ. Въ сторонѣ, запряженная въ широкую кошеву, стояла тройка крѣпкихъ коней, медленно пережевывавшихъ солому, брошенную на снѣгъ. На кошевѣ лежало разнокалиберное оружіе, среди которыхъ невольно бросались въ глаза двѣ кавалерійскія берданки. Опытный глазъ бывалаго сибиряка сразу опредѣлилъ бы, что это были варнаки, шедшіе съ вольныхъ принсковъ: — все народъ такой, отъ котораго подальше нужно скорѣе убраться, потому что неровень часъ...

Партія шла изъ Желтухи, пробираясь вглубь глухой тайги. Уже вѣсколькѣ недѣль шли они, скры-

ваясь въ лѣсахъ, но все время держась большой дороги. Усталыя измученныя лица были мрачны.

Возлѣ самаго костра, привалившись почти вплотную къ огню, лежалъ приземистый, широкоплечій бородачъ, ведя тихій разговоръ съ сидѣвшимъ противъ него собесѣдникомъ, въ которомъ по его лицу и разговору безошибочно можно было узнать солдата. Покуривая коротенькую трубку-носогрѣйку и порою сердито сплевывая, онъ внимательно слушалъ.

„Такъ, сказываешь, что лучше всего къ Турханску податься.“ спросилъ онъ послѣ долгаго молчанія.

— Тебѣ лучше знать, а только я. къ при- мѣру сказать, спервоначала думалъ въ свои мѣста заглянуть.

„Въ свои мѣста?“ — переспросилъ бородачъ и засмѣялся.

„И дурья у тебѣ голова, паря, какъ я погляжу, — покачалъ онъ головою:

„Въ свои мѣста, да въ своихъ мѣстахъ живо староста или становой сичасъ господину кавалеру ручки за спину, да и пожалуйте въ острогъ на казенные хлѣба. Коли ежели ужъ по нашей дорожкѣ пошелъ, такъ забудь начисто, гдѣ твои мѣста на свѣтѣ есть, потому твое мѣсто перво на перво. либо въ темномъ лѣсу, либо въ острогѣ, за стѣною каменной. И я, спервоначалу, куда

какъ по своимъ тосковалъ, а потомъ ничего, приобыкъ.“

Солдатъ задумчиво всматривался въ огонь, о чемъ-то размышляя:

— Хорошо тебѣ, дядя, говорить: ты самъ одинъ, какъ персть, а у меня старики живы. Эхъ, кабы не попритчилось, такъ не сидѣлъ бы я съ тобою!

И солдатъ, съ минуту помолчавъ, началъ говорить медленно, какъ будто вспоминая:

„Это, какъ мнѣ въ солдаты идти. при- мѣрно за полгода, прохожу и около кабака, смотрю. анъ дѣвка — Варькой звать — цѣловальника дочь, около двери стоитъ. Давно я ее знавалъ съиз- мальства: а только года съ два она у тетки жила, и забылъ я про нее. А тутъ смотрю это. — краса- та, одно слово сказать, писаная, глаза черные, сама высокая, да видная... И она, смотрю, тоже глядитъ на меня, да посмѣивается. Ну, зачастилъ я, братецъ ты мой, въ ту пору въ кабакъ ходить. Въ жисть не бывалъ, а тутъ возьмешь косушку, ну и сидишь, да на дѣвку глядишь. И она, значить, тожо ласково посматривать стала. Только однова остались мы вдвоемъ, — народъ то весь повышелъ наружу; я подошелъ въ ней поближе, да и сказываю: очень вы, Варвара Ивановна, мнѣ по сердцу пришлись; ну, и она тоже ничего: говорить, что и я, молъ, ей не противенъ. А тутъ, шастъ самъ цѣловальникъ, Иванъ Петровъ: какъ взошелъ, да глянулъ, на меня прямо, худо-

го слова не говоря, хватъ за воротъ и вытолкалъ за дверь:

„Моя, гритъ, Варька не для такихъ голышей, какъ ты!“

И такъ обидно мнѣ стало, что и сказать нельзя. Съ той поры я ее съ мѣсяць не видалъ. Только передъ самой Пасхой сестренка моя мнѣ рассказываетъ: а про тебя, Митрій. Варька спрашивала, да наказывала, что-бы ты о Святой на гулянки приходилъ...

И съ этой самой Святой полюбились мы съ Варей. А тутъ мнѣ въ солдаты идти пришлось, и заклалась мнѣ Варя, что обромѣ меня ни за кого замужъ не пойдетъ. На счетъ отца хотя мекалъ, что онъ супротивъ будетъ ну, да потомъ, думаю, заслужу на службѣ, такъ онъ и обойдется. И хорошо, братецъ ты мой, моя служба пошла: полтора года отслужилъ, — въ ефрейторы произвели, и быть бы мнѣ ундеромъ, да тутъ-то и неприятчилось. Подъ самый новый годъ приходитъ вахмистръ отъ командира: тебѣ, гритъ, письмо, Сизовъ, получай. Взялъ я это письмо, зашелъ въ уголокъ, да и сталъ смотрѣть. Раскрылъ, — вижу отъ Варюхи — не отъ самой, а, значить, съ ея словъ писано; — пишетъ, што отецъ согласіе даетъ. — Какъ вычиталъ я это, — сейчасъ къ сотенному. Спасибо — хорошій командиръ, спросилъ, какъ и что, да и рассказываетъ: можешь идти на мѣсяць. — Пришелъ я домой, а самъ

не чую ногъ подъ собою: только все шелъ, да думалъ, што это обозначилось такое; ну, увидалъ я Варюху, а она мнѣ все и выложила: — такъ и такъ, прослышалъ Иванъ Петровъ про вольные прінски на Желтухѣ и норовить туды съ водкой ѣхать, потому, сказываютъ, большіе капиталы тамъ съ умомъ сдѣлать можно, а только безъ вѣрнаго подручнаго неспособно ѣхать. Ненарокомъ про меня тутъ Варюха и вспомнила. Тотъ-то и рассказываетъ смѣшномъ: коли онъ такой молодець, пускай со службы ходу дастъ: я тогда бы его съ собою взялъ, а опосля бы и повѣнчалъ. И зашло ефто ей въ голову: бѣги да бѣги. Поженемся, такъ тятинька самый, что ни на есть, правильный пачпортъ достанетъ; схоронемся въ поселкѣ какомъ и заживемъ себѣ на радость.

— Ну, я все отъ этого и такъ и сякъ, а только съ некорткимъ пристала дѣвка; какъ ни отговаривался, — рассказываетъ: не любишь, ежели не хочешь въ бѣги удариться.

Поговорилъ я съ Иваномъ Петровымъ, и тотъ меня обнадежилъ: все, говоритъ, вѣрно, какъ дочка рассказывала, и еще, говоритъ, деньгами награжу васъ по гробъ жизни.

Вернулся я въ сотню. Какъ ни думалъ — оченно тяжело было: совѣсть одолевала; а только подговорилъ я снова, Щучина, да вмѣстѣ съ нимъ и ударились, потому тоска совѣмъ ужъ заѣла... Только не было счастья мнѣ: въ Желтухѣ

насъ сократили, мы и подались въ придорожную гвардію.

— Ну, а Варька то што?—съ любопытствомъ спросилъ собесѣдникъ.

„Варька?— что Варька: замужъ отецъ отдалъ за писаря принсковаго... Сказывалъ мнѣ человѣкъ изъ нашихъ мѣстъ, хорошо живутъ.“

И солдатъ нахмурился, сердито заныхтя потухшей трубкой.

„А все черезъ нее, подлюю.“—съ озлобленіемъ снова заговорилъ онъ:

„Присягу забылъ, почитай—не человѣкомъ сталъ...“

„Эхъ, жисть ты наша безталанная!“

Бородачъ сочувственно вздохнулъ и, подвинувшись ближе къ огню, сталъ бросать въ него комья бѣлаго снѣга. Дрова зашипѣли, какъ бы сердясь; бѣдкій дымъ повалилъ клубами и, минутою спустя, разошелся въ воздухѣ. Огонь погасъ, и темныя фигуры совершенно слились съ сѣрымъ фономъ ночи. Снѣжная пыль, гонимая вѣтромъ, шурша скользя по обледенѣлому снѣгу, да изрѣдка морозъ трещалъ по деревьямъ.

„Ну ребятушки“,—произнесъ вставшій бородачъ,—„время къ полуночи: пора и къ дорогѣ поближе“.

Бродяги зашевелились. Подойдя къ кошевѣ, они стали разбирать оружіе.

Одинъ за другимъ, будто волчья стая, двинулись хищники по направленію большой дороги, бородачъ, видимо, ими предводительствовалъ, въ полголоса дѣлая указанія. Медленно, увязая въ глубокомъ снѣгу, двигалась партія, прислушиваясь къ словамъ своего вожака.

— Такъ, значить, кошеву спрятать нужно?—переспросилъ, ведшій лошадей въ поводу, высокій мужикъ въ тулунѣ.

— Вѣстимо, пока нужно спрятать, а послѣ на дорогу поставимъ: коли ихъ коней не подстрѣлимъ, такъ въ погоню пускать нужно будетъ. Вотъ, Федька ловко палитъ—такъ ты и трафь по конямъ. Лучше бы, значить, въ корневика угодить: тогда безпремѣнно наши будутъ...

Ну, тучочка стой съ кошевой, а человѣка два на ту сторону дороги залягъ,—добавилъ онъ, присаживаясь на упавшее дерево.

— Какъ разъ во-время, минутою спустя сообщилъ онъ, прислушиваясь.

Гдѣ-то далеко-далеко послышался слабый, но ясный звукъ колокольчика..

IV.

Тройка продолжала бѣжать небольшою рысью, хотя уже не такой быстрой, какъ вначалѣ. Лошади стали утомляться. Закутавшись въ доху и согнувшись, сладко всхрапывалъ Ротмистръ, видя сны, одинъ другого лучше. Вѣстовой, сидя на

облучкѣ, клевалъ носомъ, умудрившись заснуть сномъ праведника въ самомъ неудобномъ положеніи. Лишь одинъ ямщикъ, борясь съ дремотою, изрѣдка понукалъ лошадей, стряхивая съ себя своимъ крикомъ одолѣвавшій сонъ. Лѣсъ по сторонамъ дѣлался все гуще и непривѣтливѣе. Небо очистилось отъ тучъ и полный мѣсяць, окруженный мириадами звѣздъ, мягко освѣщала окрестности, блестя своими лучами по бѣлой снѣговой пеленѣ. Вѣтеръ почти стихъ и лишь изрѣдка, вырвавшись, какъ будто, изъ середины лѣса; подхватывалъ снѣговую пыль и долго кружилъ ее въ морозномъ воздухѣ.

Юрьеву было хорошо: ему снилось, что надъ нимъ раздается мелодичный звонъ тысячи колокольчиковъ, смѣшивавшійся съ тихими аккордами чудной музыки. Яркое освѣщенный мягкимъ свѣтомъ электрическихъ лампочекъ, разстилался передъ нимъ громадный залъ Большого театра. Знакомыя лица мелькали въ разныхъ мѣстахъ. Блестящіе мундиры перемѣшивались съ изящными дамскими туалетами; темные костюмы штатскихъ скромно вырисовывались между ними. Весело перебрасываясь фразами, шумѣлъ людской муравейникъ.

— А вотъ, пронавшій—услышалъ Юрьевъ чей-то знакомый голосъ:

— Чей это голосъ?

— Да, это Кернъ, однополчанинъ,—вспоминаетъ онъ, поворачиваясь назадъ...

Но сзади никого не видно...

Что за странность? Театръ куда-то исчезаетъ... Кто-то положилъ ему руку на плечо... Толчокъ... Сильнѣе... Юрьевъ медленно отбрылъ глаза, но вмѣсто товарища на него смотритъ, теребя его за плечо, вѣстовой:

— Ваше высокородіе!

А Ваше... Извольте проснуться: што-то въ лѣсу не ладно,—добавилъ онъ сильно встревоженнымъ голосомъ, замѣтивъ, что командиръ уже проснулся.

Юрьевъ быстро приподнялся на сидѣньи и выглянулъ изъ кибитки, соображая, что можетъ быть въ лѣсу не ладнаго. Тройка подвигалась медленно, шагомъ; лошади какъ будто настожились; было свѣтло, какъ днемъ; впереди въ полуверстѣ, среди дороги виднѣлось кабое-то темное пятно.

— Въ чемъ дѣло? совершенно уже придя въ себя, спросилъ онъ ямщика.

— Извольте взглянуть, ваше выдіе, что впереди: это безпремѣнно среди дороги сани поставили, чтобы дорогу занять; самая, что ни на есть, разбойничья повадка.

Туточка,—ткнулъ онъ въ сторону лѣса,—на опушкѣ безпремѣнно засѣли...

До почтового двора не попадемъ, а назадъ верстъ съ двадцать будетъ. Какъ бы грѣха не вышло, — съ дрожью въ голосѣ добавилъ онъ.

Ротмистръ быстро сталъ вынимать револьверъ изъ кобуры, висѣвшей на поясѣ, соображая въ то же время, что предпринять.

— Назадъ вернуться — нагонять: кони устали. Остается попытаться пробиться впередъ: до почтового поселка всетаки гораздо ближе.

Эхъ, чтобы чортъ побралъ эту поѣздку! — выругался онъ въ полголоса.

— Иди маленькой рысью, — приказалъ онъ ямщику, а какъ подъѣдемъ сажень на пятьдесятъ, — пускай во весь духъ; да держись правой стороны: авось, обскачемъ по снѣгу... Темное пятно все ближе и ближе... Вотъ уже ясно видна тройка лошадей, запряженныхъ въ широкую кошеву...

— Пускай, сдавленнымъ голосомъ шепнулъ Ротмистръ...

Дико взвизгнувъ какимъ-то пронзительно-отчаяннымъ голосомъ, ямщикъ ударилъ по лошадамъ, и тройка, какъ будто чувствуя опасность, ринулась впередъ, взметая цѣлыя облака снѣга.. Вотъ и кошева... Сжимая рукою револьверъ, всматривался Юрьевъ въ лѣсную опушку. Въ кошевѣ виднѣлись какіе-то люди. Ловко подскочивъ почти вплотную, ямщикъ быстро повернулъ

въ правую сторону, и кони, на минуту увязнувъ въ рыхломъ снѣгу, стрѣлою выскочили снова на дорогу.

„Слава Богу“, — только успѣлъ подумать каждый, какъ съ лѣвой стороны изъ чащи блеснулъ огонекъ и громкій выстрѣлъ съ грохотомъ прокатился по лѣсу. Лѣвая пристяжная одновременно съ этимъ сдѣлала громадный прыжокъ, но тотчасъ же оправившись, пошла тѣмъ же ходомъ. Сзади раздавалось еще нѣсколько выстрѣловъ и пули съ воемъ пронеслись надъ кибиткою. Тройка мчалась съ быстротою вѣтра. Приподнявшись изъ-за кузова, Юрьевъ взглянулъ назадъ: нѣсколько человекъ садилось въ кошеву.

— „Не выдай соколки!“ безостановочно выкрикивалъ ямщикъ, понукая лошадей.

— Ваше высоко-діе плохо дѣло! — вдругъ съ ужасомъ крикнулъ онъ:

Пристяжная-то падаетъ!

Ротмистръ вздрогнулъ.

— Эхъ, видно пропадать придется: упадетъ — вся тройка станетъ, да на парѣ не уѣдешь; — у нихъ кони свѣжіе...

Лѣвая пристяжная, видимо раненая, выбивалась изъ силъ... До станціи еще было верстъ десять. Остановившимся взглядомъ смотрѣлъ вѣстовой назадъ, тихо шепча что-то губами... Кошева виднѣлась саженьхъ въ ста сзади. Впереди мелькнуло около самой дороги что-то темное...

— Хоть бы до этой избы добраться что то соображая сказалъ ямщикъ.

Тамъ отсидимся...

И, взмахнувъ кнутомъ, онъ бѣшено сталъ хлестать лошадей. Юрьевъ еще разъ оглянулся назадъ, но въ тотъ же моментъ чуть не упалъ на вѣстового. Пристяжная, сдѣлавъ послѣднее усиліе, грузно, со всѣхъ ногъ, упала на дорогу и, проволочивъ нѣсколько шаговъ эту лишнюю тяжесть лошади стали, почти у самой избы.

Быстро выпрыгнувъ изъ саней, злополучные путники кинулись къ дверямъ. Минуту спустя, едва переводя духъ, общими усиліями они заглядывали бревномъ тяжелыя двери, хоть на время чувствуя себя въ нѣкоторой безопасности. Изба, поставленная по сибирски, изъ бревенъ, съ толстымъ накатникомъ вмѣсто потолка и узкимъ крохотнымъ оконцемъ, представляла изъ себя довольно сносное укрѣпленіе.

Оглядѣвшись, Юрьевъ осторожно подошелъ къ оконцу: глухо позвякивая бубенцами, стояли ихъ лошади; немного сзади видѣлась кошева съ тремя человѣками. Варнаки, видимо, совѣщались... По одному слѣзли они съ саней, и осторожно направляясь къ избѣ скрылись за угломъ...

У.

Юрьевъ быстро осмотрѣлся: толстыя бревна избы и накатникъ на потологъ были довольно

надежнымъ закрытіемъ и единственнымъ слабымъ пунктомъ оказалась входная дверь. Ямщикъ, присѣвъ въ уголкѣ на лавкѣ, сокрушенно вздыхалъ, бормоча что-то себѣ подъ носъ. Вѣстовой облокотившись на подоконникъ, внимательно прислушивался къ шуму шаговъ, слышавшихся за избою. На лицѣ его незамѣтно было никакого страха: видимо, онъ, освоившись съ положеніемъ совершенно успокоился; Ротмистръ, взвѣсивъ быстро всѣ обстоятельства, нашелъ, что дѣло обстоитъ не совсѣмъ хорошо.

— Ты, Ивановъ, посматривай въ окошко, а я буду около двери! тихо приказалъ онъ, соображая, какимъ бы образомъ выпутаться изъ бѣды.

Выпутаться нужно, во что бы то ни стало, до прибытія къ нападающимъ подкрѣпленія...

Но ждать пришлось недолго. Видимо убѣдившись въ полной невозможности пробраться сзади внутрь избы, варнаки сбоку подошли къ двери, таща большое бревно, которымъ думали дѣйствовать, какъ тараномъ. Пробивавшійся отсюда-то свѣтъ заставилъ Юрьева взглянуть вправо отъ двери. Мягкій свѣтъ луны ярко свѣтилъ сквозь щель между бревенъ, давая возможность видѣть, что дѣлается на дворѣ. Держа револьверъ на изготовкѣ, онъ нагнулся къ щели, но чья то темная фигура въ этотъ моментъ заслонила свѣтъ. Рѣшивъ воспользоваться удобнымъ случаемъ, Юрьевъ осторожно просунулъ стволъ

револьвера между бревенъ и спустилъ курокъ.. Глухой звукъ выстрѣла показался ему едва слышнымъ: ѣдкій пороховой дымъ наполнилъ все небольшое помѣщеніе, а громкій крикъ, раздавшійся снаружи, далъ знать, что выстрѣлъ былъ удаченъ...

— Ваше Высокородіе, къ санямъ пошли, зашептавъ скороговоркой вѣстовой.

Ротмистръ взглянулъ по указанному направленію, гдѣ къ дорогѣ медленно шли двое варнаковъ, видимо рѣшившись ожидать помощи. Подойдя къ яскимъ лошадямъ, стоявшимъ понуро невдалекѣ отъ избы, они внимательно стали осматривать сани. Яркій свѣтъ мѣсяца давалъ возможность видѣть ихъ лица. Вглядѣвшись попристальнѣе, Юрьевъ замѣтилъ въ этихъ лицахъ что-то знакомое. Онъ сталъ вспоминать.

— Кто же это можетъ быть? досадливо морщился онъ, папргая всѣми силами свою память.

Гдѣ же я ихъ видѣлъ?

Между тѣмъ, одинъ изъ варнаковъ, обшаривъ сани и не найдя въ нихъ ничего подходящаго, снова взялся за ружье, которое было приставилъ къ санямъ. Яркимъ блескомъ отразился лунный свѣтъ на гладкой поверхности стального ствола, и Юрьевъ чуть не вскрикнулъ отъ изумленія... Тотъ же свѣтъ какъ будто освѣтилъ его память, и онъ вспомнилъ.

— Сизовъ произнесъ онъ съвозъ зубы, всматриваясь еще внимательнѣе.

Вѣрно... И Щучинъ съ нимъ!.. Вотъ мерзавцы-то—почти громко выругался Ротмистръ, узнавъ своихъ солдатъ, бѣжавшихъ въ прошломъ году.

— Ивановъ, обратился онъ къ вѣстовому, какъ бы сомнѣваясь въ себѣ и желая окончательно убѣдиться:

Присмотрись-ка къ этимъ людямъ; вѣдь это наши, что бѣжали: Сизовъ да Щучинъ?

Вѣстовой тоже, видимо узнавъ старыхъ товарищей, почти радостнымъ голосомъ громко отвѣтилъ свое:

— Такъ точно ваше высокодіе!

Юрьевъ колебался лишь минуту. Боязнь за свою жизнь сразу улетѣла куда то далеко: въ немъ проснулся командиръ.

— Вотъ, подлецы-то, чуть не скрипя зубами отъ душившей его злобы бормоталъ онъ.

По дорогамъ грабить!.. Погодите, дружки, я до васъ доберусь.

И принявъ какое то рѣшеніе, онъ сталъ быстро распоясываться.

— Ивановъ иди сюда!—позвалъ онъ вѣстового, съ лихорадочной поспѣшностью сбрасывая доху и оставаясь въ одномъ сюртукѣ.

— Принимай бревно!

Вѣстовой испуганно взглянулъ на своего командира, думая, что ослышался.

— Принимай бревно! — снова повторилъ Ротмистръ голосомъ, не допускающимъ возраженія.

Оторопѣлый солдатъ приподнялъ конецъ бревна, недоумѣвая и боясь, не случилось-ли чего съ его командиромъ...

Рѣзко заскрипѣвъ на петляхъ, отворилась дверь, заставивъ своимъ скрипомъ варнаковъ повернуться и схватиться за ружья...

Вырисовываясь на снѣгу и показываясь при своемъ высокомъ ростѣ еще выше, направлялся къ нимъ кто то въ форменномъ офицерскомъ сюртукѣ. Ярко блестяли пуговицы и сияли золотые погоны, отражая свѣтъ мѣсяца...

„Здорово братцы!“ — прогремѣлъ надъ ними такъ хорошо знакомый имъ голосъ.

Бѣглые, какъ будто, остолбенѣли, смотря остановившимися глазами на приближавшагося къ нимъ офицера...

VI.

Шаря по санямъ, варнаки не упускали ни на минуту изъ вида избы, бросая на нее порою пытливые взгляды; шумъ отворяемой двери заставилъ ихъ невольно вздрогнуть. — Быстро схвативъ ружья, они насторожились, ожидая нападенія. По старой привычкѣ, взявъ винтовку на изготовку, стоялъ Сизовъ, пристально всматриваясь впередъ.

Скрипя на своихъ старыхъ петляхъ, распахнулась широко дверь, и кто-то шагнулъ изъ избы, направляясь прямо на нихъ. — Блескъ погоны и пуговицы сразу показался имъ чѣмъ-то своимъ, близкимъ; какъ будто выдвинутыя изъ глубины памяти какой-то особенной силою, всплыли воспоминанія о прежней службѣ... Еще нѣсколько шаговъ, — и при яркомъ свѣтѣ мѣсяца передъ ними совсѣмъ близко остановился офицеръ.

— Нашей сотни... разстерянно пробормоталъ Щучинъ, узнавая форму и опуская винтовку.

Сизовъ какъ будто окаменѣлъ: шевеля что-то губами и крѣпко сжимая ружье, онъ пристально всматривался въ стоявшаго передъ ними.

— Нашей сотни, — безотчетно повторилъ онъ, какъ бы не вѣря заключенію товарища...

Командиръ! радостнымъ голосомъ почти вскрикнулъ онъ, ровняя ружье на землю.

Въ одну секунду, съ поразительной ясностью вспомнилъ онъ свой побѣгъ со службы и нарушенную имъ присягу. — Захлебываясь отъ охватившаго его волненія, онъ съ тихимъ стономъ опустился на колѣни:

— Виновать, ваше высочородіе!... Виновать противъ Царя и присяги! — громко произнесъ онъ, наконецъ овладѣвая собою...

Щучинъ, охваченный однимъ и тѣмъ же чувствомъ, прямо по русски, стукнулъ лбомъ въ землю...

И сразу показалось обоимъ, что на душѣ у нихъ стало легче: — какъ будто страшная тяжесть, угнетавшая ихъ постоянно, улетучилась куда-то далеко; на глазахъ стояли какія-то непонятныя слезы, мѣшавшія смотрѣть... А передъ ними, внимательно глядя на нихъ ласковымъ взглядомъ, стоялъ ихъ командиръ; сбоку виднѣлось широко улыбавшееся лицо вѣстового, привѣтствовавшего своихъ земляковъ...

— Ну, братцы, поговоримъ послѣ на досугѣ, первый прервалъ молчаніе Ротмистръ.

Вставай! — Богъ простигъ, а Государю заслужите свою вину. Теперь надо и въ путь... Быстро, общими усилиями обрубивъ построики у павшей пристяжной и приказавъ садиться, Юрьевъ окинулъ взглядомъ ярко сіявшую дорогу. Вдали, едва виднѣясь, двигалась темная точка... Нужно быстро торопиться...

Завернувшись въ теплую доху, Ротмистръ сѣлъ въ сани. Держа винтовки на готовѣ и, какъ бы взявъ подъ свою охрану своего командира, расположились по бокамъ Сизовъ со Щучинымъ; застоявшіеся и сильно продрогшіе кони подхватили съ мѣста во весь духъ и гремя бубенчиками и снова будя заснувшую окрестность, понеслись сани по гладкой дорогѣ... Черезъ часъ вдали замельгали огоньки поселка...

ИЗЪ ЖИЗНИ

ЗАПАДНОЙ ГРАНИЦЫ.

(Посвящается Н. М. Предтеченскому).

Не ожидалъ.

Мы собрались вечеромъ у Ротмистра Ворчуна. Молодежь корнеты, поручики и лишь одинъ среди нихъ оказался ротмистръ — самъ хозяинъ. Заспорили о нравственномъ воздѣйствіи на солдата совершившаго рядъ проступковъ, о его исправленіи и о дисциплинарныхъ частяхъ, о которыхъ каждый изъ насъ имѣлъ понятіе, какъ о чемъ-то близко граничащемъ съ ужасомъ. Одно названіе дисциплинарнаго баталіона являлось въ нашихъ глазахъ чѣмъ то очень страшнымъ, гдѣ строгостью исправляются порочные люди, отданные въ нихъ по приговорамъ суда. Ротмистръ долго молчалъ, прислушиваясь къ нашимъ разсужденіямъ; вообще онъ не любилъ пускаться въ разговоры, но тутъ по выраженію его лица было видно, что вопросъ задѣтъ интересный. Наконецъ онъ откашлялся, расправилъ свои сѣдые усы и всѣ мы разомъ смолкли, зная напередъ, что услышимъ что нибудь особенно характерное. Онъ еще съ минуту помолчалъ, еще откашлялся и началъ:

— Дисциплинарнымъ баталіономъ мы считаемъ исправительную команду, гдѣ исправляютъ не воздѣйствіемъ, а крутыми мѣрами. Отчасти это вѣрно, отчасти нѣтъ...

Вы всѣ, друзья мои, слишкомъ боитесь страшныхъ словъ, предполагая, что страшное названіе прикрываетъ собою что либо особенно страшное. Эта привычка вкоренилась по незнанію дѣла. Мы всѣ отъ него слишкомъ далеки: но всетаки никогда ненужно вѣрить страшному на слово, что оно страшно*).

Слово дисциплина для нашего уха кажется въ данномъ случаѣ чѣмъ-то страшнымъ, а на самомъ дѣлѣ въ этомъ ничего страшнаго нѣтъ. Спросите людей, бывшихъ въ дисциплинарныхъ баталіонахъ и они никогда на строгость тамъ вамъ жаловаться не будутъ.

Вотъ! для примѣра я вамъ расскажу случай, бывший на моихъ глазахъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Былъ я въ гостяхъ у Самойлова, что командовалъ раньше N-мъ отрядомъ. Ну, перекинулись въ картишки, потолковали, затѣмъ когда вахмистръ съ докладомъ пришелъ, я и отошелъ къ сторонкѣ, занялся чѣмъ-то, а самъ невольно прислушиваюсь, что Самойловъ приказывать вахмистру будетъ (новый онъ у насъ тогда человекъ былъ, ну

*) Генераль Драгомировъ.

и интересно). Докладъ какъ докладъ, сами знаете: то о фуражѣ, то о лошадяхъ; то Догадка хромать стала, то Зоря не весела и все такое прочее. Только вдругъ слышу докладываетъ вахмистръ: Юрченко изъ дисциплинарнаго баталіона вернулся, такъ на какой его постъ назначить.

Я тутъ подошелъ ближе, потому доложу вамъ господа, Юрченко этотъ раньше у меня въ отрядѣ былъ, а потомъ въ N-мъ отрядѣ распяивался, подъ судъ попалъ и въ дисциплинарный баталіонъ угодилъ.

— Такъ, ты говоришь, пришелъ, — переспросилъ Ротмистръ. Вотъ теперь снова съ нимъ наказаніе будетъ.

А можетъ быть онъ исправился, какъ ты думаешь, — спросилъ Самойловъ вахмистра.

— Сказываетъ самъ, что исправился, ваше высокогородіе.

— Ну слава Богу. Ты его завтра утромъ представь мнѣ послѣ ѣзды.

А пока ступай.

На другой день, вставъ рано утромъ, я подошелъ къ солдатской казармѣ, а тутъ какъ разъ Самойловъ Юрченко осматриваетъ. Онъ въ сущности мало измѣнился за два года.

— Ну что-же, Юрченко, больше не будешь? — обратился Ротмистръ Самойловъ къ нему.

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе, и другу и недругу закажу...

— Ну такъ, теперь ты испыталъ, что значить дурно служить... былъ подь судомъ, вотъ и расскажи, какъ въ дисциплинарномъ баталіонѣ служить. И имъ будетъ наука, всёмъ твоимъ товарищамъ...

И Самойловъ отошелъ въ сторону, оставивъ Юрченко передъ толпою окончившихъ уборку двора людей.

Немного, какъ будто, оробѣвъ передъ нѣсколькими десятками глазъ, Юрченко высморкался, откашлялся и началъ...

Я подошелъ къ Самойлову, и мы съ нимъ разговорились, хотя я однимъ ухомъ прислушивался къ словамъ Юрченко.

— Это, братцы, въ дисциплинарномъ баталіонѣ перво наперво сажаютъ въ камору одного... Вотъ, значить, ты и сидишь. И сидишь мѣсяць, а то и полтора. И такая, братцы, тоска это возьметъ, что и не знаешь, што дѣлать съ собою. А только супротивъ этого средство есть... Вотъ, значить, въ кажинной каморѣ пуговица такая бѣлая есть, лектричествомъ прозывается. Какъ сбушно станеть, ткнешь въ лектрическую пуговицу пальцемъ и сейчасъ звонъ пойдетъ до надзирателя...

А надзиратель, значить, сейчасъ къ тебѣ, что, значить, нужно.

— А ты ему—желаю духовнымъ чтеніемъ заняться...

Сичасъ тебѣ книгъ божественныхъ вологутъ, да съ картинками. Сидишь, да и смотришь: то къ примѣру Ева въ раю, то какъ Илью кони по небу возять, и оттого громъ гремитъ. Вотъ время-то, значить, проходить...

А на другой день смотрѣть надоѣло картинки—такъ опять въ лектрическую пуговицу пальцемъ ткнешь, а надзиратель тутъ какъ тутъ, сейчасъ съ допросомъ:

— Что тебѣ надобно...

— Желаю, сказываю ему, ндравственный разговоръ вести.

И вотъ, братцы мои, приходитъ къ тебѣ попъ-батюшка...

— Эдакъ ласково: ну что скажешь, любезный, да и сядеть рядышкомъ...

— Тутъ ты его и спрашивай... И начнемъ мы ндравственную бесѣду вести, къ примѣру спросишь:

Правда ли, батюшка, што земля на трехъ китахъ-рыбахъ стоитъ.

— А онъ сейчасъ, неправильно это, потому что земля на небѣ, на манеръ какъ сыръ въ погребѣ, посередкѣ висить... А то спросишь, почему молъ, батюшка, въ бѣлой арапіи, а люди, значить, черными родятся.

И таково занятно онъ про все это разсказываетъ...

А кормы тамъ чудесные... Коли ежели захотѣлъ чего послаще, сейчасъ докладывай надзирателю, что што-то неможется, либо животомъ ослабъ.

И вотъ, братцы мои, сичасъ тебѣ и курочку, и винца, и всего прочаго господскаго...

Старый служака вахмистръ внимательно прислушивался къ словамъ Юрченко. Вдругъ онъ порывисто подошелъ къ Самойлову и, волнуясь, доложилъ:

— Извольте послушать, ваше высокоблагородіе, Юрченко совсѣмъ несуразное разсказывать про баталіонное житье сталъ... Только людей переболмутить, никакой тогда остраски на нихъ не будетъ.

Самойловъ быстро направился къ людямъ.

— Такъ вотъ вамъ господа, какъ живется въ дисциплинарныхъ баталіонахъ. А заключеніе сдѣлайте уже сами...

Перестарался.

I.

Ротмистръ Конскій проснулся не въ духѣ. Протирая опухшіе отъ сна глаза, онъ сердито осмотрѣлъ свою спальню, зажмурился отъ яркихъ солнечныхъ лучей, пробивавшихся черезъ драпировки, и снова легъ, повернувшись лицомъ къ стѣнѣ.

— Чтобъ нелегкая взяла всѣ эти нововведенія, — громко проворчалъ онъ. — Легко сказать, а ну-ка сдѣлай! — и Конскій сedito махнулъ рукой.

Причиною, приведшею всегда веселаго Ротмистра въ дурное настроеніе, былъ вчерашній смотръ. Смотрѣли учителей, которые, видимо конфузясь, слишкомъ много разъясняли новобранцамъ или же вовсе молчали отъ конфуза, а люди, изображавшіе новобранцевъ, слишкомъ вошли въ свою роль и не понимали самыхъ простыхъ вещей, и въ результатъ — подготовлены, говорятъ учителя плохо.

— „Надо внушить имъ, внушить, чтобы меньше словъ при разъясненіяхъ, говорило имъ начальство.“

Потянувшись и зѣвнувъ нѣсколько разъ съ ожесточеніемъ, Ротмистръ сталъ одѣваться.

— Непремѣнно нужно вахмистру внушить все это, а то снова на слѣдующемъ смотру окажется все плохо и неладно,—ворчалъ онъ сердито.

Приведя себя въ порядокъ и выпивъ торопливо стаканъ чая, Конскій надѣлъ шашку и быстрыми шагами направился въ помѣщеніе учебной команды, которой онъ завѣдывалъ.

Старый сверхсрочный вахмистръ Бѣлоусъ уже давно расхаживалъ по командѣ, наводя порядокъ въ казармѣ, кухнѣ и конюшняхъ и подбадривая слегка людей. Всѣ помѣщенія блестѣли изумительной чистотой. Глазъ стараго служаки проникалъ во всѣ мышинныя норки, замѣчая въ нихъ малѣйшій беспорядокъ. Почтительно ступая за начальствомъ, слѣдовалъ за нимъ, какъ тѣнь, дежурный.

Оома Петровичъ Бѣлоусъ представлялъ собою живую исторію бригады за послѣдніе 35 лѣтъ. Съ широкою сѣдою бородой, начинавшейся около самыхъ глазъ, и сѣдыми нахмуренными бровями, онъ, казалось, былъ олицетвореніемъ грознаго начальника. Рядъ шевроновъ на рукавѣ и солидное число медалей за давніе походы вмѣстѣ съ серебрянымъ крестомъ св. Георгія украшали грудь стараго служаки. Начавъ службу

въ полку новобранцемъ онъ перешелъ затѣмъ въ стражу и сжился, можно сказать, сросся съ бригадою. Точно исполняя приказанія начальства, онъ въ душѣ не сочувствовалъ новшествамъ. Ворча себѣ подъ носъ, онъ неодобрительно поглядывалъ въ манежѣ на ѣзду облегченной рысью, въ четыре повода и т. п. облегченія, считая ихъ не только вредными, но и противными духу настоящаго кавалериста.

— Ну что Оома Петровичъ, а вѣдь недурно ѣздить?—спрашивалъ его иногда, окончивъ гонку смѣны, Ротмистръ Конскій, прошедшій самъ школу ѣзды въ полку у такого же Вахмистра.

— Такъ точно ваше высокородіе, хорошо ѣздить. А только дозвоьте вашему высокородію доложить:

Полковникъ Коршуновъ,—знавать изволили вы ихъ, царство имъ небесное! такъ они за такую ѣзду на коновязь съ метлой сажали.

Конскій только улыбался, а молодежь—Корнеты и Поручики, обступивъ старика, спрашивали его о прежней службѣ. Но Бѣлоусъ отвѣчая коротко на вопросы, ужасно не любилъ разговоръ съ молодыми господами, какъ онъ называлъ ихъ за глаза и въ глаза.

— Помилуйте, ваше высокородіе!—жаловался онъ Ротмистру Конскому.

— Я ихъ благородіямъ рассказывалъ, значить, про то, какъ у насъ прежде учили ѣздить, а они изволили смѣяться.

— Это, говорятъ, старикъ, было, да сплыло!

Одинъ лишь поручикъ Фроловъ пользовался его расположеніемъ.

— Вотъ истину сказать: офицеръ, такъ офицеръ, ѣздокъ старинный, — иногда бурчалъ онъ себѣ подъ носъ, удаивая бесѣдою кого либо изъ унтеръ-офицеровъ.

— А то другіе изъ господъ: носки опустятъ, согнутся какъ англичанинъ... да въ наше время за это сейчасъ на коновязь!

Коновязь, казалось, была самымъ радикальнымъ наказаніемъ по его мнѣнію. Онъ, несочувствуя арестамъ, подчасъ робко пытался доложить объ этомъ его высочордію.

— Потому первое страмъ, всѣ люди какъ есть смотрятъ какъ онъ съ метлой на коновязи сидитъ, ну, окромѣ и посадка отъ этого лучше дѣлается.

Но, не смотря на эти странности, старикомъ дорожили въ бригадѣ а его командиръ, Ротмистръ Конскій, не промѣнялъ бы своего Бѣлоуса ни на одного изъ вахмистровъ новаго направленія.

II.

Нервно позвякивая шпорами и сбросивъ на ходу пальто дневальному, Ротмистръ вошелъ въ

помѣщеніе команды. Люди уже были выстроены по-взводно для занятій. Дежурный, молодецкато отбивая шагъ, подошелъ съ рапортомъ. Шеренги подтянулись и насторожились. Поздоровавшись съ людьми, Конскій приказалъ начать занятія, и минутой спустя, громкія разнородныя команды всякихъ приемовъ наполнили своимъ гуломъ небольшое помѣщеніе команды. Лишь привычное ухо военного, прослужившаго солидное число лѣтъ, могло оріентироваться въ этомъ шумѣ, различая сдѣланныя ошибки въ командахъ, которыя выкрикивали десятокъ учителей на всѣ лады. Сдѣлавъ нѣсколько указаній взводнымъ и учителямъ, Ротмистръ въ сопровожденіи Бѣлоуса направился въ маленькую комнатку, служившую помѣщеніемъ банцелярія и старшаго вахмистра. Сѣвъ за письменный столъ, Конскій съ минутой соображалъ, что нужно исполнить, и сейчасъ же принялся за работу.

Быстро щелкая на щетахъ, провѣрилъ онъ нѣкоторые хозяйственные расчеты, передавая провѣренные листки вахмистру, стоявшему тутъ же по всѣмъ правиламъ рекрутской школы. Наконецъ, всякія бумаги были исполнены, и Конскій, съ облегченіемъ вздохнувъ, вынулъ портсигаръ и закурилъ папиросу.

— Ну, Оома Петровичъ, а лошади какъ? — обратился онъ снова къ вахмистру.

Бѣлоусъ безъ запинки сейчасъ же отрапор-

товаль и о больныхъ, и о скучныхъ, и объ очень веселыхъ коняхъ команды; видимо, ни одна изъ самыхъ мельчайшихъ подробностей, касавшихся лошадей, не ускользнула отъ опытнаго глаза стараго служаки. Конскій внимательно слушалъ этотъ докладъ, не переставая думать о недавнемъ приказѣ, касавшемся неудачнаго смотра.

— А какъ же намъ съ учителями, Бѣлоусъ? Читалъ ты приказъ про обученіе?—спросилъ Конскій.

— Такъ точно, ваше высокородіе. Дозвольте доложить, что это дѣло очень даже хорошее. Ихъ превосходительство правильно изволятъ говорить: больше все показывать людямъ, а меньше рассказывать.

На старину похоже, ваше высокородіе! обрадованнымъ голосомъ заключилъ старикъ.

Прежде, бывало ничего не рассказывали, а все только показывали. Это теперича всю эту словесность обучать стали.

— Такъ вотъ и нужно будетъ налечь на этотъ самый показъ.

— Слушаю, ваше высокородіе, не извольте беспокоиться.

— Ты самое лучшее, собери этакъ часамъ къ семи кадровыхъ, да учителей, да и займись съ ними, а я подойду къ этому времени и коечто покажу самъ.

И Конскій, вставъ изъ-за стола, направился снова въ помѣщеніе команды.

III.

Юма Петровичъ долго размышлялъ надъ приказомъ, и пришелъ къ убѣжденію, что новыя требованія хороши. Вообще, онъ считалъ каждое требованіе начальства хорошимъ, а этому онъ даже сочувствовалъ, видя въ немъ по своему какъ бы возвращеніе къ порядкамъ добраго стараго времени, къ которымъ лежало его сердце.

Приказавъ дежурному по командѣ собрать унтеръ-офицеровъ и ефрейторовъ къ семи часамъ, онъ расположился, какъ говорилъ, сумерничать, на самомъ дѣлѣ задать основательную высылку. Но сонъ почему-то бѣжалъ отъ него, и проворочавшись съ полчаса, старикъ, недовольно ворча, поднялся и направился въ помѣщеніе людей. Дежурный моментально, какъ будто изъ земли, выросъ передъ нимъ, ожидая приказаній.

Бѣлоусъ, оглядѣвъ его съ головы до ногъ инквизиторскимъ взглядомъ и найдя все исправнымъ, приказалъ собирать на занятія, направившись самъ въ конецъ помѣщенія, гдѣ стоялъ столъ и обыкновенно собирались на вечернія занятія.

Одинъ за другимъ потягиваясь безшумно, на ципочкахъ, подходили унтеръ-офицеры и становились рядомъ, внимательно всматриваясь въ своего

строгаго начальника. Вахмистръ, сидя на лавкѣ, собирался, повидимому, съ мыслями. Провѣривъ всѣ ли на лицо, онъ сталъ передъ серединой и сердито отбашлялся.

— Ну, вотъ, ребяташки, нужно теперь учить такъ, чтобы меньше разговору было, больше, значить, на счетъ указанія. Ты ему укажи, а онъ и перейметъ у тебя. Мы эфто и продѣлаемъ.

Вотъ взять хоть-бы тебя, Юрченко,— обратился онъ къ молодцеватому взводному, стоявшему на флангѣ.— Ты будешь за учителя, а Васильевъ будетъ новобранцемъ...

Да отчего у тебя рукавъ бѣлыми нитками зашить?—добавилъ онъ сердито хмуря свои сѣдые брови.

Виновный всѣмъ своимъ видомъ выразилъ виновность, но оправдываться не рѣшался, такъ какъ Оома Петровичъ разговоръ не любилъ.

— Такъ вотъ продолжалъ Бѣлоусъ,— начнемъ примѣрно съ поворотовъ. Ты перво-на-перво расскажи: это больше для того, чтобы ты самъ словесность не позабылъ, а пототь сдѣлай: ужъ это будетъ въ назиданіе для новобранца.

А Васильевъ смотри и обучайся....

Юрченко бойко отчеканилъ правила поворота и затѣмъ, лихо повернулся, приставилъ ногу. Во всемъ копируя его продѣлалъ тоже самое и Васильевъ.

— Ну, ладно,— рѣшилъ вахмистръ.

Теперь слѣдующій возьми винтовку и рассказывай каждый пріемъ, а потомъ и дѣлай его, а всѣ смотри.

Одинъ за другимъ рассказывали по очереди разные мудрости, продѣлывали ихъ тутъ же сами, по очереди же изображая изъ себя то учителей, то учениковъ. Оома Петровичъ остался вполне доволенъ и, провѣривъ легкое, рѣшилъ испытать учителей на болѣе трудномъ.

— Что бы такое продѣлать,— соображалъ онъ, вспоминая.— Ишь ты грѣхъ какой, никакъ это сразу не вспомнишь...

— Ивковъ, принеси—ка книжку изъ канцеляріи, что на столѣ лежитъ, все едино какую,— наконецъ рѣшилъ онъ послѣ долгихъ соображеній.

Бравый ефрейторъ вихремъ устремился за книжкой и почти мгновенно возвратившись, вручилъ таковую вахмистру. Взявъ уставъ въ руки, Оома Петровичъ задумался. Страсть не любилъ онъ, по его собственнымъ словамъ, рыться по уставамъ. Держа, книжку передъ собою, онъ что-то соображалъ, затѣмъ сердито плюнулъ и наконецъ, какъ бы осѣненный вдохновеніемъ, рѣшилъ продѣлать на удачу, что откроется. Уставчикъ открылся, и вахмистръ началъ громко читать:

— § 243. Мундштугъ при натягиваніи поводьевъ, производя удилами своими давленіе на десна нижней челюсти, въ то же время цѣпochкой своею производитъ давленіе на ея подбородокъ.

Прочитавъ параграфъ до конца, онъ еще перечиталъ его вслухъ и остановился въ недоумѣніи.

— „Ишь ты притча кабая, открылась таки штучка“, — думалъ онъ, сердясь. Не любилъ старикъ никакихъ головоломныхъ штучекъ и разъясненій ихъ.

— „Вотъ поди ты: кажись, знаю, слава тебѣ Господи, мундштугъ тридцать шестой годъ, и какъ онъ во рту у коня лежитъ знаю, а чтобы разъяснить — ни Боже мой“...

Полная тишина царствовала среди учителей, изъ которыхъ каждый что-то соображалъ по поводу прочитаннаго параграфа. Сердито кусая сѣдые усы и сдвинувъ брови, Бѣлоусъ долго не могъ придти ни къ какому заключенію; наконецъ, что-то рѣшивъ приказалъ всѣмъ взять уздечки и одно отоловье съ мундштукомъ.

— Теперича всѣ становись на корачки, — увѣреннымъ голосомъ приказалъ онъ, весело поглядывая на людей.

А ты, Юрченко, мундштучь ихъ всѣхъ, удилами, а фланговаго мундштукомъ, да правильно

трезельгу съ мундштугомъ въ ротъ вложи, а цѣпку застегни подъ подбородкомъ, да потуже...

Люди быстро исполнили приказаніе, а Юрченко ловко ихъ мундштучилъ по очереди, закидывая поводья каждому за спину. Минуту спустя цѣлая шеренга была замундштучена и на четверенькахъ стояла въ ожиданіи. Фома Петровичъ медленно прошелся по фронту, также внимательно осматривая мундштученіе, какъ будто бы передъ нимъ были лошади команды, выведенныя на ученіе. Продѣвъ два пальца подъ цѣпochку, онъ провѣрилъ пригонку мундштуга и, окончивъ провѣрку снова вышелъ передъ серединой своего оригинальнаго фронта.

— Теперь, ребята, каждый изъ васъ долженъ чувствовать, какъ удила давленіе имѣютъ и цѣпка между прочимъ Иванова тоже давить снизу.

Кто тамъ свободные, — крикнулъ онъ на людей, почтительно въ тишинѣ смотрѣвшихъ на обученіе по новому способу. — Садись на нихъ, да подтягивай то правый, то лѣвый поводъ...

Люди быстро сѣли.

— А ну-ка теперь провѣрь, Юрченко съ праваго фланга, какъ и что, а я провѣрю съ лѣваго...

Громкая команда дневальнаго: „смирно“, раздавшаяся на другомъ концѣ команды, за-

ставила Оому Петровича по привычкѣ вытянуть-ся и еще громче повторить ту же команду...

Звеня шпорами, подходилъ Ротмистръ Конскій и, дойдя до импровизированнаго коннаго строя, остановился въ изумленіи, смотря то на людей, то на своего старога вахмистра, вытянувшася и почтительно смотрѣвшаго на командира...

В ъ с е к р е т ѣ .

— Въ то время, когда я во снѣ съ увлеченіемъ носился въ вихрѣ вальса на балу въ благородномъ собраніи, то чей-то настойчиво будившій меня голосъ услышалъ я надъ собою.

— Ваше Благородіе, а Ваше...

— Ваше Благородіе. Ишь ты не добудишься, — продолжалъ тотъ же голосъ, и кто-то крайне деликатно началъ стягивать съ меня одѣяло. Дѣлать нечего, нужно окончить вальсъ и проснуться. Открывъ глаза, я увидѣлъ моего вѣстоваго Богданова со свѣчкой въ рукахъ.

— Извольте вставать, — продолжалъ онъ будить меня.

— Зачѣмъ? Что такое? Тревога? — и я быстро сталъ надѣвать свои доспѣхи.

— Никакъ нѣтъ, Ваше Благородіе, только человекъ какой то пришелъ до Васъ; сказываетъ свѣдѣнія есть, — почему-то шепотомъ добавилъ онъ.

— Присмотрѣвшись къ глупому лицу моего Личарды, я замѣтилъ въ немъ выраженіе какой-то таинственности.

— Зови.. посмотримъ какое дѣло.

— Перейдя недавно изъ полка, расположеннаго въ Москвѣ, въ пограничную стражу, я еще не успѣлъ осмотрѣться и познакомиться съ особенностями ея службы; контрабанда, секретъ, свѣдѣнія и т. п. слова мнѣ пришлось слышать въ рассказахъ моихъ сосоварищей, съ которыми мнѣ пришлось познакомиться. Въ то время, какъ я все еще соображалъ, въ комнату проскользнула какая-то фигура. Присмотрѣвшись къ ней, я сразу увидѣлъ, что имѣю дѣло съ полякомъ простолудиномъ.

— Что скажешь, — спросилъ я, окончивъ свой осмотръ.

— Мужикъ моментально очутился возлѣ меня и, нагнувшись къ самому моему уху, началъ что-то быстро лопотать на какомъ-то непзвѣстномъ діалектѣ. Я понялъ только слова: панъ Ротмистръ, товаръ и ничего больше. Сообразивъ, что понять я его буду не въ состояніи, по незнанію польскаго языка, я крикнулъ, чтобы позвали старшаго вахмистра. Черезъ нѣсколько минутъ за дверью раздался почтительный кашель и въ комнату форменнымъ шагомъ, гремя огромными шпорами, вошелъ мой отрядной старшій вахмистръ Иванъ Левченко.

— Ваше Благородіе, въ отрядѣ все обстоитъ благополучно, грозно отпортовалъ онъ, остано-

вившись передо мною и звякнувъ при этомъ шпорами съ какимъ то особеннымъ трескомъ.

— Вотъ, братецъ, не могу ничего понять, объяснись ты съ нимъ пожалуйста, — почти робѣя, сказалъ я.

— Да евъ, Ваше Благородіе, уже мнѣ сказывалъ, что свѣдѣнія есть. Понесутъ хорошій товаръ, да только онъ очень много хотить, Ваше Благородіе.

— Сколько же?

— Двадцать пять рублей. Ваше Благородіе.

Я моментально бросился къ своему кошельку, въ которомъ хранился весь мой капиталъ, тридцать съ чѣмъ-то рублей. и, отсчитавъ изъ нихъ 25, отдалъ вахмистру.

— Такъ ты тамъ съ нимъ устрой все.

— Слушаю Ваше Благородіе. а вы извольте одѣваться, добавилъ онъ, уходя съ жидкомъ изъ комнаты.

Съ лихорадочною поспѣшностью надѣвъ пальто, сталъ я надѣвать на себя лядунку, шашку и долго не могъ найти патроны къ револьверу. Мысли какъ вихрь пронеслись въ моей головѣ. Вѣдь, это будетъ первое задержаніе контрабанды, въ которомъ я приму личное участіе. Кажется, если бы у меня было 1000 руб., я ихъ также быстро вручилъ бы вахмистру для передачи.

Между тѣмъ, въ помѣщеніи нижнихъ чиновъ поднялась возня, слышалась какая-то перебран-

ка, всегда сопровождающая всякіе солдатскіе сборы. На дворѣ по направленію къ конюшнѣ замелькали темныя фигуры, и черезъ нѣсколько минутъ Левченко, снова брякнувъ шпорами, доложилъ мнѣ, что все готово.

Я вышелъ на дворъ. Нѣсколько темныхъ фигуръ, державшихъ въ поводу лошадей, занимали середину двора, а въ сторонѣ стояла небольшая кучка пѣшихъ. Что же мнѣ теперь дѣлать? промелькнула у меня мысль. Что я буду приказывать? Но я тотчасъ же успокоился, услышавъ вопросъ Левченко:

— Прикажете отправлять. Ваше Благородіе?

— Отправляй скорѣе, голубчикъ,—чуть не крикнулъ я отъ радости, что могу самъ избавиться отъ этой отправки.

— Ивановъ, Тимановъ, Федоровъ въ секретъ подъ фольваркъ, что около лѣсу,—громко раздался его увѣренный голосъ.

— Сергѣевъ, Чуринъ за 7 участокъ. Кириловъ, Дмитріевъ на 5-й къ рѣкѣ. Са-д-и-сь... да не шумѣть, сигарокъ штобъ не курить...— продолжалъ онъ командовать.—Ну съ Богомъ! Шагомъ М-а-р-ш-ъ.

Легкой тропотой одинъ за другимъ выѣзжали конные со двора.

— Кириченко! Корнету лошадь... Теперича остальные всѣ къ рѣкѣ на 4-й участокъ, да садись по камышамъ. Дежурному не зѣвать.

Сѣвъ на коня и собравъ поводья, я съ легкимъ сердцемъ двинулся за своимъ менторомъ. Темныя тѣни пѣшихъ исчезли во мракѣ.

Не смотря на то, что Левченко я зналъ всего недѣлю, я чувствовалъ къ нему не только глубокое уваженіе, но даже нѣкоторый благоговѣйный страхъ и смотрѣлъ на него какъ на своего спасителя.

Что бы было со мною, если бы не онъ? Вдругъ бы мнѣ пришлось распоряжаться! А я ступить не умѣю! Завятыя этими размышленіями, я совершенно не замѣтилъ дороги и только голось Левченко вывелъ меня изъ задумчивости.

— Ваше Благородіе, здѣсь нужно связать, да пѣшимъ дойти до рѣки.

Вполнѣ отдавшись въ руки своего спасителя, я быстро соскочилъ съ лошади и остановился въ нерѣшительности, что съ нею дѣлать, но сейчасъ же нѣсколько рукъ потянулись къ поводьямъ.

Пройдя нѣсколько сажень, мы расположились у самаго берега рѣки въ густыхъ заросляхъ. Берегъ обрывисто спускался къ водѣ. Закутавшись въ бурку и принявъ по удобнѣе положеніе, я началъ осматриваться. Ночь была темная и мелкій осенній дождикъ, подгоняемый порывистымъ вѣтромъ, съ удвоенной силой билъ въ лицо. Рѣка шумѣла у насъ подъ ногами. Лѣсъ, находившійся отъ насъ въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ, протяжно гудѣлъ.

Вѣтеръ съ особеннымъ рѣзкимъ свистомъ проносился по камышамъ и, влетая въ чашу лѣса, раздражался неопредѣленнымъ шумомъ, какъ бы желая опрокинуть весь лѣсъ на землю. Изрѣдка съ трескомъ падали сухія вѣтки, да какая-то птица жалобно вскригивала въ ближайшихъ заросляхъ. На противоположномъ берегу, гдѣ-то сквозь сумракъ и туманъ вспыхивали и снова гасли огоньки. Дождь пошелъ сильнѣе, и, несмотря на бурю, я чувствовалъ, что сырость все больше и больше пронизываетъ меня насквозь. Несмотря на всѣ эти неблагоприятныя обстоятельства, я не переставалъ прислушиваться, пристально всматриваясь въ темноту. Но все было тихо. Порою мнѣ начинало казаться, что я различаю плескъ воды и шопотъ голосовъ, но, посмотрѣвъ на лежащія спокойно фигуры монаховъ солдатиковъ, я убѣждался, что эти звуки мнѣ подсказываетъ мое напряженное воображеніе. Наконецъ я почувствовалъ страшный холодъ и началъ внутренно посылать всякія невзгоды на головы, сначала жида, а потомъ и всѣхъ людей на свѣтѣ, но, случайно взглянувъ на близъ меня лежавшаго солдатика, удивился его выносливости; на немъ была надѣта солдатская шинель да сверху накинута, такъ называемая, пограничная бурка, т. е. суконная свитка съ мѣховымъ воротникомъ изъ какого-то неопредѣленнаго звѣря. Солдатикъ глубокомысленно ковырялъ въ носу и по-

видимому совершенно индифферентно относился къ дождю и холоду. Упрекнувъ себя въ изнѣженности, я сталъ пристально смотрѣть на мигавшіе огоньки. Глядя пристально на огонь, я сталъ мечтать.

Полкъ, жизнь въ столицѣ, товарищи,— все вереницей проходило предо мною, какъ на яву. Я задремалъ: какія-то тѣни какъ будто мелькали предъ моими глазами, смлетаясь въ прихотливые узоры и принимая самые фантастическіе образы и очертанія

Гулко прогремѣлъ надъ самымъ моимъ ухомъ выстрѣлъ и перекатившись, отозвался гдѣ-то далеко въ лѣсу. Я вскочилъ на ноги, совершенно не будучи въ состояніи понимать, что происходитъ около меня. Глаза ничего не различали въ темнотѣ. Второй выстрѣлъ заставилъ меня очнуться и сознательно взглянуть на открывшуюся предо мною картину. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня у берега стояла причаленная лодка. По направленію къ лѣсу слышенъ былъ топотъ скачущихъ лошадей. Я бросился къ лодкѣ, но въ тоже самое время темная фигура кинулась мнѣ навстрѣчу, и я совершенно инстинктивно кого-то схватилъ за плечи, но только моментъ я держалъ пойманнаго; еще моментъ и я, не рассчитавъ своихъ силъ и равновѣсія, летѣлъ между лодкою

и берегомъ въ воду. Мѣсто было вѣроятно очень глубокое, такъ какъ, пока я успѣлъ долетѣть до дна и, оттолкнувшись, выбраться на поверхность я выпилъ очень солидное количество холодной воды. Выбравшись на берегъ, я былъ мокры какъ губка. Съ быстротою молніи кинулся я по направленію къ лошади, взывая къ коноводу.

— Здѣсь, Ваше Благородіе, извольте садиться— сказалъ, подвсѣвъ лошадь, одинъ изъ солдатъ.

Быстрѣе сокола или, вѣрнѣе сказать, скорѣе обезьяны взлѣзъ я на сѣдло и, давъ шпоры лошади, помчался куда-то въ пространство, рѣшительно не отдавая себѣ отчета, куда я сплыву. Гдѣ-то впереди послышались голоса—слѣдовательно направленіе было взято вѣрно, но видно въ книгѣ судебъ записано было терпѣть мнѣ всю эту ночь неудачи, такъ какъ я почувствовалъ, что лошадь начинаетъ проваливаться и бѣгъ ея уменьшается. Не зная хорошо мѣстность, я заѣхалъ въ болото. Въ виду такой неудачи я былъ рѣшительно въ отчаяніи.

— Правѣе, Ваше Благородіе!—раздался чей-то спасительный голосъ.

Повернувъ коня по указанному направленію, я выскочилъ къ самой опушкѣ лѣса, гдѣ уже можно было различить нѣсколько тусклыхъ точекъ—свѣтъ отъ слѣдовыхъ фонарей—и слыша-

лась какая то возня. Сдѣлавъ еще нѣсколько скачковъ, конь мой остановился. Всмотрѣвшись въ темноту, я различилъ предъ собою кучу солдатъ, обступившихъ что-то, чего нельзя было различить. Слѣзши съ лошади, я подошелъ ближе. Въ серединѣ кружка стояли со связанными руками три человѣка и тутъ же Левченко считалъ какіе-то тюки.

— Задержали Ваше Благородіе,—веселымъ голосомъ сказалъ онъ, замѣтивъ меня.

— Забрай и неси на кордонъ,—уже со строгой ноткой въ голосѣ отдалъ онъ приказаніе.

Пріѣхавъ на постъ и осушившись, я снова при помощи провидѣніемъ моего посланнаго Левченко принялся стряпать отношеніе въ N таможенно и протоколъ, при чемъ черезъ часъ непривычной работы получилось слѣдующее литературно-канцелярское произведение: „Посылая въ N таможенно 5 тюковъ товара и 3-хъ контрабандистовъ, увѣдомляю, что товаръ задержанъ по свѣдѣнію корнета N при его особенно-дѣятельномъ участіи, а также при участіи нижнихъ чиновъ такихъ-то“.

Въ результатъ лихорадка на двѣ недѣли и арестъ на два дня за недонесеніе высшему начальству о задержаніи, каковое обстоятельство, при всѣхъ своихъ качествахъ, Левченко забылъ мнѣ сообщить.

А через три дня по окончаніи суднаго дѣла товаръ былъ проданъ, и я, какъ главный участникъ въ задержаніи, получилъ за него наградныхъ 20 рублей.

Подшутили.

Вѣдь господа, такъ нельзя, рѣшительно невозможно, самые бойкіе отряды и ни одного задержанія! Вы рѣдко повѣряете часовыхъ и вообще охрана границы слаба. — горячился подполковникъ Вѣховъ, командиръ перваго отряда X бригады пограничной стражи, высказывая свое неудовольствіе собравшимся офицерамъ отряда.

Такъ служить нельзя; мнѣ командиръ бригады уже нѣсколько разъ говорилъ объ этомъ, я не желаю изъ-за васъ выслушивать такія замѣчанія. Мы прежде не такъ служили: задержанія были-съ почти каждый день; и все это зависитъ отъ командировъ отрядовъ.

— Позвольте только замѣтить, полковникъ, — поднявшись съ дивана, на которомъ сидѣлъ, началъ штабсъ-ротмистръ Бѣльскій, — вѣдь вы забываете, что настало другое время; прежде контрабанда шла въ громадномъ количествѣ и можно было дѣлать задержанія. А теперь идетъ мало, да и доносчика не найдешь...

— Все это одни отговорки для оправданія своей бездѣтельности, Сергѣй Ивановичъ, повѣрьте мнѣ... Вотъ кабы не канцелярія... А впрочемъ, я самъ займусь этимъ и посмотрите, господа, что много черезъ недѣлю я сдѣлаю въ одномъ изъ вашихъ отрядовъ задержаніе... А теперь, господа, прошу ужинать.

Все офицерство, съ довольными лицами, поспѣшило за радушнымъ хозяиномъ въ другую комнату и размѣстилось вокругъ накрытаго стола. Самъ же хозяинъ наливалъ водку, передвигалъ кушанья и вообще сразу не могъ успокоиться. Переведенный недавно на западную границу, онъ еще видимо не освоился съ особенностями здѣшней службы: живой по характеру и впечатлительный до нервности, онъ каждое замѣчаніе начальства принималъ всегда слишкомъ близко къ сердцу. Какъ старый холостякъ, особенно по товарищески относился къ офицерамъ.

— Такъ, какъ же вы сдѣлаете задержаніе, Владиміръ Николаевичъ?— снова началъ штабсъ-ротмистръ Бѣльскій. — Это меня страшно интересуетъ. Я бьюсь, ищу, ночи сижу въ секретяхъ— все ничего нѣтъ, а вы такъ сразу, какъ Цезарь, пришелъ, увидѣлъ, а побѣдите-ли, — я въ этомъ сильно сомнѣваюсь.

— Подождите, господа, немного и увидите; разъ у меня есть желаніе поймать, такъ я развѣ только чорта не поймаю. Вы, дорогой, сомнѣвай-

тесь сколько хотите, а задержаніе я сдѣлаю именно въ вашемъ отрядѣ, да еще и васъ позову смотрѣть.

— А я буду пари держать, что не задержите.

— Пари?.. Идетъ! На бутылку шампанскаго, и подполковникъ протянулъ руку.

— Разнимайте, господа! Само собою, разоньемъ вмѣстѣ.

Теперь же за будущій успѣхъ.

Чокнувшись, выпили и бесѣда полилась рѣкою. Каждый вспоминалъ безрезультатныя сдѣланныя въ секретяхъ и пропавшія за донощиками деньги, но скоро тема неудачныхъ задержаній потонула въ безбрежномъ морѣ политики. Поздно за полночь двинулся каждый на свой постъ, кто съ удобствомъ развалился въ брчкѣ, а кто и верхомъ, трясясь на сѣдлѣ верстъ двадцать подъ морозившимъ мелкимъ дождемъ.

Подполковникъ Вѣховъ долго не могъ заснуть, обдумывая, какимъ образомъ сдѣлать задержаніе, да еще на срокъ. Кажется немного погорячился. Сегодня воскресенье, семь дней, — а впрочемъ, утро вечера мудренѣе.

На слѣдующее утро, только проснувшись, онъ сразу вспомнилъ вчерашнее пари. Особенно быстро вскочивъ съ кровати и одѣвшись, онъ громко сталъ стучать каблукомъ въ полъ своей спальни кабинета, подъ которой помѣщалась его канцелярія. Черезъ минуту старшій писарь уже

раскладывалъ передъ нимъ цѣлый ворохъ бумагъ для подписи. Вѣховъ, Вѣховъ, Вѣховъ—расчеркивался подполковникъ.

— Когда же конецъ? Хотя бы скорѣе... Ага, послѣдняя! Это донести командиру бригады. Это сообщить въ отряды. Кажется все?

— Отчетность еще, ваше высокоблагородіе.

— Отчетность?— послѣ. Иванъ, пальто, пальку!—и подполковникъ, видимо что-то сообразивъ, быстро вышелъ на площадь мѣстечка.

Мѣстечко было, какъ и всѣ прелестныя мѣстечки: площадь, она же и скверъ, двѣ три улицы, два десятка лавокъ и тысяча нищихъ евреевъ, ищущихъ хлѣбъ. Быстрымъ взглядомъ окинувъ знакомую картину, подполковникъ остался видимо чѣмъ-то недоволенъ.

„Гдѣ же это Михалъ дѣвался? Вотъ мерзавецъ, нужно искать его!“ только хотѣлъ подумать Вѣховъ, какъ передъ нимъ словно изъ земли выросъ юркій факторъ.

— А, шельма, ты здѣсь, мнѣ только тебя и нужно было.

— Чѣмъ могу служить, пану пулковнику?

— Хочешь хорошо заработать?

— Для чего же нѣтъ; что достать пану?

— А вотъ что:—и подполковникъ, взявъ Михала за пуговицу, долго что-то сообщалъ ему. Михалъ слушалъ, вытягивалъ и втягивалъ голову, снова слушалъ, жмурился и нюхалъ воздухъ.

— Можно, пане пулковнику я приду къ пану вечеромъ.

— Хорошо, бестія, но если обманешь...—и подполковникъ внушительно помахалъ палкою въ воздухъ,—а если сдѣлаешь, то пятьдесятъ, слышишь?—И весело насвистывая бравурную арію, онъ отправился въ свой ежедневный обходъ знакомыхъ въ мѣстечкѣ.

Цѣлую недѣлю, утромъ и вечеромъ, Михалъ шнырялъ въ квартиру полковника, велъ тайственные переговоры, а Вѣховъ къ концу недѣли все веселѣе и веселѣе поглядывалъ на штабсъротмистра Бѣльскаго при встрѣчахъ въ мѣстечкѣ и на вопросъ: скоро-ли, только загадочно улыбался.

— Какой нетерпѣливый. Подождите до субботы и сами воочию убѣдитесь!

Наконецъ настала долгожданная суббота. Съ утра вѣстовой командира, придурковатый Маляевъ, принялся за какія-то особенныя приготовления: отворялись сундуки, появилась на сцену шуба, теплые сапоги, перчатки на мѣху и другія вещи, способныя однимъ лишь своимъ теплымъ видомъ напугать сіявшее солнце горячаго лѣта. Приготовленія были видимо не заурядныя, даже всегда невозмутимый Маляевъ, не любившій возиться съ чисткою вещей, теперь съ необыкновеннымъ усердіемъ вѣсколько разъ принимался выбивать палкою мѣхъ шубы, видимо со-

вершено сбитый съ толку приказаніемъ его высокоблагородія приготовить все теплое къ вечеру.

— Чудно это, — раздумывалъ онъ, — и зачѣмъ ему понадобилсъ? Ишь теплынь то какая, а тутъ шуба. Должно въ книжкѣ что вычиталъ, какъ въ лѣтошнемъ году, когда солнце затмилось, онъ за недѣлю зналъ. — Зима будетъ, — рѣшилъ онъ окончательно, — надѣть и себѣ полушубокъ достать.

И приди къ такому заключенію, Маляевъ уже совсѣмъ успокоился.

— Зима такъ зима, все едино, — рѣшилъ онъ. — А какъ же бума Авдотья на завтра на арбузь звала? Вѣдь смерзнетъ арбузь то! Лучше его сегодня съѣсть. Это вѣрно! Сейчасъ побѣгу...

Подполковникъ съ утра былъ видимо въ особенно взволнованномъ состояніи: ежеминутно звалъ писаря, смотрѣлъ на часы и, какъ бы не вѣря имъ, бѣжалъ къ окну и смотрѣлъ, высоко ли солнце. Но время шло необыкновенно долго, стрѣлки часовъ двигались, казалось, медленнѣе обыкновеннаго, и солнце остановилось на одномъ мѣстѣ. Чтобы скорѣе время сократить до вечера, Вѣховъ легъ было спать, но тутъ мухи и жара донимали. Промучившись долго, онъ насилу дождался благодѣтельнаго сна и забылся... Когда подполковникъ открылъ запухшіе отъ сна глаза, солнце уже давно скрылось и свѣжій вечерній вѣтерокъ врвался въ спальню. Вечеръ былъ темный.

— Иванъ! скорѣе одѣваться; теплые сапоги, шубу, — командовалъ полковникъ.

Иванъ, успѣвшій уже самъ облачиться въ полушубокъ, невозмутимо одѣвалъ его высокоблагородіе въ требуемыя вещи.

— Револьверъ! Пойдешь и ты со мною, — уже выходя, отдалъ приказаніе Вѣховъ, и Иванъ оказался снова сбитымъ съ толку.

„Что за притча? револьверъ взял“, думалъ онъ, слѣдуя за начальствомъ, быстро шагавшимъ по направленію къ кордону.

Дежурный сразу не призналъ командира, облеченнаго въ такую не сезонную форму, но, узнавъ, быстро дернулъ звонокъ, и черезъ минуту передъ полковникомъ предсталъ изумленный штабсъ-ротмистръ Бѣльскій.

— Господинъ полковникъ въ отрядѣ все обстоитъ... — машинально началъ рапортовать онъ, окинувъ фигуру начальства, окутанную въ шубу и теплые сапоги.

— Что это вы, полковникъ?

— Ахъ, Сергѣй Ивановичъ, некогда разговаривать. Пойдемте, да возьмите съ собою чело-вѣкъ трехъ солдатъ.

Отдавъ приказаніе и захвативъ съ собою пальто, Бѣльскій двинулся за командиромъ.

— Сейчасъ будетъ задержаніе, на четвертомъ участкѣ... Гдѣ онъ? Да который часъ? Намъ нужно быть ровно къ десяти.

— Кажется, половина десятого.

— Вот видите, какъ нужно устраивать.. Гдѣ здѣсь большой кустъ? А, этотъ... Хорошо, тутъ мы и расположимся... И подполковникъ, продолжая въ полголоса рассказывать Бѣльскому, началъ устраиваться подъ кустомъ. Бѣльскій присѣлъ рядомъ, а солдаты легли невдалекѣ.

— Знаете-ли, одного боюсь, что простудимся. Сырость-то какая. А контрабанда будетъ громадная! Не вѣрите? Повѣрьте моей лысой головѣ, — и подполковникъ, снявъ шапку, потрепалъ себя по лысинѣ. — Сами принесутъ и намъ отдадутъ. Что, завидно, небось?

Бѣльскій, прислушиваясь слегка къ словамъ командира, разсматривалъ открывавшуюся передъ нимъ картину. Ночь была темная — зги не видно. На горизонтѣ, гдѣ-то далеко-далеко вспыхивала зарница, на секунду прорѣзая мракъ ночи. Вѣтерокъ чуть-чуть шелестѣлъ листьями. Бѣловатый туманъ, казавшійся еще гуще въ темнотѣ, стоялъ стѣною, застилая окрестности. Коростели пронзительно перекликались въ лугахъ, издавая свои скрипучіе звуки, да порою чѣмъ нибудь испуганная птица съ рѣзкимъ свистомъ проносилась мимо и исчезала во мракѣ. Все въ природѣ, казалось, собиралось заснуть.

— Кажется, десять, сейчасъ будетъ, — прошепталъ подполковникъ, вынимая револьверъ.

И дѣйствительно, не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ на противоположной сторонѣ ручья, служившаго границею, показались темныя фигуры, и къ ногамъ сидѣвшихъ подъ кустомъ стали падать какіе-то мягкіе свертки. Всѣ быстро вскочили на ноги. Неизвѣстно для чего прогремѣвшій выстрѣлъ какъ-то особенно нелѣпо съѣлъ въ ушахъ.

— Что, моя правда?.. Пари выиграно?.. — и торжествующій Вѣховъ кинулся къ сверткамъ.

— Забирай все и неси на кордонъ! — началъ суетиться онъ, беря въ каждую руку самъ по огромнѣйшему свертку и направляясь съ ними по дорогѣ къ кордону. Остальные участники счастливаго задержанія, мигомъ захвативъ все, что лежало, послѣдовали за своимъ командиромъ.

— Что, Бѣльскій, скажете? Вотъ какъ нужно работать... А свертки легкіе — знаете ли, должно быть, шелкъ или кружева?

Бѣльскій, видимо озадаченный происшедшимъ, не сразу отвѣтилъ.

— Вы говорите шелкъ?

— Да, да, — или вообще дорогой товаръ, очень легко! Да пойдете скорѣе!

Весь кордонъ былъ освѣщенъ, выстрѣлъ поднялъ на ноги всѣхъ. Еще на полпути стали попадаться полуодѣтыя фигуры бѣжавшихъ на тревогу солдатъ. Полнымъ карьеромъ выносились конные и, освѣтивъ фонарями толпу задержате-

лей, осаживали лошадей и присоединялись къ хвосту побѣдоноснаго шествія. Минуту спустя, радостный Вѣховъ считалъ, суетясь, свертки:

— Одинъ, два, пять, девять, одиннадцать! Хорошо!—и свертки были уложены правильнымъ рядомъ на полу.

— Интересно, полковникъ, что задержано.

— Да, да, нужно посмотрѣть, хотя и не полагается,—и подполковникъ, поднявъ одинъ изъ свертковъ, осторожно сталъ разрывать обертку на углу. На всѣхъ лицахъ было написано ожиданіе. Вѣховъ, казалось, хотѣлъ всею душою самъ влѣзть въ свертокъ. Бумага разорвана... и, красный какъ ракъ, подполковникъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ изумленно на умиравшаго со смѣху Бѣльскаго.

— Что это такое?—совершенно растерянно произнесъ онъ наконецъ.

— Торфъ, подполковникъ торфъ и ничего болѣе!

Какъ бы желая выместить всю свою злость на неповинныхъ сверткахъ, Вѣховъ съ яростью разрывалъ бумагу, и куски правильно уложеннаго торфа летѣли въ разныя стороны. Торфъ, торфъ и торфъ.

— Кто выигралъ, Владиміръ Николаевичъ?

— Вы, но повѣрьте моей лысой головѣ, что это въ первый и послѣдній разъ! Шельма Михалъ за 50 руб. 50 фунтовъ торфа. За здоровье Михала господа...—и офицерство чогнулось стаканами...

Странный случай.

Осень 188... года была для меня какъ то особенно неудачна. Погода все время къ тому же стояла адская; дождь лилъ цѣлые дни какъ изъ ведра; вѣтеръ наводилъ тоску своимъ жалобнымъ завываніемъ въ трубахъ. Я только что былъ переведенъ въ Стражу и принялъ отрядъ на время отъ вышедшаго въ отставку стараго ротмистра и грустно размышлялъ, какъ буду я, новый человекъ представлять незнакомую мнѣ совѣсть часть на смотръ большаго начальства, которое ожидалось со дня на день. А начальство это славилось своею строгостью. Осрамиться и показать, что ничего не знаешь, было какъ то совѣстно.

Скрѣпя сердце, я принялся за чтеніе приказовъ, грудами лежавшихъ у меня на столѣ. Но не тутъ то было, просидѣвъ нѣсколько часовъ надъ непривычнымъ дѣломъ, я остался съ страшнымъ сумбуромъ въ головѣ, обончательно сбитый съ толку неизвѣстными мнѣ порядками и цѣлымъ рядомъ законовъ, въ которыхъ я даже не умѣлъ

разобраться. Съ отчаяніемъ я уже заранѣе обрекалъ себя на разность. Но придя къ заключенію, что за день не выучишься и передъ смертью не наплачешься, я вспомнилъ, что за всѣми незнакомыми мнѣ хозяйственными счетами и расчетами, я почти не обратилъ вниманія на строевую часть, а главное на новобранцевъ, которые прибыли въ отрядъ уже съ недѣлю. Вотъ покрайней мѣрѣ знакомое дѣло, подумалъ я, нужно имъ хорошенько заняться, и придя къ этому рѣшенію, я тутъ же приказалъ осѣдлатъ себѣ лошадь.

Новобранцы въ отрядѣ были собраны все на одномъ изъ постовъ, находившемся отъ офицерскаго верстахъ въ десяти съ лишкомъ. Выйдя на дворъ, я чуть было не смалодушничалъ, увидѣвъ, что дождь идетъ еще сильнѣе, но вспомнивъ, что дома предстоитъ только мѣрить комнату изъ угла въ уголъ и не находить себѣ мѣста отъ скуки, я вскочилъ на коня и, завернувшись въ бурку, направился на сосѣдній постъ. Конвойный зарысиль за мной слѣдомъ.

Не прошло и десяти минутъ, какъ я почувствовалъ, что сырость пронизываетъ меня насквозь и цѣлые ручьи воды стекаютъ съ моей бурки. Выругавъ въ душѣ условія нашей пограничной службы, я невольно позавидовалъ своимъ однополчанамъ, совершающимъ свои путешествія въ казармы съ большими удобствами. Черезъ каждыя почти полверсты въ моихъ ушахъ звенѣлъ окликъ часового.

— Стой, кто ѣдетъ? и закутанная фигура солдата выростала изъ мрака.

Наконецъ вдали я увидѣлъ свѣтъ желаннаго поста. Остановившись и отдавъ лошадь конвойному, я быстро вошелъ въ кордонъ. Разомъ поднявшаяся суета показала, что прїездъ мой былъ совершенно неожиданнымъ. Поздоровавшись съ людьми, я направился къ новобранцамъ, стоявшимъ отдѣльно группою. Съ ними только что, какъ мнѣ доложилъ старшій, начались занятія. Воспользовавшись этимъ и спросивъ чѣмъ занимались, я дѣятельно началъ самъ толковать имъ всякія мудрости, обязательныя для рядового пограничной стражи.

Присматриваясь въ то же время къ лицамъ и узнавая фамиліи учениковъ, я невольно обратилъ вниманіе на приземистаго новобранца по фамиліи Алексѣевъ, лицо котораго поражало какою то особой убитостью. Весь онъ какъ будто сосредоточился на какой то одной гнетущей его мысли, видимо въ чемъ то недоумѣвая и не будучи въ состояніи дать себѣ отчета, порою онъ лихорадочно вздрагивалъ и озирался по сторонамъ, какъ пойманный звѣрекъ. Разъяснивъ все, что я считалъ достаточнымъ для перваго раза, я распустилъ людей и подозвалъ интересовавшаго меня новобранца. Разспросивъ его, откуда онъ родомъ, трудна ли ему служба и узнавъ обстоятельно его семейное положеніе, я на всѣ вопросы

получилъ удовлетворительные отвѣты, причемъ могъ сдѣлать выводъ, что Алексѣевъ принадлежитъ къ состоятельной и хорошей семьѣ. Но эти разспросы меня не удовлетворили, я хотѣлъ узнать еще болѣе подробно объ интересовавшемъ меня новобранцѣ.

Рѣшивъ переночевать на этомъ посту, я позвалъ къ себѣ старшаго поста унтеръ-офицера Вавилова, съ которымъ я хотѣлъ побесѣдовать на сонъ грядущій. Вавиловъ оказался землякомъ Алексѣева и отъ него я узналъ, что Алексѣевъ принадлежитъ къ зажиточному дому, совершенно здоровъ, старателевъ, ни на что не жалуется, но какъ будто не имѣетъ никакой памяти. Получивъ всѣ эти свѣдѣнія, я рѣшилъ тогда же обратиться на Алексѣева особенное вниманіе, но какъ часто въ жизни бываетъ: путь въ адъ усыпанъ благи-ми намѣреніями. Черезъ нѣсколько дней явился смотромъ большое начальство, хвалило и бранило меня достаточно, но въ концѣ концовъ покинуло меня обруженнымъ еще большимъ сумбуромъ служебныхъ инструкцій и указаній, въ которыхъ я совершенно не могъ ориентироваться; среди этихъ передрагъ я совсѣмъ упустилъ изъ вида Алексѣева, а тутъ, какъ на грѣхъ, я простудился и захворалъ. Только при проѣздахъ старшаго вахмистра изъ его докладовъ приходилось узнавать, что Алексѣевъ ничего себѣ, старается, здоровъ и т. д...

Такъ прошло около мѣсяца. Выздоровѣвъ, я рѣшилъ проѣхать по всѣмъ постамъ отряда и сдѣлать самую строгую провѣрку всѣмъ отраслямъ службы. Покончивъ съ утра всякіе счета со старшими постовъ, я сѣлъ на коня и двинулся въ путь. Проѣхавъ по всѣмъ постамъ и не найдя нигдѣ особенныхъ упущеній, я въ самомъ веселомъ настроеніи возвращался домой.

Узнавъ на посту, что Алексѣевъ находится на седьмомъ участкѣ часовымъ, я рѣшилъ съ нимъ поговорить. Вотъ уже седьмой участокъ: вотъ и Алексѣевъ. Подѣхавъ ближе, я замѣтилъ, что онъ какъ то странно смотритъ и очень блѣденъ. Что съ тобой, Алексѣевъ, задалъ я ему вопросъ.

Но онъ продолжалъ также пристально смотрѣть въ одну точку, какъ бы не слыхавъ моего вопроса. Повторивъ снова вопросъ и не получивъ никакого отвѣта, я рѣшилъ, что вѣроятно онъ боленъ и поэтому возвратился на постъ, чтобы послать ему смѣну. Рѣшивъ подождать его прихода, чтобы его осмотрѣть, я сѣлъ на крылечкѣ и глубокомысленно пуская кольца дыма, занялся размышленіями о величій міра вообще и трудности службы въ частности, какъ вдругъ всѣ мои размышленія были прерваны неожиданно гдѣ то прогремѣвшимъ выстрѣломъ.

Выбѣжавъ на дорогу, я увидѣлъ всадника, скакавшаго полнымъ карьеромъ къ бардону, при-

смотрѣвши пристально къ которому, я узналъ въ немъ моего старшаго поста унтеръ-офицера Вавилова. Не успѣвъ еще сообразить въ чемъ дѣло, какъ черезъ нѣсколько секундъ лошадь, храпя, остановилась передъ кордономъ, а съ нея грузно, какъ мѣшокъ, свалился Вавиловъ на землю. Весь онъ былъ залитъ кровью.

— Охъ. Убилъ меня ваше благородіе.

— Кто? Какъ? вскрикнулъ я и бросился къ нему вмѣстѣ съ выбѣжавшими людьми.

— Да Алексѣевъ, простоналъ раненый.

Перенести его на кровать и кое-какъ слѣлать ему перевязку было дѣломъ довольно затруднительнымъ. Кровь лила ручьемъ изъ праваго бока. Во время перевязки, которую дѣлали неумѣлыя руки, Вавиловъ, продолжая стонать, разсказалъ мнѣ, что, возвращаясь на постъ и поровнявшись съ Алексѣевымъ, онъ хотѣлъ его спросить о чемъ то, но тотъ моментально приложился и выстрѣлилъ въ него въ упоръ. Я чувствовалъ себя какъ потерянный, ругая себя, что не смѣнилъ самъ тотчасъ же Алексѣева.

Унтеръ-офицеръ, Никаноръ Вавиловъ, какъ по моему мнѣнію, такъ и по отзывамъ моего предшественника, былъ человѣкъ рѣдкой доброты и честности. Старый служака, служившій болѣе десяти лѣтъ на сверхсрочной службѣ, онъ относился ко всѣмъ людямъ крайне сердечно, помогая въ особенности новобранцамъ въ ихъ первыхъ

шагахъ службы и читая имъ подѣ часъ при этомъ совершенно отеческія наставленія. Всѣ люди и даже вахмистра относились къ нему съ особымъ почтеніемъ, въ силу чего происшедшій случай становился вполне загадочнымъ.

Черезъ нѣсколько времени мнѣ доложили, что привели съ границы Алексѣева. Выйдя въ другую комнату я увидѣлъ его стоящимъ между двумя часовыми. Видъ у него былъ сильно взволнованный и на лицѣ игралъ слабый румянецъ.

— Зачѣмъ ты выстрѣлилъ въ Вавилова, спросилъ я его.

— Да такъ ваше благородіе.

— Какъ такъ? За что нибудь? Почему, задалъ я ему цѣлый рядъ вопросовъ.

— Такъ, ваше благородіе, продолжалъ онъ упорно твердить одно и тоже слово, смотря въ это время въ землю.

Истощивъ всѣ доводы, чтобы довести его до сознанія, я рѣшилъ подвести его къ раненому. Пока я былъ въ другой комнатѣ, солдатики уже успѣли перенести его, выполняя народный обычай, подѣ образа. Вавиловъ, видимо, еще боролся со смертью. Увидѣвъ передъ собою своего убійцу, онъ собрался съ силами и даже привсталъ, облокотившись на руку.

— За что же ты меня убилъ, подлець ты эдакій, со слезами въ голосъ спросилъ онъ Алексѣева.

Алексѣевъ весь какъ будто съежился и, не смотря ни на кого, тихо отвѣтилъ.

— Да такъ... Я не васъ хотѣлъ убить Никаноръ Ивановичъ.

— Кого же?

— Да господина вахмистра.

— А меня то за что?

— Да такъ.

— Можетъ ты въ меня ошибкой стрѣльнулъ?

— Нибакъ нѣтъ.

— Зачѣмъ же?

— Да такъ...

На меня этотъ ужасный допросъ произвелъ такое тяжелое впечатлѣніе, что я чуть не рыдался...

Вавиловъ умиралъ.

Дыханіе дѣлалось все труднѣе и труднѣе. Невзрачный съ виду солдатикъ съ серьезно-сосредоточеннымъ лицомъ началъ тихо читать отходную.

У всѣхъ людей на глазахъ были слезы.

Еще вздохъ и Вавилова не стало...

Умеръ бравый унтеръ, хорошій товарищъ, ворчунъ начальникъ, какъ близкій, относившійся къ новобранцамъ...

Умеръ. Миръ праху его.

Чья то заботливая рука закрыла ему глаза.

Не пришлось бѣднягѣ увидѣть своего родимаго дома...

Черезъ два дня хоронили мы Вавилова. Бѣлый сосновый гробъ, весь убранный цвѣтами, былъ при пѣніи молитвъ отнесенъ на кладбище.

За неимѣніемъ священника, сами пропѣли всѣ молитвы, которыя знали. Опустили гробъ въ землю; поставили крестъ надъ могилой.

И жизнь взошла снова въ свою обычную колею.

Но никогда не забудется его безвременная смерть тѣми людьми, среди которыхъ онъ жилъ и оставилъ по себѣ память, какъ о рѣдкомъ человѣкѣ

Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ слѣдствія и суда, на которыхъ Алексѣевъ не сказалъ рѣшительно ничего, рѣшеніемъ N военно-окружного суда стражникъ Иванъ Алексѣевъ былъ приговоренъ за убійство своего начальника къ каторжнымъ работамъ на 20 лѣтъ...

Доктора его свидѣтельствовали и нашли здоровымъ.

Послѣ суда, на досугѣ, размышляя о причинахъ этого страннаго преступленія, я не могъ найти причину, побудившую его совершить это убійство.

Да и гдѣ тамъ найдти. Душа человѣка потемки, а пограничный корнетъ плохой психологъ...

Медвѣжій баталіонъ.

Собравшись на Богомъ забытомъ посту, мы засѣли за самоваромъ, милѣйшій хозяинъ былъ не въ духѣ, но потомъ развеселился, узнавъ, что у корнета Вѣтрова есть ручной медвѣженокъ. Медвѣдь, да это прелесть, оживленно заговорилъ онъ... Онъ напоминаетъ мнѣ мою родную старину, которую я вамъ расскажу, если позволите.

— Дѣдъ мой смолоду служилъ въ гусарахъ, участвовалъ въ войнѣ 1805 года, получилъ много отличій и, за ранами уволенный отъ службы въ арміи, былъ назначенъ капитаномъ-исправникомъ сюда же, въ Сергачскій уѣздъ.

Въ старину капитанъ-исправникъ въ уѣздѣ большой человекъ былъ. Ну, и началъ тутъ свои порядки вводить. Все по военному пошло, на суворовскій ладъ. Глухой городъ Сергачъ, глуше его въ то время по всему Поволжью мѣста сказать было нельзя. Лѣса вѣковые покрывали весь уѣздъ. Непроходимыя дебри начинались чуть не около городской околицы. Кое-гдѣ среди лѣсовъ попадались небольшія деревушки. Въ

лѣсахъ привольно жили медвѣди, ведя постоянную войну съ людьми. Но люди своей хитростью осиливали простодушного звѣря и много медвѣдей по деревнямъ сидѣли на цѣпяхъ, томясь въ плѣну и вспоминая свое привольное житье въ лѣсу. Хитрый сергачскій мужикъ съ давнихъ поръ подмѣтилъ послушаніе медвѣдя и взялъ его въ науку. Тяжела наука медвѣжья, не легка она и для учителя, но все-таки человекъ снова осилилъ и медвѣдь спокойно, хотя и не всегда охотно, началъ показывать всякія штуки по ярмаркамъ. Лѣтомъ больше промышляли медвѣжатники, а съ наступленіемъ зимы возвращались домой зимовать въ свои деревни. Тысячи вожаковъ водили своихъ медвѣдей по всѣмъ концамъ земли русской, заходили и за границу.

Ну, и не обходилось тутъ безъ капитана-исправника. По свѣту ли идти, назадъ ли возвращаться домой, а не минешь исправника: и паспортъ у него, и разрѣшеніе, и объявку сдѣлать, что прибылъ домой благополучно. Держалъ ихъ дѣдъ въ рукахъ, чуть что—сейчасъ всыпетъ, сами слышали, что расправа на этотъ счетъ прежде была короткая.

Пронесли слухи о войнѣ. Затосковалъ дѣдъ окончательно, но, какъ ни вертись, а безъ одной ноги снова поступить въ армію нельзя, и остался онъ въ Сергачѣ, чутко прислушиваясь къ каждой вѣсточкѣ, шедшей съ театра военныхъ дѣйствій.

Диву дался старикъ, когда услышалъ объ отступленіи наше арміи. Не вѣрилъ, что французъ подѣ Москвою и горькими слезами плакалъ, когда услышалъ, что Москва отдана непріятелю.

Съ первыми заморозками стали разсылаться изъ арміи партіи плѣнныхъ по новолжскимъ городамъ. Наконецъ и въ Сергачь пришелъ транспортъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ десятковъ солдатъ и трехъ офицеровъ. Помня суворовскій завѣтъ уважать враговъ, дѣдъ засуетился. Размѣстили французскихъ солдатъ по самымъ состоятельнымъ домамъ на кормы, офицеровъ же устроилъ у себя во флигелѣ. И положительно воспрянулъ духомъ старикъ съ этого времени, занимаясь размѣщеніемъ своей комнаты, а размѣстивъ ее, и устройствомъ. Отъ офицеровъ такъ ни на шагъ не отходилъ, ведя съ ними безконечныя бесѣды. Офицеры оказались людьми развитыми, много видѣвшими за свою службу и исколесившими почти добрую половину свѣта въ рядахъ наполеоновской арміи. Въ особенности понравился дѣду бравый полковникъ конныхъ егерей гвардіи Наполеона. Русскій человекъ слишкомъ проникся правиломъ, что лежачаго не бьютъ, поэтому плѣнное офицерство зажило прекрасно, катаясь какъ сыръ въ масле и отъѣдаясь на русскихъ хлѣбахъ. Соберутся въ гости къ дѣду ближайшіе помѣщики—и французы всегда тутъ же. Поругаютъ ихъ легонько за безчинства въ

Москвѣ, а все сейчасъ же и забываютъ, и въ картишки перекинутся, и вмѣстѣ рюмки выпьютъ, совсѣмъ друзьями сдѣлались.

Мягокъ сердцемъ русскій; ловѣкъ и много у него жалости къ судьбой обиженному, хотя бы то былъ его врагъ.

Пронеслась тутъ вѣсть, что беретъ верхъ русское войско и плохо французамъ пришлось. А плѣнные къ тому уже сжились со всѣми, такъ что одинъ изъ нихъ о женитьбѣ подумывать сталъ, чтобы совсѣмъ въ Сергачѣ корни пустить.

II.

На зимняго Николая праздновалъ дѣдъ свои именины и всегда у него въ этотъ день большой съѣздъ бывалъ. Чуть не со всего уѣзда собирались помѣщики поздравить въ этотъ день стараго служаку, который въ полковомъ мундирѣ, весь увѣшанный орденами, съ ранняго утра уже поджидалъ дорогихъ гостей. Послѣ обѣдни въ соборѣ и молебна угоднику, на дому широко раздвинуть былъ обѣденный столъ, за которымъ сѣло больше полусотни гостей. Чарочки не оставались пустыми, наполняемая своевременно слугами. Домашнія наливки и старые меды скоро произвели свое возбуждающее дѣйствіе на головы гостей. Разговоры сдѣлались шумнѣе. Тутъ же, какъ и всегда, присутствовали плѣнные офицеры, научившіеся кое-какъ разъясняться по русски.

Съдой, какъ лунь, бригадиръ екатерининскихъ временъ, сослуживецъ дѣда въ полку, насѣдалъ на французскаго полковника, доказывая ему, что звѣзда Наполеона уже меркнетъ.

— Да съ, — рѣшительнымъ голосомъ говорилъ онъ.

Теперь его дѣло дрянъ, пора пардону просить, потому пришелъ ему уже мать.

Но французъ, задѣтый за живое, не соглашался. Привыкнувъ видѣть, какъ участникъ, побѣды императора, онъ все еще продолжалъ вѣрить въ его счастливую судьбу. Неудачи русскаго похода объяснялъ случайностью, и если теперь французы потерпѣли неудачу, то, навѣрное, въ слѣдующемъ году Наполеонъ пойдетъ на Россію съ новыми войсками, которыя нанесутъ русскимъ пораженіе, тѣмъ болѣе что русскихъ войскъ теперь мало и они сильно разстроены.

Прислушавшись къ разговору, дѣдъ уже давно поглаживалъ свои сѣдые усы, сердитымъ взглядомъ обидывая спорщика.

— Нѣтъ, врешь, братецъ мой, — наконецъ, не выдержалъ онъ, обращаясь къ полковнику.

Правда ваша, много народу у насъ на войну ушло, много побито изъ нихъ и спать непробуднымъ сномъ въ землѣ сырой, а все-таки лишь кличь у насъ клибнуть, такъ новыя войска найдутся и на васъ пойдутъ. Если же людей не найдемъ, такъ медвѣдей на васъ полки по-

шлемъ! — сердито закончилъ старикъ, стукнувъ кулакомъ по столу.

Расхохотался французскій полковникъ, да и говорить:

— Полноте шутки шутить, вѣдь мы не дѣти, чтобы этому повѣрить.

Ваше дѣло плохо выйдетъ...

Ну, тутъ дѣдъ уже не стерпѣлъ. У него, какъ бывало, явится какая-нибудь мысль, такъ онъ всегда, бывало, спѣшитъ ее выполнить, несмотря на препятствія.

— Когда такъ, такъ я вамъ, господа, скажу правду. И не хотѣлось бы говорить потому, дѣло секретное, но, ужъ такъ и быть, скажу: самъ я получилъ приказъ отъ начальства къ веснѣ полкъ медвѣдей приготовить, — да и подмигнулъ при этомъ своимъ.

И готовлю его исправно, мои новобранцы уже отлично военный артикулъ усвоили.

А чтобы у васъ не было на этотъ счетъ сомнѣнія, милостивые государи, прошу ко мнѣ черезъ недѣлю пирога откушать, такъ я вамъ при этомъ случаѣ цѣлый медвѣжій баталіонъ на смотрѣ представлю.

Смѣются французы, а все-таки задоръ ихъ куда меньше сталъ, потому увидали, что народъ все рѣшительный, да при томъ бывалый въ дѣлахъ. Большинство помещиковъ въ военной

— 212 —
службъ послужили, да не одинъ походъ въ ней
сломали.

III.

Засуетился народъ по глухимъ деревнямъ
Сергачскаго уѣзда. Вѣсти пали, что приказалъ
капитанъ-исправникъ всѣмъ, кто только медвѣ-
дей на выучкѣ имѣеть, вести ихъ ни мало не
медля въ городъ.

Нарочный изъ волости прискабалъ съ тѣмъ
же приказомъ и, оновѣстивъ по дворамъ, помчал-
ся далѣе. Да еще добавилъ, что кто того не
исполнить и не приведетъ медвѣдя къ назначен-
ному сроку, такъ ужъ къ Стрѣтенію за билетомъ
и не могли думать являться.

Забручинились медвѣжатники, а ничего не
подѣлаешь, надо приказъ исполнять, потому на-
чальство само знаетъ для чего, если требуетъ.
И потянулись по всѣмъ дорогамъ наганунъ на-
значеннаго дня вожаки съ медвѣдями къ городу.

Съ ранняго утра вся обширная базарная
площадь въ городѣ приняла необычайный видъ.
Цѣлыя сотни медвѣдей смиренхонько лежали на
землѣ, привязанные къ кольямъ, воткнутымъ въ
землю, и къ жердямъ заборовъ. Похлопывая ру-
ками отъ холода, тутъ же расхаживали ихъ во-
жаки, угощаясь на морозѣ сбитнемъ и городскими
галачами.

Въ домѣ капитана-исправника уже давно
гости обганчивали громадный пирогъ и запивали
его старыми наливками. Посвященные въ шутку
исправника пересмѣивались, лукаво поглядывая
на французскихъ офицеровъ. Своевременно под-
сказанная тема объ обученіи медвѣдей была
ловко выдвинута снова на сцену, и по поводу
полной невозможности ея выполненія горячо ра-
товалъ французскій полковникъ.

— Добро, коли такъ, — наконецъ произнесъ
дѣдъ, поднимаясь.

Милости прошу васъ взглянуть и на
дѣлѣ убѣдиться, какъ у насъ, на Святой Руси,
возможно то, о чемъ у васъ и въ сказкахъ не
разсказываютъ.

Шумной гурьбой двинулись гости за хозяи-
номъ, набрасывая на скорую руку шубы въ при-
хожей и выходя на дворъ.

Завидя предержавшія власти съ именитымъ
дворянствомъ, городскіе обыватели еще издали
снимали шапки и кланялись въ поясъ. За пово-
ротомъ улицы начиналась площадь, выйдя на ко-
торую даже знавшіе о предполагавшейся шуткѣ
остановились въ изумленіи. Вся площадь была
покрыта рядами медвѣдей со своими жожаками.
Позвякивая цѣпами, медвѣди поглядывали по
сторонамъ, какъ бы удивляясь своему количеству.

— А ну-ка братцы, показывай, какъ малые
ребята горохъ воровали, — крикнулъ жожакамъ

исправникъ, останавливаясь передъ серединой этого необычайнаго войска.

Въ полголоса, на распѣвъ заговорили вожаки. Дружно стали медвѣди на заднія лапы и, понуемые цѣпями, начали подбрасывать палки на плечи.

— Ну, что господа французы, скажете? — обратился дѣдъ къ онѣмѣвшимъ отъ изумленія французамъ.

Недурень мой баталіонъ? Еще имъ ружей не дали, такъ они пока палками приемы дѣлаютъ.

Медвѣди, между тѣмъ, продѣлывая свой хорошо заученный урокъ, опустили на землю и медленно, съ тихимъ ворчаніемъ, рядами поползли по землѣ.

— Это они по-егерски ползать обучаются, — добавилъ онъ, снова обращаясь къ полковнику...

Теперь, кажись, посмотрѣли достаточно, нужно и моему войску отдыхъ дать...

Спасибо вамъ, братцы! Десять рублей на угощеніе жалую на всѣхъ вожаковъ.

А теперь, господа, и намъ пора домой. Погрѣемся водочкой, да посмѣемся надъ французами.

Ошеломленные видѣннымъ, французскіе офицеры о томъ медвѣжьемъ баталіонѣ въ тотъ же вечеръ на родину письма писали.

„Сами, молъ, видѣли, какъ медвѣжьій баталіонъ обучается и къ войнѣ готовится“.

Мистическій капитанъ.

Окруженные со всѣхъ сторонъ оврагами, густо поросшими мелкимъ кустарникомъ, мрачно вырисовываются на горѣ форты Забытой крѣпости. Высокіе валы кажутся еще выше, если смотрѣть на нихъ снизу изъ города, раскинушагося по долинамъ. Темный рядъ оборонительныхъ казармъ рельефно выступаетъ изъ-за валовъ, подавляя своими громадными размѣрами. Узкія амбразуры придаютъ особенный видъ этимъ зданіямъ. Передъ валами широкіе рвы съ переброшенными черезъ нихъ мостами. Общій колоритъ всего сѣрый, подавляющій и наводящій уныніе. По дну глубокаго рва, прихотливо извинаясь, проложена тропинка пѣшеходами; за угломъ бастіона она кончается, упираясь въ высокую бревенчатую палисадъ съ едва замѣтной калиткой по серединѣ. Палисадъ окружаетъ небольшой дворикъ, съ одной стороны котораго въ него выходятъ широкія ворота въ подземный корридоръ-потерну. Постепенно понижаясь, тянется

потерна шаговъ сто подъ землею, оканчиваясь вторыми воротами, ведущими въ кордегардію караула, охраняющаго арестантовъ. Узкіе корридоры освѣщены небольшими лампами, мигающій свѣтъ которыхъ бросаетъ на стѣны прихотливыя темныя тѣни по сторонамъ. Въ корридоры выходятъ двери одиночныхъ камеръ съ висячими замками на засовахъ и небольшими оконцами въ дверяхъ для наблюденія за дѣйствіями арестованныхъ. Крохотныя комнаты со сводчатымъ потолкомъ и рѣшетками въ окнахъ производятъ грустное впечатлѣніе своею убогою обстановкою. Бѣлый досчатый столъ, два табурета, кровать, да громадное неуклюжее кресло съ черной кожаной обивкою, вотъ и вся меблировка комнаты. Густая пыль на закопченныхъ сырыхъ стѣнахъ и кружева паутины по угламъ придаютъ комнатѣ видъ чего-то нежилого. Въ началѣ корридора комната немного больше другихъ—это помѣщеніе для караульнаго начальника.

На темнозеленомъ, покрытомъ пятнами столѣ стоялъ грязный позеленѣвшій самоваръ. У стола, распивая чай, сидѣли два офицера. Высокій сѣдой штабъ-офицеръ съ солдатскимъ Георгіевскимъ крестомъ въ петлицѣ—дежурный по карауламъ подполковникъ Михайловъ и молодой офицеръ поручикъ Волковъ—караульный начальникъ. Собесѣдники тихо разговаривали, коротая длинную ночь.

— Плохо въ этомъ караулѣ, Павелъ Ивановичъ, заговорилъ поручикъ, — и непріятно смотрѣть на заключенныхъ, и жалко ихъ, да и опасно, вѣдь разный изъ нихъ народъ сидитъ, хоть и свой братъ офицеръ, а Богъ его знаетъ, что у него на умѣ. Здѣсь зѣвать не приходится, въ особенности съ заключенными изъ нижнихъ чиновъ, поэтому и страшно не люблю бывать здѣсь, готовъ лучше два раза въ самый дальній караулъ сходить, а только не сюда...

— Эхъ, Александръ Ивановичъ, хоть правда сказать, что тяжело здѣсь, задумчиво смотря передъ собою, заговорилъ подполковникъ, — а все-таки главное привыкнуть нужно... Я еще молодымъ офицеромъ сталъ сюда въ караулъ ходить и насмотрѣлся на все здѣсь достаточно. Да и самъ отсидѣлъ здѣсь же шесть мѣсяцевъ, такъ знаю всю эту жизнь вдоль и поперекъ.

Что донимаетъ всѣхъ—это полное нарушеніе всѣхъ привычекъ и страшная скука, ну и положеніе—смотреть какъ на арестанта, запираютъ на замокъ, прогулка лишь по потернѣ, да въ дворикѣ и всякія другія стѣсненія. Прежде на этотъ счетъ проще было...

Сидѣлъ здѣсь какой-то капитанъ, подслѣдственный или осужденный, ужъ не помню теперь, а только помню, что онъ долго сидѣлъ. Крепость наша отъ всякаго начальства далеко, ну и велось здѣсь все по домашнему. Тихій, спокойный

человѣкъ былъ капитанъ, до крайности симпатичный, говорунъ большой; бывало разойдется, да вспомнить старину, такъ прямо скажу вамъ, заслушаешься. Гарнизонъ у насъ былъ маленькій, всѣ мы ходили сюда по очереди, познакомились съ нимъ и ужъ не могу вамъ сказать, какъ это случилось, только стали караульные начальники выпускать капитана часа на два, на три ночью къ женѣ; жена его тутъ же рядомъ на эспланадѣ жила. Комендантъ въ ту пору былъ человѣкъ старый, ночью по карауламъ никогда не ѣздилъ. Крѣпостной штабъ тоже самое, а наши дежурные по карауламъ, хотя и знали объ этомъ отступленіи, но не обращали на него никакого вниманія. Всѣ знали, что капитанъ былъ до щепетильности аккуратенъ, если пойдетъ на часъ, такъ минута въ минуту назадъ вернется. И взошли его ночные отпуски въ такую привычку у всѣхъ офицеровъ полка, что, вѣроятно, нѣкоторые изъ молодежи были помозительно увѣрены въ полной законности этихъ увольненій. Сами знаете, справляться съ уставами, да съ инструкціями не всякій любить и теперь, а тогда эта литература совсѣмъ-таки почетомъ не пользовалась. По положенію читали все чины полкового штаба, а намъ больше при случаѣ своими словами рассказывали.

Такъ прошло года полтора и скоро капитану срокъ кончался. Только тутъ случай и вышелъ. Какъ сейчасъ помню, было это въ половинѣ

октября. Денекъ выпалъ сѣрый, да пасмурный, того гляди дождь брызнетъ. Только что собрался я идти погулять, какъ получаю записку изъ канцеляріи, что по случаю болѣзни кого-то изъ офицеровъ я назначаюсь въ караулъ въ темную башню. Ужасно неприятно было, однако дѣлать нечего, собрался, одѣлъ караульную форму и поѣхалъ въ казармы. Караулъ былъ отъ моей роты, дежурный по карауламъ пріятель, значить еще полбѣды. Пришелъ я съ карауломъ сюда, смѣнился и потомъ почти цѣлый день съ капитаномъ проговорилъ. Послѣ зари закусили мы съ нимъ плотно, дежурный поѣхалъ повѣрять караулы, я взялся за какой-то романъ, капитанъ же въ своей камерѣ съ чѣмъ-то возился. Наконецъ часовъ въ 10 онъ приходитъ ко мнѣ въ пальто и фуражкѣ да и говорить:

— Я на часокъ схожу домой, такъ прикажите отворить двери, а потомъ, какъ вернусь, такъ мы съ вами чайку напьемся.

— Я позвалъ караульнаго унтеръ-офицера, приказалъ отворить, а самъ снова засѣлъ за свой романъ въ ожиданіи чаепитія. Прошелъ часъ, смотрю на часы, нѣтъ моего капитана. Невольно я его выругалъ за неаккуратность, самоваръ уже на столѣ, а его нѣтъ. Походилъ я еще изъ угла въ уголъ, открылъ часы, вижу двѣнадцать, а его все нѣтъ. Тутъ ужъ меня беспокоить это обстоятельство начало. Не то, что я боялся, что

онъ не придетъ, ночь еще велика впереди, а такъ какъ-то досадно было за его неточность.

Напившись чаю въ одиночествѣ, я только что собрался обойти наружные посты и разогнать дремоту прогулкой на свѣжемъ воздухѣ, какъ вбѣгаетъ унтеръ-офицеръ да еще на ходу докладываетъ:

— Несчастье, ваше благородіе, съ капитаномъ приключилось?

— Какое, спрашиваю, — несчастье, а самъ уже струхнулъ порядкомъ.

— Такъ что померши они у себя на фатерѣ.

Тутъ у меня пошли по синнѣ мурашки. — Откуда узналъ? говорю ему какъ можно покойнѣе.

— Ихній человекъ прибѣгъ, такъ сказывалъ, больно барыня убивается, ваше благородіе.

— Вотъ такъ исторія, плохо дѣло, а все думаю какъ ни на есть нужно извернуться.

И придумалъ я, что самое лучшее это забрать покойника въ караулъ, да и донести, что умеръ скоростижно. Оставилъ за себя унтера, приказавъ ему не болтать, да и вышелъ какъ будто бы повѣрять часовыхъ, а самъ прямо къ нему на квартиру. Вижу лежитъ покойный на диванѣ и жена подлѣ сидитъ. Представился и ей и говорю, такъ и такъ сударыня, вы сами жена военного, такъ знаете, какъ велика отвѣтственность и строгъ законъ, поэтому дайте мнѣ

покойнаго, а я отвезу его гдѣ ему быть должно и отрапортовалъ ей весь свой планъ.

Барыня сначала заартачилась, ну а потомъ вняла моимъ резонамъ и согласилась.

— Берите, говорить, — не хочу, чтобы вы его зломъ поминали.

У меня тогда какъ гора съ плечъ.

Выбѣгаю на улицу искать извозчика, смотрю, а на мое счастье какъ разъ какой-то запоздалый плетется. Нанялъ я его безъ торга — больного везти. Одѣли мы съ барыней капитана въ шубу, подняли, взявшись подъ руки, да кое-какъ втянули на пролетку. Теперь, думаю, дѣло въ шляпѣ. Хоть и неприятно было покойника держать, а дѣлать нечего, обнялъ я его за талию и держу. Пролетка къ счастью крытая попалась. Подъѣзжаю къ темной башнѣ и телько что хотѣлъ часового изъ фронта вызвать старшаго, какъ смотрю самъ дежурный по карауламъ около платформы бродить. Я къ нему, хотѣлъ похвастаться, что все дѣло устроилъ.

— Что капитанъ заболѣлъ? спрашиваетъ.

Вмѣсто того, чтобы подтвердить его предположеніе, какъ будто кто подтолкнулъ?

— Нѣтъ, говорю, — Иванъ Ивановичъ, умеръ нашъ капитанъ, но я вывернулся благополучно.

И тутъ же рассказываю ему всю исторію.

Батюшки, что только тутъ было; какъ услышалъ Иванъ Ивановичъ, такъ и взбеле-

нился; потомъ ужъ я узналъ — онъ покойниковъ страшно боялся.

— Куда хотите его везите, а въ караулъ я его не допущу. Лучше самъ подъ судъ пойду.

И пошелъ и пошелъ...

Вижу дѣло дрянъ... Я его давай упрашивать, но какіе только резоны не представлялъ — ничего не вышло, уперся на своемъ и знать ничего не хочетъ. Меня ужъ нервная лихорадка бить стала. Наконецъ онъ немного утихъ.

— Вотъ что, говоритъ, — я посоветую, поѣзжайте въ госпиталь, да сдайте капитана тамъ, какъ неожиданно заболѣвшаго, это будетъ самое лучшее, а въ караулъ я его не пушу.

Вижу ничего съ нимъ не подѣлаешь, ну и мнѣ самому показался въ ту пору проэктъ этотъ легко исполнимымъ. Сѣлъ я опять на извозчика.

— Гони въ госпиталь, да скорѣе — рубль на водку получишь.

Поѣхали...

Сажу я, держу покойника, а госпиталь тогда на зарѣчной сторонѣ былъ и по самымъ глухимъ мѣстамъ ѣхать приходилось. На душѣ у меня было какъ-то особенно скверно. Ночь какъ на зло, ни зги не видно, дождикъ сталъ накрапывать, а дорога вся въ выбоинахъ, такъ что мнѣ покойника вѣрнѣе обхватить пришлось, чтобы онъ не выпалъ изъ экипажа. А тутъ гроза

поднялась, какъ сверкнетъ молнія, да осветитъ его лицо, такъ вы не повѣрите, чувствую шапка у меня на головѣ сама къ верху лѣзетъ. Надвину ее почти на самые глаза, нѣтъ проблѣтая, такъ и лѣзетъ вверху. Оторопь меня взяла.

А извозчикъ какъ ни въ чемъ не бывало ѣдетъ себѣ, не подозрѣвая, кого онъ везетъ. Наконецъ смотрю и огоньки въ госпиталь видны. Ну, думаю, сейчасъ его съ рукъ сдамъ. Подѣзжаю къ воротамъ, остановился у подѣзда, да прямо къ дежурному врачу.

— Примите, говорю, — докторъ, больного, заболѣлъ въ Темной башнѣ.

— Гдѣ же онъ? спрашиваетъ.

— На извозчикѣ, отвѣчаю, — да вы прихватите, докторъ, людей, чтобы его внести, потому что самъ онъ ходить не можетъ.

Сошли мы съ нимъ внизъ — извозчикъ куда-то въ сторону отошелъ. Отвернулъ докторъ воротникъ шубы, дотронулся до лица, да и говоритъ:

— Это вы, батюшка, не больного, а покойника привезли.

Осветилъ его спичкой, еще посмотрѣлъ, да и добавляетъ:

— Нѣтъ, я такого отъ васъ принять не имѣю права.

Тутъ ужъ я началъ его упрашивать. Однако изъ всѣхъ моихъ просьбъ ничего не вышло. Даже

рассказалъ я ему въ чемъ дѣло. Подумалъ онъ еще немного, да и говорить:

— Только и могу дать вамъ слово, что ни одна душа объ этомъ не узнаетъ, а принять не могу—везите его опять въ караулъ, авось вашъ дежурный смилуется.

Тутъ я уже совсѣмъ волкомъ взвылъ. Съѣздова въ пролетку, а извозчикъ упирается:

— Лошадь заморилась, не могу, ваше скорое, дальше везти.

Я его и честью и по затылку, всякими способами усовѣщевать сталъ. На чай, уже не помню сколько, общалъ, должно быть очень много, потому что, подумавши, согласился мой возница и мы тронулись дальше.

Бду я и думаю, куда бы опредѣлить капитана, лишь бы съ рукъ сбыть... Все равно подъ судъ пойдешь, какъ ни изворачивайся... Эхъ, думаю, свезу его къ капитаншѣ, а затѣмъ самъ пойду и обо всемъ доложу коменданту. Лошадь какъ на грѣхъ притомилась и плелись мы нога за ногу, а у меня однѣ только черные мысли. И ругалъ я въ ту пору покойника... Ну а самъ нѣтъ, нѣтъ, да на него и посмотришь. Темнота была, хоть глаза выколи, а мнѣ его лицо какъ будто при свѣтѣ видно было... И стало мнѣ чудиться, что недоволенъ чѣмъ-то покойный и брови хмурить... Сознаю самъ, что все это только кажется, а не могу себя пересилить. Такой нацалъ

на меня страхъ—сизжу я рядомъ съ нимъ и зубами, какъ въ лихорадкѣ, стучу.

— Вези обратно, приказываю извозчику, на эспланаду (гдѣ вдова жила).

Кажется мнѣ цѣлую вѣчность мы ѣхали. Наконецъ смотрю ее квартира, у меня какъ гора съ плечъ. Постучалъ въ калитку слегка, чтобы не напугать, да видно не до сна барынь въ эту ночь было; почти сейчасъ же впустили меня... Выходить ко мнѣ вдовушка, да и говорить:

— Отвезли! Можетъ быть нужно что-нибудь?

Я ей тутъ всю свою неудачную поѣздку рассказалъ; да и говорю:

— Помогите, ради Бога, снять его съ извозчика и внести въ домъ.

Какъ услышала моя барыня, что я его назадъ привезъ, бацъ въ обморокъ; потомъ какъ начались истерики, я уже положительно голову потерялъ. Водой ее спрыскивалъ, уговаривалъ, а она то плачетъ, то хохочетъ. Наконецъ немного успокоилась; я вторично къ ней съ тѣмъ же... А она мнѣ въ отвѣтъ:

— Не пущу—куда хотите везите, не пущу. Да и опять въ обморокъ.

Вижу какъ ни вертись, а ничего не подѣлаешь. Взялъ шапку и тихо этакъ иду къ извозчику. Все равно рѣшилъ пронадать, лучше

самъ явлюсь къ коменданту и обо всемъ ему самъ доложу, а главное—своего компаніона ему сдамъ, ужъ тамъ навѣрное примуть и отказа не будетъ.

И такъ сразу у меня легко на душѣ стало, какъ принялъ я это рѣшеніе. Подхожу къ пролеткѣ—извозчика нѣтъ. Обликнулъ я его разъ, другой—не является. Очевидно увидѣлъ, что не живого, а покойника возить, да съ перепуга тягу далъ. Дѣлать нечего, самъ я тутъ на козлы сѣлъ и примехонько въ комендантское управленіе отправился.

Разбудили коменданта, старый онъ человѣкъ былъ, но добрякъ на рѣдкость... Выслушалъ меня и все ничего, а какъ услышалъ, что покойника тутъ-же въ канцеляріи положили, такой шумъ поднялъ, что хоть святыхъ выноси... Арестовали меня сейчасъ же по его приказанію. И долго потомъ дѣло тянулось; да, къ счастью моему, слѣдствіе выяснило, что все полки капитана отпускали, больше пятидесяти человѣкъ виновныхъ оказалось. Всѣхъ предавать суду нужно. Доложили тогда Государю Императору объ этомъ дѣлѣ.

И вышло Высочайшее повелѣніе посадить всѣхъ прикосновенныхъ къ дѣлу въ крѣпость, кого на недѣлю, кого на двѣ, а меня на шесть мѣсяцевъ.

Счастливо отдѣлся, если бы по суду, такъ

навѣрное бы въ рядовые былъ разжалованъ, а то еще что-нибудь хуже...

— А каково сидѣть вамъ было, задалъ вопросъ внимательно слушавшій поручикъ.— Я думаю это страшно тяжело.

— Какъ вамъ сказать, задумался подполковникъ.— Такой срокъ какъ шесть мѣсяцевъ еще туда-сюда, высиживать можно. Нервы только сильно расшатываются, обстановка слишкомъ вліяетъ.

Ну, а посидѣть такъ тошка два, три, какъ, наприкладъ, Вѣтровъ, благодарю покорно. Видѣли вы его вѣдь, какъ лунь свдой сталъ, а молодой еще человѣкъ. Отъ сырости и недостатка воздуха чахотка у многихъ развивается. Обстановка заключенныхъ, сами видѣли, куда какъ неприглядна; а при этомъ тоска и одиночество совершенно разрушаютъ здоровье...

Однако я съ вами заболтался. нужно поѣхать провѣрить захолустный карауль.

До свиданья пока. Часовыхъ чаще посылайте провѣрить... добавилъ онъ, поднимаясь съ кресла и направляясь къ дверямъ.

Въ корридорахъ была гробовая тишина, нарушавшаяся шагами часового, гулко раздававшимися подъ сводами, да въ кордегардіи порою слышался голосъ унтеръ-офицера, назна-

чавшаго смѣну или отправлявшаго патруль для
повѣрки часовыхъ...

Темная башня казалась чѣмъ-то вымершимъ,
не живымъ. Окутанная ночнымъ туманомъ, она
грозно поднималась надъ высокими земляными
валами, рельефно выступая изъ мрака ночи...
